В88 459

Героический Сталинград

В88
459

35

Героический Сталинград

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
67	4 сверху	свой	своей
81	13 сверху	Первый	Правый —
99	15 снизу	иробирались	пробирались
114	10 снизу	день	За день
124	12 сверху	ненское	некое
143	16 сверху	ренебрегли	принебрегли

Сталинградское Книгоиздательство
Астрахань. 1943 г.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
67	4 сверху	своя	своей
81	13 сверху	Перья	Прямы
93	15 снизу	вторгались	проврались
114	10 снизу	день	Зд день
124	12 сверху	женское	какое
143	16 сверху	растворили	вынесли

В88
459

35

Героический Сталинград

Стр.
87
81
93
114
124
143

Сталинградское Книгоиздательство
Астрахань. 1943 г.

Сборник „Героический Сталинград" издается Сталинградской Областной Комиссией по истории отечественной войны. Первый сборник посвящен героической обороне Сталинграда. Готовятся материалы к выпуску второго сборника, который будет посвящен разгрому немцев под Сталинградом и победоносному наступлению Красной Армии.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

775305 V V

25 августа 1942 года приказом Военного Совета фронта город был об'явлен на осадном положении. Городской Комитет Обороны обратился к населению с воззванием:

„Товарищи Сталинградцы! Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью.

Все на строительство баррикад. Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!“

Дорогие товарищи!

Родные Сталинградцы!

Остервенелые банды врага подкатились к стенам нашего родного города.

Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни.

Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке—Волге.

Воины Красной Армии самоотверженно защищают Сталинград. Все подступы к городу усеяны трупами немецко-фашистских захватчиков.

Обер-бандит Гитлер бросает в бой все новые и новые банды своих головорезов, стремясь любой ценой захватить Сталинград.

Товарищи Сталинградцы!

Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи.

Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами.

Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью.

Выходите все на строительство баррикад. Организуйте бригады. Баррикадируйте каждую улицу. Для строительства баррикад используйте все, что имеется под руками—камень, бревно, железо, вагоны трамвая и т. д.

Построим баррикады быстро и так, чтобы боец-защитник Сталинграда беспощадно громил врага с баррикад построенных нами.

Бойцы Красной Армии! Защитники Сталинграда!

Мы, сделаем для вас все, чтобы отстоять город.

Ни шагу назад!

Бейте беспощадно врага. Отомстите немцам за все учиненные ими зверства, за разрушенные очаги, за пролитые слезы наших детей, матерей и жен.

Защитники Сталинграда! В грозный 1918 год наши отцы отстояли Красный Царицын от банд немецких наемников.

Отстоим и мы в 1942 году Краснознаменный Сталинград.

Отстоим, чтобы отбросить, а затем разгромить кровавую банду немецких захватчиков.

Все на строительство баррикад!

Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома.

Сталинградский Городской Комитет Обороны.

ПРИКАЗ

войскам Юго - Восточного фронта

№ 4.

1 сентября 1942 г. *Действующая Армия.*

Товарищи бойцы, командиры и политработники! Доблестные защитники Сталинграда!

В течение месяца идет ожесточенная борьба за город СТАЛИНГРАД. Немцы потеряли сотни танков и самолетов. Через горы трупов своих солдат и офицеров озверелые гитлеровские банды рвутся к СТАЛИНГРАДУ, к ВОЛГЕ.

Нам, наша большевистская партия, наш народ, наша великая Родина поручили не допустить врага к ВОЛГЕ, защитить город СТАЛИНГРАД.

Защита СТАЛИНГРАДА имеет решающее значение для всего советского фронта.

Не жалея сил, презирая смерть — не допустим немцев к ВОЛГЕ, не сдадим СТАЛИНГРАД!

Каждый из нас должен помнить, что захват немцами СТАЛИНГРАДА и выход на ВОЛГУ будет усиливать наших врагов и ослаблять наши силы.

НИ ШАГУ НАЗАД!

Военный Совет требует от всех бойцов, командиров и политработников, от всех защитников СТАЛИНГРАДА беззаветной храбрости, стойкости и героизма в борьбе с зарвавшимся врагом.

Враг должен быть и будет разбит на подступах к СТАЛИНГРАДУ.

ВПЕРЕД НА ВРАГА!

В беспощадный бой, товарищи,

за Сталинград, за Великую Родину!

Смерть немецким оккупантам!

ВОЕННЫЙ СОВЕТ.

ГЕРОИЧЕСКИЙ СТАЛИНГРАД

Сталинград.

Сколько раз на протяжении четверти века этот город стоит в центре внимания человечества! Как много в нем заключено для сердца советского народа! С этим городом связана ярчайшая страница гражданской войны. С ним неразрывно связан бурный взлет нашей индустриализации. И сейчас снова над миром, объятым огнем пожарищ и войны, полыхает слава Сталинграда.

Город-герой, город-воин, город прекрасных наших традиций и стальной большевистской воли.

Вспомним 1918 год.

Огненное кольцо контрреволюции стягивается все туже и туже вокруг Царицына. Белогвардейские генералы уже предвкушают падение волжской твердыни. Партия, Ленин поручают оборону города товарищу Сталину. В кратчайший срок были созданы дивизии, бригады, полки. Аппарат очистили от врагов и бездельников. Город превратился в военный лагерь. Под ружье встали рабочие царицынских заводов.

Сталинградцы! Все — на защиту своих улиц, своих домов, своей земли, политой кровью отцов! К вам, ко всем защитникам Сталинграда, взывают герои царицынской обороны в своем обращении: «Не сдавайте врагу наш любимый город! Любой ценой защитите город Сталина! Бейтесь так, чтобы слава о вас, как и о защитниках Царицына, звенела в веках!»

Под Царицыном в 1918 году решался исход борьбы, происходившей на всей огромной территории юго-востока Советской России, от донских степей до Северного Кавказа и Туркестана.

Так и теперь героическая оборона Сталинграда нарушает широкие планы гитлеровского командования. Гитлер предполагал быстро разделаться с городом, разрубить наш фронт. Немцы бешено рвутся к Сталинграду, надеясь, что им удастся, овладев Сталинградом, направить войска на Москву, на

Баку. Героические защитники Сталинграда своей стойкостью срывают эти планы гитлеровских разбойников. Не удались Гитлеру и далеко идущие планы, связанные со Сталинградом, — расширить фронт борьбы против СССР. Героическая оборона Сталинграда еще более укрепила уважение к силе Советского Союза со стороны других государств. И чем тверже вы, защитники Сталинграда, будете стоять на своих рубежах, чем крепче будете бить ненавистного врага, тем прочнее и прочнее будут позиции СССР.

Как закаленный в битвах солдат, твердо стоит Сталинград на своем посту. Под яростной бомбардировкой немецких самолетов заводы продолжали выпускать свою продукцию, а когда вражеские бомбы повредили часть заводских зданий, в наспех организованных мастерских ремонтировались танки, которые тут же, выйдя из ворот завода, вступали в бой.

Бессмертна в наших сердцах память о защитниках Царицына. Никогда не угаснут в сердцах советского народа и имена рабочих Сталинградского тракторного завода, первенца социалистической индустриализации, которые жизнью и смертью своей преградили врагу путь к городу. Вечным ореолом славы покрыли себя сталевары Кузьмин, Орлов, Ольга Ковалева, слесари Володин, Иванов, Савченко, рабочие Симонов, Познышев и другие.

С затаенным дыханием следит мир за гигантской битвой, развернувшейся на берегах Волги. Каждое сообщение мгновенно облетает весь свет. Газеты всех стран на первых страницах печатают телеграммы о положении в районе Сталинграда, о ходе небывалого в истории сражения.

Мировая печать единодушно отмечает беспримерный героизм защитников города. Турецкая газета «Икдам», высмеивая болтовню о «непобедимости» германской армии, пишет: «Один только Севастополь боролся дольше, чем французская армия, один только Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа».

Так же, как в 1918 году, могучая воля товарища Сталина и стойкость советских людей обеспечили успех обороны Царицына, так и теперь Сталинград держится этой непреклонной волей, этой чудесной стойкостью.

Немцы бросили на подступы к городу десятки моторизованных и пехотных дивизий, более тысячи самолетов. Порою до сотни танков штурмуют узкие участки, по нескольку сот самолетов пытаются проложить дорогу пехоте. Обозленные героическим сопротивлением советских воинов, гитлеровцы с

яростью вандалов обрушились на прекрасный город. Его просторные площади изрыты воронками от разрыва бомб и снарядов, его театры, дворцы культуры, школы, больницы, дома разрушены и сожжены. Над городом стоит багровый дым пожарищ.

Но выше его вознеслась слава героев Сталинграда. Вся Красная Армия должна брать с них пример!

Немцы пытались с хода прорваться танками к важному участку под Сталинградом. Путь врагу преградили тридцать три советских воина. Два дня они держали свой рубеж, хотя фашисты окружили их со всех сторон. Советские богатыри выстояли против 70 танков, сожгли 27 из них, истребили свыше 150 немцев и покрыли неблекнущей славой боевые знамена родины. Родина увенчала их заслуженной наградой. Так надо стоять против вражеских танков!

Отчизна требует от всех воинов Красной Армии, от всех защитников Сталинграда, чтобы они сражались с такой же беззаветной стойкостью, как славные гвардейцы, обороняющие город на самом тяжелом участке. Порой они выдерживают по 12—15 атак в день, лежат под градом вражеских бомб и снарядов, но не отступают ни на шаг. Среди горящих развалин их сердца стали тверже немецкой стали. Немецкие танки отходят назад, но советские гвардейцы остаются на местах. За один только сутки они уничтожили 42 вражеских бронированных машины. Так надо бороться с врагом!

Все ожесточеннее и кровопролитнее становятся бои за Сталинград. Враг несет колоссальные потери. Подступы к городу и улицы окраин устланы остовами сотен сгоревших немецких танков, трупами тысяч немецких солдат и офицеров. Недаром сами немцы назвали путь к городу «дорогой мертвецов». Но враг не унимается. Несмотря на огромные потери, он все еще бросает в бой новые силы. Лишь на днях под Сталинград прибыли две новых пехотных дивизии и одна танковая. Судьба города зависит от железной стойкости, выдержки, воинского умения защитников Сталинграда.

Вспомните товарищи, что на этих окраинах ваши отцы защищали свою родину, свой дом, ваше счастье. Вспомните, товарищи, что вашими руками были созданы заводы и фабрики города, театры и институты. Помните, товарищи, что бои под Сталинградом имеют важнейшее значение для всего хода великой отечественной войны против немецких разбойников, помните, что от исхода вашей борьбы во многом зави-

сит будущее ваших детей! Так будьте же достойны памяти своих отцов, оборонявших Царицын, будьте достойны трудовой доблести строителей «СТЗ», выигравших битву за индустриализацию, равняйтесь по героям, защищающим свои рубежи до последнего дыхания!

Весь наш народ с волнением следит за ходом битвы на берегах Волги. Стойкость и мужество защитников Сталинграда воодушевляют советских людей на новые трудовые подвиги. Сталевары дают ускоренные плавки—в помощь защитникам Сталинграда! Шахтеры выдают на-гора уголь сверх плана — в помощь защитникам Сталинграда! Колхозники убирают хлеб до зерна — в помощь защитникам Сталинграда!

Весь советский народ, вся Красная Армия, партия, правительство, товарищ Сталин — с вами, дорогие защитники нашей волжской твердыни! С вами миллионы людей, миллионы верных сердец во всех странах мира. Так еще упорнее деритесь, товарищи, бой за Сталинград, чтобы обескровить, а затем отбросить и разгромить врага!

(Передовая «Правды» за 5 окт. 1942 г.).

А. ЧУЯНОВ,
секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б).

ГОРОД-ГЕРОЙ

Взоры всех советских людей прикованы сейчас к нашему Сталинграду. Два месяца под городом и в его районе идет большое сражение, кровопролитное и напряженное, не ослабевающее ни на один день.

Избрав Сталинград центром главного своего удара, немецкое командование стянуло сюда свыше 30 пехотных, танковых и моторизованных дивизий, свыше тысячи самолетов. Немцы устлали трупами своих солдат и офицеров, сотнями танков весь путь своего наступления, все пространство от Дона до Волги. Но, невзирая на эти колоссальные потери, они настойчиво рвутся в город.

Немецкое командование рассчитывало захватить Сталинград еще в августе. Но стойкость защитников города опрокинула планы Гитлера и, хотя ценою невиданно больших потерь немцы продвинулись вплотную к городу и осадили его и хотя уже развернулись уличные бои, город-герой не склонил перед врагом своего красного знамени, овеянного славой незабываемой сталинской обороны Царицына. Тяжелые удары немцев не сломили город. Сталинград не сдался!

Бои под Сталинградом знаменательны тем, что здесь даже крупные танковые колонны противника, действуя в открытой степи, не могли решить успех наступления. Поэтому в качестве пробивного кулака немецкое командование вынуждено было использовать главным образом авиацию, стянув ее с многих других участков фронта. Немцы бросали на город по 600—1000 самолетов в день, которые действовали по очереди группами по 30—40 машин с утра до вечера на сравнительно узком участке, обрабатывая его таким образом, чтобы обеспечить продвижение своих наземных войск, хотя бы на несколько сот метров.

Нужна была поистине железная стойкость, чтобы в этих тяжелых условиях сдерживать врага и наносить ему огром-

ные потери. Но армия защитников Сталинграда, от командующего до рядового бойца, проникнутая твердой решимостью отстоять город, продолжает защищать родной Сталинград. Озлобленный неудачами, враг вымещает свою злобу на мирном населении города. Фашистские воздушные пираты с остервенением бомбардировали рабочие кварталы, больницы, детские сады, учебные заведения. Сталинградцы любили свою библиотеку. В центре города, на набережной, для детей был оборудован прекрасный дворец пионеров, для молодежи — дворец физкультуры. Погибла в пламени замечательная библиотека, черным остовом стоит дворец физкультуры, разрушены больницы, школы, вузы. Пролита кровь многих сотен стариков, женщин, детей.

Непрерывными бомбежками немцы хотели запугать защитников города, дезорганизовать его оборону. Мужественно и стойко выдержали сталинградцы тяжелые удары с воздуха и не испугом, а жгучей ненавистью наполнились их сердца. На фашистские злодеяния рабочие города ответили формированием вооруженных отрядов.

В августе фронт подошел вплотную к городу. Городской комитет обороны обратился к трудящимся Сталинграда с воззванием: «Дорогие товарищи, родные сталинградцы! Снова, как и 24 года тому назад, наш город переживает тяжелые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке — Волге. Сталинградцы! Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью. Выходите все на строительство баррикад. Баррикадируйте каждую улицу.

В грозный 1918 год наши отцы отстояли Царицын. Отстоим и мы в 1942 году краснознаменный Сталинград. Все на строительство баррикад! Все, кто способен носить оружие, на защиту родного города, родного дома!»

Население города дружно отозвалось на призыв, помогало нашим войскам строить баррикады. Сталинградские рабочие, взялись за оружие, чтобы остановить врага и отомстить ему за разрушения, за смерть женщин и детей. Героизм сталинградских рабочих питал фронт боеприпасами вплоть до того, как развернулись уличные бои. Рабочие «Красного Октября», «Баррикад», «СТЗ» показали пример организованности, дис-

циплины, мужества. Они стойко выдержали вражеские бомбардировки, самоотверженно тушили пожары, охраняли цеха, строили баррикады. Даже сейчас, когда в районе города идут бои, тракторозаводцы под огнем противника продолжают оказывать посильную помощь фронту, например, ремонтировать танки. Это подлинно заводы-фронтовики, заводы-воины.

В дни обороны Царицына товарищ Сталин не раз бывал на заводе Дюмо («Красный Октябрь») и орудийном, проверял, как рабочие обучаются военному делу, выступал на митингах. Он принимал рабочих, беседовал с ними. Старые рабочие помнят выступление товарища Сталина на митинге у рабочего театра, на бывшем заводе Дюмо. В клубе железнодорожников по его инициативе формировались тогда батальоны рабочих. Сталин учил рабочих, что надо всегда готовить себя к тому, чтобы в нужный момент суметь с оружием в руках драться с врагом. После работы рабочие учились военному делу, и несколько раз, когда враг наседал и падение города казалось неизбежным, рабочие останавливали станки и брались за оружие. Шли на решающие участки вооруженные полки царицынских рабочих, и положение исправлялось.

И теперь, когда для города вновь наступили дни тяжелых испытаний, рабочие Сталинграда вместе с бойцами армии обороняют родной город. Когда враг прорвался к окраине города, пошли на фронт батальоны краснооктябрьцев-металлургов, истребительные отряды тракторозаводцев, дружины баррикадцев, и раньше задававших тон в политической жизни города. Пошли в бой железнодорожники. В составе батальона краснооктябрьцев было свыше 200 коммунистов, люди, которыми Сталинград гордился и до войны,—знатные сталевары Соколков, Кузьмин, Алешкин, Ковалева, Новодевиченский.

В составе батальона тракторного завода были и старые рабочие, и заводская молодежь. Военное обучение пригодилось — рабочие отряда умело дрались с врагом. Они самоотверженно в течение нескольких дней сдерживали врага на участке прорыва, а батальон краснооктябрьцев с боем занял хутор на окраине города. Здесь, защищая родной город, сложили свои головы отважные сыны и дочери Сталинграда— командир батальона краснооктябрьцев рабочий листопрокатного цеха тов. Познышев, сталевары Кузьмин, Орлов и другие краснооктябрьцы, командир роты монтер СТЗ коммунист Симонов, слесари Володин, Иванов, Савченко. Слава им, героям Сталинграда!

Громким эхом отозвалась по всему городу гибель сталевара Ольги Ковалевой, убитой в атаке. Воспитанница завода, задолго до войны Ковалева стала сталеваром, отлично справлялась с этой работой, считавшейся исключительно мужской профессией. Она не отставала от мужчин в труде, не захотела отстать и в военном деле. Добровольцем она записалась в батальон, обучалась военному делу, и пошла в бой так же уверенно, как шла она на мартен варить качественную сталь. Она погибла в атаке, сраженная несколькими вражескими пулями. Большевики Сталинграда, в рядах которых состояла Ольга Ковалева, рабочие наших заводов, все сталинградцы склоняют свои головы перед свежей могилой славной дочери Сталинграда. Пусть запомнят ее имя все советские женщины! Придет время, и мы поставим памятник погибшим героям Сталинграда. На памятнике мы высечем среди других имен имя героини - патриотки Ольги Ковалевой.

В боях с врагом отличились многие баррикадцы-минометчики и пулеметчики—Афонин, Устинкин, Былушкин и другие. В боях на северной окраине города особенно отличились начальник штаба батальона рабочих СТЗ, преподаватель механического института тов. Панченко, работник завода политрук Салуткин, командир взвода, бывший боец 1-й Конной Москалев, комсомолец Талдыкин, коммунист Храмов, Тупиков, Зайцев.

Под огнем противника в разгар тяжелых боев у стен завода рабочие СТЗ отправили на фронт десятки танков, пулеметы, собрали на конвейере тягачи, отправляли на фронт боеприпасы.

Нельзя не отметить героизма сталинградских водников. Под обстрелом вражеской авиации и артиллерии водники самоотверженно поставляют в город через Волгу боеприпасы, перевозят войска. Вот несколько примеров массового героизма наших водников: капитан баркаса «Наблюдатель» тов. Исаков со своей командой 6 суток без сна и отдыха нес вахту. Механик Тимохин не сошел с поста даже тогда, когда в его каюту попала зажигательная бомба, и доставил пароход с войсками к месту назначения.

Капитан катера «Тринадцатый» 59-летний старик Павел Иванович Колшенский — участник прошлой обороны Царицына—до последней минуты находился на тонущем катере, спасая команду. Самоотверженно тушила пожары команда парохода «Гаситель» во главе с капитаном Воробьевым. Во время бомбардировки часть команды погибла. Помощник

механика Агапов заменил убитого механика, кочегара и работал на нескольких механизмах. Так же мужественно вели себя старые фронтовики Чекушкин, Борисов, вернувшиеся после ранения на фронте на водный транспорт.

Сегодня в районе города идут уличные бои. С крыш, из окон домов на немецкие танки сыплются гранаты и бутылки с горючим, из подвалов и чердаков немцев обстреливают наши автоматчики. Бойцы Сталинграда упорно обороняют каждую улицу, каждый дом. В уличных боях принимают участие тысячи сталинградцев.

Бойцам помогают жители города. Вот один характерный факт. Немцы заставили одну из женщин показать им, как обойти дом, который защищали наши автоматчики. Женщина согласилась провести их. Она привела немцев под огонь наших бойцов и крикнула: «Стреляйте, товарищи!». Немцы были перебиты, но один из них, раненый, застрелил патриотку. Когда наши бойцы подбежали к ней, женщина сказала: «А все-таки я их точно привела!». Слава ей, безымянной героине! Другой пример. Подразделению сержанта Фролова нужно было отбить дом, в котором засели немцы. Жители этого квартала вывели бойцов проходами, сделанными в стенах разрушенных зданий, прямо к объекту атаки. Прежде, чем фашисты успели заметить опасность, в окна полетели гранаты, пехотинцы ворвались в дом и перебили десять немецких автоматчиков.

Сталинград переживает весьма тяжелые дни, но в эти дни город чувствует внимание всей страны, внимание нашего вождя, это придает новые силы защитникам Сталинграда, рабочим города, помогающим армии. В те дни, когда враг подходил к городу, товарищ Сталин позвонил нам по телефону и сказал, что надо бороться с паникерами, которые могут погубить дело. Это определило задачи партийной организации — помогать армии отстаивать город, внесло целеустремленность в нашу работу.

Велика и почетна роль защитников Сталинграда. Их стойкость и неустрашимость навсегда останутся в памяти благодарного народа. С надеждой и упованием смотрят сталинградцы на героических защитников города. Седые ветераны царицынской обороны, рабочие, женщины и дети, все сталинградцы с нетерпением ждут того счастливого дня, когда наши войска, обескровив врага боями в районе Сталинграда, отбросят его далеко от стен нашего родного города.

Г. АЛЕКСАНДРОВ

БОИ ЗА СТАЛИНГРАД

В Октябрьских лозунгах ЦК ВКП(б) особо отмечается героическая защита нашими войсками Сталинграда, Ленинграда и Кавказа.

Великая битва наших войск за Сталинград имеет совершенно исключительное значение во всех боях лета и осени этого года.

Бои под Сталинградом развертываются уже в течение многих недель. Три месяца немцы ведут в этом районе наступление, вводя в бой все новые и новые силы. Если же иметь в виду операции немцев, включая наступление в большой излучине Дона, то борьба на этом участке ведется уже больше 100 дней.

Активные операции в направлении на Сталинград немцы начали еще в августе месяце. План их состоял в том, чтобы через Воронеж зайти в тылы нашим южным войскам и в течение двух—трех недель захватить Сталинград, весь советский Юг.

Вначале немцам удалось сравнительно быстро продвинуться на Юге. И в немецкой печати, и по радио уже можно было услышать хвастливые заявления о том, что операции на Юге развиваются по плану, что в две—три недели с Югом все будет закончено. Тогда, писали немецкие газеты, можно будет перебросить часть армии для борьбы против Англии, а часть армии—для наступления на Москву. Немцы рассчитывали на быстрое осуществление этого плана, бросив на Юг основную свою армию—около 100 дивизий и сосредоточив в этом районе не менее двух тысяч самолетов, большую часть танков и артиллерии.

Если иметь в виду не только город Сталинград, но и прилегающие к нему районы, то немцы имеют здесь несколько сот тысяч солдат, составляющих наиболее активную часть немецкой армии, опытную в боях, сильно насыщенную отрядами, полками и дивизиями эсэсовцев и лишь незначительно разбавленную войсками вассальных государств. Это сделали гитлеровцы для того, чтобы придать своей группировке войск, наступающей на Сталинград, большую ударную

силу. Нужно иметь также в виду, что под Сталинградом уже длительное время сосредоточена большая часть самолетов первой линии и танковых частей германской армии. Бывают дни, когда вражеская авиация делает на Сталинград до 2.000 и более самолетовылетов, в отдельные частные атаки немцы бросают до 200 и больше танков. Немцы обстреливают Сталинград из 1.500—2.000 орудий.

Учитывая размах введенной в действие с обеих сторон военной техники, а также участвующей в боях пехоты, можно смело сказать, что если оставить в стороне бои под Москвой зимой 1941—42 г., то в истории войн еще не было городов, за которые сражались бы такие крупные армии и на захват которых было брошено столько военной техники.

Важность отмеченной особенности битвы за Сталинград состоит в том, что немецкая армия несет здесь исключительно тяжелые потери. В отдельные дни ожесточенных, кровопролитных сражений наши войска истребляют в боях до 4—5 тысяч немцев. В дни, когда бои идут круглые сутки, немцы вместе с ранеными теряют до дивизии своих войск.

Наши войска, борющиеся под Сталинградом, использовали опыт, приобретенный ими за 16 месяцев войны. Стойкость наших войск несравненно возросла по сравнению с первыми месяцами борьбы. Советский боец борется до последней возможности. Ярость борьбы достигла высокого напряжения. Были случаи, когда у отдельных бойцов кончались патроны, гранаты, когда боец не мог, будучи схвачен несколькими немцами, орудовать штыком и прикладом. Тогда он бросался на гитлеровца и перегрызал врагу горло, погибая сам в неравной борьбе. Отвага, стойкость, упорство, геройство советского бойца превзошли все, что было известно в истории войн. Защитники Сталинграда достойны славы героических защитников Москвы, Ленинграда, Севастополя.

Бои, которые ведет Красная Армия под Сталинградом, продолжаются много недель. Этот факт имеет исключительное значение не только потому, что немцы теряют под Сталинградом ежедневно до 4—5 тысяч убитыми и тем самым неуклонно подтачиваются силы врага; что с каждой неделей увеличивается количество уничтоженных немецких дивизий; что наши войска приобрели здесь важный опыт защиты советских городов и населенных пунктов. Значение сталинградских боев состоит и в другом. Героическая оборона советских воинов задержала немцев под Сталинградом в течение трех месяцев. А это означает, что **под Сталинградом**

немцы потеряли самое драгоценное время, которым они вообще могли располагать в этом году для наступления. Весь август, сентябрь и октябрь гитлеровцы толкутся под Сталинградом, теряя сотни тысяч солдат и офицеров, массу техники, так и не достигнув решающего успеха, потеряв самые лучшие, **решающие** летние месяцы 1942 года, в которые они мечтали развернуть многомиллионную армию с ее техникой для наступления на Западном фронте. А это все означает, что в значительной мере благодаря упорной, стойкой обороне Сталинграда опрокинут весь стратегический план немцев на 1942 год.

Защитники Сталинграда своей героической борьбой существенно повлияли на ход и перспективы войны. Уже теперь основной генеральный план немцев на лето и осень 1942 года провалился с треском.

Бои под Сталинградом дали в руки Красной Армии, в руки советских властей новые материалы о кровожадном, разбойничьем характере гитлеровской армии. Неудачи и поражения немцев под Сталинградом окончательно вывели из себя этих людоедов и еще более развязали кровавые инстинкты этих бешеных псов. В нашей печати публиковалось достаточно материала, чтобы судить об этой преступной банде убийц, которые понесут суровый ответ за все свои злодеяния.

То обстоятельство, что немцы не смогли взять Сталинград и тем самым освободить свои войска для операций на других участках фронта, серьезно отразилось на внутриполитическом положении Германии. В немецкой печати в последнее время появилась целая серия статей, успокаивающих население. В этих статьях гитлеровцы стремятся объяснить, почему не удается быстро взять Сталинград. Приводятся разные аргументы. Например, одна немецкая газета пишет — и это же было сказано иностранным корреспондентам на пресс-конференции в Берлине, — что немцы не хотят терять лишнее количество войск и что, следовательно, Сталинград не взят потому, что так и предполагалось развитие этой операции по плану немецкого командования. Другая немецкая газета говорит о том, что «в Сталинграде обороняющаяся сторона имеет преимущества, потому, что русские достигли мастерства в борьбе среди развалин». Немецкое радио заявило, что русские «неожиданно установили на восточном берегу Волги тяжелую артиллерию и обстреливают германские позиции», — вот почему,

оказывается, немцы не могут взять Сталинград! Недавно германские военные круги сделали заявление о том, что, мол, бои у Сталинграда имеют лишь «второстепенное значение». И это говорится в то время, когда немцы сосредоточили там главные силы своих войск, танков и авиации! Сошлемся, наконец, еще на один документ—на речь, которую произнес по радио немецкий генерал-лейтенант Дитмар на тему: «Бои под Сталинградом». Дитмар заявил:

«Русские защищают Сталинград с исключительным упорством. Сталинград отстаивается ими не только как крепость, имеющая стратегическое значение, но и как некий символ. Мы не можем себе позволить недооценить всей трудности этих боев и упорного сопротивления неприятеля. Уже в прежнее время бои за населенные пункты носили чрезвычайно длительный и упорный характер. Трудно взять укрепленный населенный пункт и трудно его использовать. Каменные дома, в частности подвалы, весьма легко превратить в укрепленные пункты. Танки, являющиеся основным видом вооружения, используемого при нападении в боях за какой-либо город, могут быть применены лишь в весьма ограниченных масштабах. Чем планомернее удается организовать оборону какого-либо города, тем труднее его захват. А ведь всем известна способность русских возводить укрепления».

Так описывает положение дел под Сталинградом официальный представитель военных кругов Берлина.

Бои под Сталинградом имеют крупнейшее военно-тактическое и стратегическое, а также серьезное политическое значение для каждой из борющихся сторон.

Если рассматривать сталинградские бои с точки зрения **военно-тактической,** то уже теперь очевидно, что советские воины, защищающие Сталинград, уменьшили немецкую армию на сотни тысяч человек. Следовательно, во-первых, под Сталинградом происходит быстрое истребление немцев и их техники. Во-вторых, бои под Сталинградом разрушили оперативные планы немецкого командования. Вместо того, чтобы развивать операции на других участках фронта, они вынуждены, наоборот, стягивать войска под Сталинград и перемалывать там одну свою дивизию за другой. Вместе с тем очевидна для всех глубокая связь, существующая между боями под Сталинградом и боями на других участках фронта.

Идущие ныне под Сталинградом битвы, имеют также огромное **стратегическое значение.** Прежде всего эта борьба

имеет огромное значение ввиду большой важности района боев. Этот район имеет большое значение для коммуникаций между Югом и Севером и с точки зрения обладания хлебными районами сосредоточенными вдоль Волги. Борьба под Сталинградом задержала основную немецкую армию в этом районе, не дала ей возможности развернуться для наступательных операций на других участках фронта. В этой связи большой интерес представляет оценка боев под Сталинградом в международной прессе. Приведем несколько откликов иностранных газет.

Шведская газета «Социал-демократен» пишет о боях под Сталинградом:

«Для русских Сталинград является политическим символом русской революции. Для немцев же этот город начинает становиться почти символом всего их похода в России в 1942 году. Чем ни закончится бой у Сталинграда, все же до окончательного решения войны на русском фронте далеко. Исступленное сопротивление русских явно разбило все немецкие расчеты на быстрый успех».

Другая шведская газета пишет:

«Сталинград серьезно разрушил планы Германии. В этом уже нет никаких сомнений. Нечеловечески стойкое сопротивление задержало армию Гитлера у излучины Волги на много недель больше, чем немцы рассчитывали. Оно парализовало также операции на других участках фронта и, в частности, на Кавказе, где немцы преследуют важные оперативные цели. Если русским удастся удержать город, то это будет серьезным немецким поражением на фронте и тяжелым ударом по тылу Германии».

В таком духе сейчас все чаще выступают многие иностранные газеты.

Какой же вывод можно сделать из боев под Сталинградом?

Бои под Сталинградом превратились в такие серьезнейшие сражения, которые оказывают и окажут важное влияние на течение войны, ибо они серьезно обескровили германскую армию. Эти бои подрывают силу гитлеровских войск и подготовляют почву для будущего разгрома немецко-фашистской армии. Тем самым бои под Сталинградом приобретают неоценимое значение для нашей дальнейшей борьбы. В этом все чаще сходятся крупнейшие военные обозреватели пейтральных и союзных с нами стран. Так, английская газета «Рейнольдс пьюс» опубликовала на эту тему весьма

любопытную статью известного своего обозревателя Макса Вернера, который писал:

«Ударная сила германской армии в основном сконцентрирована под Сталинградом. Выиграть войну под Сталинградом Гитлер не может, но он может проиграть ее там, так как, если он проиграет эту битву, то в результате неудачной кампании он не только понесет огромные потери в людях, во времени и материалах, но поставит под угрозу всю свою армию на Кавказе. Для Гитлера это не только вопрос одной битвы, исход которой решается у ворот Сталинграда, но вопрос будущего германской армии и исхода всей войны».

Может быть, Макс Вернер несколько переоценивает ход событий, когда говорит, что под Сталинградом решается вопрос об исходе войны. Однако этой битве всеми придается совершенно особое значение. В заключение Вернер пишет, отвечая тем, которые спрашивают, — почему Красная Армия не наступает, не бросает все свои силы в бой:

«Пока Красная Армия не получает поддержки с Запада и вынуждена принимать на себя всю тяжесть германских ударов, она не смеет рисковать. Ее стратегические планы должны быть рассчитаны на длительный период. Но если бы второй фронт возник сейчас или в ближайшем будущем, прямым следствием этого явился бы переход русской армии к активным стратегическим действиям при использовании всех сил. В то же время наличие могущественных русских резервов, которые были бы брошены на русский фронт с открытием второго фронта в Западной Европе, оказало бы огромную помощь союзным войскам в их стремлении закрепиться на континенте».

Влиятельная турецкая газета «Тан» в передовой статье от 28 октября писала об обороне Сталинграда советскими войсками:

«После поражения под Москвой в 1941 году, — пишет газета, — Германия провела зиму в обороне. Руководители Германии заявляли, что поскольку Германия смогла пережить бедственную зиму, война на Востоке этим летом будет завершена и советская армия будет разбита. Действительно, Советский Союз понес этим летом большие территориальные потери. После изумительной обороны Севастополя Красная Армия вынуждена была оставить этот город. Но, даже взяв Новороссийск, немцы не смогли установить своего господства на черноморском побережье. Напрасны были гадания о судьбе советского флота. Немцы не смогли одер-

жать решительной победы под Моздоком. Они не достигли нефтяных источников Грозного. Они не смогли взять Сталинград, хотя с начала штурма этого города прошло уже три месяца. По некоторым данным, только в Сталинграде немцы потеряли убитыми 175 тысяч человек. Если учесть число раненых и материальные потери, то легко понять, как дорого уже обошелся немцам Сталинград. Радио стран оси еще два месяца тому назад заявляло, что на сражения, которые происходят в районе Сталинграда, следует смотреть как на заключительные. Гитлер в своей последней речи заявил, что немцы возьмут Сталинград во что бы то ни стало, что больше их оттуда никто не выгонит. Несмотря на это, Сталинград сопротивляется квартал за кварталом, улица за улицей, дом за домом. Сталинград сопротивляется с изумительным героизмом, патриотизмом, каких еще не отмечала история, каких не знало человечество. Те, кто считал падение Сталинграда неизбежным, говорили, что его может спасти только чудо. Это чудо совершилось. Если даже Сталинград падет, то планы немцев, мечтавших за три месяца оккупировать всю Россию, но не захвативших даже этого города, все равно будут сорваны. Ходом событий на Восточном фронте окончательно развеяно представление о том, что против Германии нельзя сопротивляться, что немцы непобедимы. В Европе в борьбе против народов, которых предали их руководители, немцы быстро добились успеха. Но здесь, где им приходится бороться против нации, до мозга костей пропитанной любовью к родине и независимости, создалось совершенно иное положение. Германские армии, которые в 1941 году не смогли взять Москвы и Ленинграда, которые не смогли разбить Красную Армию, обречены провести на русских пространствах вторую зиму. Последние речи германских шефов не обещают окончательной победы. Германские шефы требуют новых жертв. Не победы на Восточном фронте, а возрастающие трудности принуждают германских руководителей к таким выступлениям. Они, германские шефы, теперь уже и сами не представляют себе, как и когда смогут быть преодолены эти трудности, и избегают решительных обещаний. В этой трехлетней войне Германия уничтожила много государств, захватила большие территории, но она не приблизилась к победе, а удалилась от нее».

Так оценивается международной печатью и общественным мнением мира борьба под Сталинградом.

Таково значение боев за Сталинград. Реками поганой своей крови вынуждены теперь платить оккупанты не только за каждый захваченный клочок советской земли, но даже за желание, за стремление захватить его. Враг истекает кровью. Такая борьба, образец которой показали доблестные защитники Сталинграда, — залог наших будущих побед над немцами. Родина требует от советских людей, не щадя своей жизни и крови, защищать свою землю так, как защищают ее воины под Сталинградом. Родина требует от защитников Сталинграда беспощадно и смело громить захватчиков. В Октябрьских лозунгах Центральный Комитет нашей партии обратился к бойцам, командирам и политработникам Красной Армии, борющимся под Сталинградом:

«Славные защитники Сталинграда! С вами весь советский народ. Бейтесь до последней капли крови, беспощадно громите, отбрасывайте и истребляйте вражеские полчища! Да здравствуют героические защитники Сталинграда!»

Советский народ не может строить себе иллюзий о силе противника. Враг еще имеет большие силы. Но если мы сегодня сильнее, чем вчера, то немец вчера был сильнее, чем сегодня.

Такова ныне тенденция войны, которая дает возможность ясно видеть перспективу борьбы, быть уверенными в своей победе.

Эта тенденция войны, так ярко вскрывающаяся перед 25-летием Великой Октябрьской Социалистической революции, является неплохим предзнаменованием для наших будущих успешных битв с врагом.

П. ДОРОНИН,
бригадный комиссар

СРАЖАЮТСЯ БОЛЬШЕВИКИ-СТАЛИНГРАДЦЫ

Сталинград! Здесь в юные годы нашей республики молодая Красная Армия под руководством товарища Сталина нанесла решающие удары белогвардейщине, утвердив незыблемость советского строя. Здесь, в годы первой сталинской пятилетки родился чудесный первенец социалистической индустриализации — Сталинградский тракторный завод. Здесь, в степи, на берегу красавицы Волги, советские люди за 25 лет упорно строили и построили новый город с его заводами, фабриками, школами, институтами, дворцами культурных учреждений, с благоустроенными улицами огромных красивых домов, город, которым мы гордились, как мать гордится добрым сыном, город, который мы любили, как дети любят мать.

И вот немецкие орды ворвались на окраины этого города. Огнем своей артиллерии, смертоносными бомбами своих самолетов они разрушили и сожгли, превратили в безобразные развалины, в груды кирпича и угля многое из того, что мы создали, чем мы гордились, что с такой тщательностью хранили и берегли.

Сталинград! К этому имени сейчас прикованы мысли и чувства всех советских людей, всего прогрессивного человечества, всех, кто любит свободу, всех, кто ненавидит фашизм. Здесь, на Волге, в солончаковых степях, окружающих город, на окраинах самого города ведется сейчас крупнейшая из всех битв, какие только знала история. Битва ожесточенная, кровопролитная, битва не на жизнь, а на смерть.

Сталинград! Это слово с одинаковой жадностью ловим мы в радиопередаче, ищем по утрам в газетах, всем сердцем, радуясь каждой победе наших войск, всей душой переживая каждую военную неудачу. И защитники Сталинграда — бойцы, командиры, политработники — отлично знают это, знают, какая почетная задача возложена на них, какую ответствен-

ность они несут за успех исхода этой исторической битвы. и они дерутся самоотверженно, яростно, упорно, жестоко, отстаивая каждый клочок земли, каждое окно в разрушенном доме. В авангарде этой поистине титанической борьбы защитников Сталинграда идут армейские большевики, которых всегда можно видеть на самых ответственных и самых опасных участках боя, там, где решается вопрос победы, где нужно особое мужество и отвага.

Умереть, но не отступать! Отстоять город Сталина во что бы то ни стало! — вот лозунг, с которым идут в бой армейские коммунисты. И каждый день борьбы на сталинградских улицах выдвигает десятки и сотни замечательных героев.

Недавно в бою на окраине города, неподалеку от окопа, в котором сидело отделение бойцов под командованием тов. Котляра, разорвалась мина. Котляр упал, раненый в голову и руку. Но, когда к нему подползли бойцы, чтобы отнести на медпункт, он собрал всю свою волю и заставил себя подняться на ноги.

— Я коммунист, понимаете. Я не уйду из боя, пока вот эта здоровая рука еще может держать винтовку.

И он продолжал сражаться во главе своего отделения. Иногда от потери крови он начинал терять сознание. Тогда он закусывал губу, мобилизовывал все свои силы и продолжал командовать отделением, стрелять, бросать гранаты. Он бился, пока немцы не откатились прочь. Когда товарищи, пришедшие потом к нему в госпиталь, назвали его героем, он даже удивился:

— Какой же я герой? Я коммунист, и, кроме того, все мы — сталинградцы.

Сталинградец! Этим названием гордится каждый партийный и непартийный большевик, защищающий исторический город. И украинский коммунист, красноармеец минометчик Недоля, погромивший не один десяток немцев, и молодой коммунист, сын Армении гвардии сержант Хачатуров, который ночью под огнем врага извлек 142 мины и расчистил путь своей атакующей части, и волжанин гвардии красноармеец Иван Степанович Безус, который с горсткой своих товарищей оборонял целую улицу от наступающих немцев и лично уничтожил при этом 11 немецких солдат, и летчик Гультяев, сбивший в боях последних дней 10 немецких самолетов, — все они с гордостью называют себя сталинградцами. Все они заслужили это гордое имя.

Но сила армейских большевиков-сталинградцев не только в личном их героизме и личном подвиге. Сила их — в большевистском примере, сила их в том, что они, показывая образцы бесстрашия, мужества и непоколебимой стойкости, ведут за собой беспартийных бойцов, сплачивают их для борьбы. На-днях одна из танковых частей, дерущихся под Сталинградом, отметила год со дня своей организации. Часть показала себя замечательно в боях за Сталинград. Ко дню юбилея в ней уже было 60 орденоносцев. 450 бойцов, командиров и политработников представлены к правительственной награде. Полтысячи героев отечественной войны в одной только части! Разве это не показатель того, что героизм защитников Сталинграда становится массовым!

И характерно, что наиболее выдающиеся герои части — большевики. Экипаж коммуниста лейтенанта Иванова имеет на своем счету 18 подбитых и сожженных немецких танков. Экипаж парторга части младшего лейтенанта Луганского сжег 15 немецких танков, уничтожил 14 пушек, смел с лица земли огнем своих орудий и пулемета 240 немцев. А всего эта часть за 42 дня боев за Сталинград уничтожила 289 немецких танков, 144 пушки, много пулеметов, минометов и автомашин с пехотой.

Сейчас армейские коммунисты-сталинградцы и умным большевистским доходчивым словом, и делом, и личной отвагой, и подвигами, — всей своей жизнью учат бойцов непоколебимой стойкости, боевому упорству, учат искусству намертво держать рубежи — улицы, переулки и площади исторического города. Примером такой стойкости может быть коммунист младший лейтенант Калашников, командир взвода автоматчиков.

На участок, обороняемый его взводом, наступали две роты немцев. С тыла их наступление поддерживалось минометами. Калашников приказал своим бойцам подпустить немцев как можно ближе, а потом шквалом автоматического огня остановить их. И немцы не выдержали, они побежали назад, теряя десятки людей. Утром следующего дня они повторили атаку. Теперь их было уже 500; они наступали густыми цепями, ведя шквальный огонь. Один за другим выбывали из строя защитники окопа. Их осталось только 11, но эти одиннадцать были сталинградцами, и во главе их стоял настоящий коммунист. В трудную минуту боя Калашников подбодрял товарищей:

— Помните, ребята, мы сражаемся на улицах Сталинграда. Мы — сталинградцы!

И они продолжали сражаться. Они снова отогнали врага. Тогда, чтобы сломить упорство этой маленькой горсточки людей, разъяренные немцы обрушили на участок Калашникова шквальный артиллерийский огонь и 40 бомбардировщиков. Позиция была буквально перепахана бомбами. Казалось, ничего не могло остаться на этой мертвой земле. И все же, когда немцы снова бросились в атаку, их встречали залпы автоматов. Стреляли раненые, стрелял каждый защитник окопа, все, у кого еще хватало силы нажать спусковой крючек. И когда на помощь храбрецам подошла наша часть, улица перед окопом представляла кладбище немецких трупов.

Навсегда в памяти советского народа останется подвиг группы гвардейцев - бронебойщиков под командованием гвардии политрука тов. Герасимова. Они охраняли позицию на склоне кургана, с которого открывался вид на Сталинград. Эту группу атаковали 20 немецких танков. Гвардейцы обрушили на них град пуль из своих ружей. Несколько танков запылали, остальные машины открыли ураганный огонь по кургану. Некоторых бронебойщиков ранило, но их ружья взяли другие. Упорство людей сломило упорство немецких танков. Немцы отступили, оставив на подступах к кургану 12 подбитых и сгоревших машин. Отбив атаку, гвардейцы бережно, с величайшей нежностью и заботой, отнесли в санчасть своего раненого политрука Герасимова.

Подвиги армейских большевиков в боях под Сталинградом поднимают их авторитет. Стать коммунистом, бороться коммунистом — стало заветной мечтой каждого защитника Сталинграда. Вот почему сейчас, в дни величайшей боевой страды, изо дня в день растет тяга бойцов в партию. Перед решающим боем десятки людей заявляют о своем желании итти в бой коммунистами. Вот одно из таких заявлений, написанное бойцом Ляховым за несколько минут перед атакой:

«Третий раз получен приказ наступать на разъезд. Сейчас разъезд возьмем или умрем. Передайте товарищу Сталину, что, не щадя жизни, отдам ее за дело Сталина и ничуть не пожалею. Если бы я имел пять жизней, то без колебаний все пять отдал бы за него. Такой он для меня дорогой человек.

Донбасский пролетарий Ляхов»

За 28 дней сентября, по далеко еще неполным данным, в одном только эпском соединении, сражающемся под Сталинградом, принято в партию 1.265 человек. Это — лучшие из сталинградцев, герои исторической обороны. Среди них — командир орудия гвардеец Филоненко, уничтоживший в последних боях 8 немецких танков, 7 орудий, 47 автомашин, до роты немецкой пехоты. Вслед за Филоненко в партию вступил весь расчет его орудия. Такими людьми, как Филоненко обогащается наша партия в дни борьбы за исторический город.

Каждый из нас, защитников Сталинграда, ощущает, как с каждым днем непрерывно растет напряжение и ожесточение боев. Не жалея ни людей, ни техники, бросая в бой новые части, немцы лезут вперед. Всюду их наступление встречается стойкостью и героизмом защитников города.

— Мы — сталинградцы! — говорят о себе те, кто защищает сейчас город Сталина.

Это звучит так же гордо, как в дни гражданской войны звучало: «Мы — царицынцы!». Защитники великого города, отражая сейчас у его стен нашествие гитлеровских орд, вполне достойны своих отцов — героев обороны Царицына, которые под руководством товарища Сталина сокрушили у стен города белогвардейские банды и этим самым выиграли решающую битву гражданской войны.

Б. ПОЛЕВОЙ

ЗА ВОЛГУ-МАТУШКУ

Здесь, на развороченной бомбами набережной, в разрушенном, сожженном немцами и все же величественном Сталинграде, на окраинных улицах и в переулках которого идет сейчас яростное сражение, мне ярко вспомнился разговор, слышанный на-днях в сотнях километров отсюда, тоже на Волге, в другом, тоже разрушенном и изувеченном немцами городе, который дом за домом, квартал за кварталом вырывали у врага наши бойцы.

Этот разговор произошел ночью под аккомпанемент густой канонады в станционном подвале, превращенном в блиндаж. Тут отдыхали танкисты, славные коренастые ребята в масляных комбинезонах и черных ребристых шлемах. Разговор шел о Волге, к которой в этот день, стремительной атакой смяв вражескую оборону, вырвалась их часть. Все они были из дальних краев — украинцы, сибиряки, кавказцы, и тут все о ней говорили очень тепло, и все завидовали мотористу Гудиашвили, который достигнув волжского берега, выскочил из танка, под пулями немецких автоматчиков сбежал к реке, зачерпнул котелок и напоил свой разгоряченный в бою экипаж прекрасной волжской водой. Танкисты жадно пили эту волжскую воду, как пили воду из боевых шеломов древние витязи, достигнув, наконец, берегов родной реки.

И вот кто-то из них произнес слово: Сталинград. Все сразу оживились. Огоньки папирос сдвинулись в тесный круг. Никто из них в Сталинграде не был, но говорили о нем с любовью, точно в нем они родились, выросли, провели лучшие свои годы.

Потом вдруг все смолкли, задумались. Брезжил рассвет. И Гудиашвили подумал вслух:

— А все-таки Сталинград устоит!

Кто-то из темного угла блиндажа ответил молодым страстным голосом:

— Не сдадут, не должны, нельзя его сдать!

И вот маленький город волжского верховья далеко позади. Перед глазами широкая волжская гладь, прорезанная продолговатыми, ржавыми от осенней листвы островами. Перед глазами разрушенный немецкими бомбами и снарядами, окутанный дымом негаснущих пожарищ Сталинград. Перед глазами город-баррикада, город-боец, город-герой. Волжский ветер гонит по изрытым снарядами улицам серый пепел. Остатки разбитых стекол звеня, высыпаются от звука непрерывных разрывов. Но город стоит мужественный и непоколебимый. Его можно разрушить, но его нельзя взять.

Два месяца тому назад Красная Армия, отряд моряков Волжской флотилии, вооруженные сталинградские металлисты дали немецким ордам первый бой под стенами города. Два месяца продолжается эта беспримерная в истории войн великая битва за город. Она не прекращается ни на минуту, ни днем, ни ночью. Напряжение и масштабы ее возрастают с каждым днем. В бой введены сотни тысяч людей, тысячи орудий, танков, самолетов. Над городом непрерывно идут воздушные бои, которые можно иной раз наблюдать одновременно в трех - четырех местах. Немцы маневрируют. То тут, то там собирая свои части в ударные кулаки, они достигают этим самым подавляющего численного превосходства в силах на определенном участке и обрушиваются на отдельные звенья сталинградской обороны. Но всюду они натыкаются на стену и, получив кровавый отпор, откатываются, не успевая утащить с собой десятки и сотни трупов, остающихся на улицах и площадях после каждой отбитой немецкой атаки. Продвижение немцев на отдельных участках измеряется десятками метров, потери — тысячами человек.

Не жалея, немцы бросают в бой новые и новые дивизии. Защитники Сталинграда встречают в боях части, стоявшие во Франции, в Бельгии, в Голландии, в Греции и на Крите. Они бьют и эти части со страстью, неистово и ожесточенно.

Немецкий офицер обер-лейтенант Гуго Вейпер, убитый третьего дня при атаке одной из баррикад в заводском поселке, 3 октября записал в своей полевой книжке:

«Мы и раньше слишком хорошо знали дьявольское упорство русских, которое они проявляют в бою, если этого захотят. Но такого упорства от них все же не ожидали. Это оказалось для нас слишком неприятным сюрпризом. До сих пор нам не удалось поднять бокал за Волгу, который Отто хотел выпить еще в августе на волжском берегу. Нет уже ни Отто, ни Курта, ни Эрнста, ни Зиделя, никого из «стаи

неистовых», их зарыли где-то здесь, в этой каменной земле, даже не знаю, зарыли ли, потому что нам сейчас не до покойников. Вчера русские снайперы подстрелили нашего командира. Улица была под таким огнем, что, когда мы выносили его тело, было ранено еще три солдата и убит ефрейтор. Наш полк тает, как кусок сахара в кипятке. Этот город — какая-то адская мясорубка, в которой перемалываются наши части. Запах разложившегося мяса и крови преследует меня. Я не могу есть и спать. Меня рвет от этого проклятого города. Боже, зачем ты отвернулся от нас?».

День и ночь вертится «адская мясорубка», в которой перемалываются немецкие части. Защитники Сталинграда не тратят даром снарядов и пуль. Напряжение боев нарастает.

В километре от города, вгрызшись глубоко в сухую глинистую землю, на пологом скате древнего степного кургана сидит в блиндажах отряд морской пехоты под командованием орденоносца лейтенанта Горпкова. 3 октября исполнился месяц, как отряд держит высоту. Моряки точно вросли в эту глинистую неласковую землю. Ни танковые атаки, ни нападения целых полков немецкой пехоты, ни постоянный, почти непрерывный артиллерийский обстрел, ни налеты дюжин самолетов не смогли оторвать их от этого кургана и лишить их бодрости духа.

...В минуту затишья краснофлотец Егоров снимает каску, достает из-за пазухи родную свою бескозырку с ленточками, надевает ее на выгоревшие, белые от солнца вихры и поет высоким приятным тенорком:

...Волга-Волга, мать родная,
Волга, русская река...

Пел он в этот вечер и вдруг стал серьезным. Пристально вглядываясь в степь, он тихо отложил балалайку, взял винтовку, поднял ее и начал по-охотничьи целиться. Грянул выстрел. Ваня улыбнулся и поставил на приклад винтовки еще одну зарубку — тридцать вторую по счету. Поставил и сказал:

— Этот немец не дошел... Много их еще. Ну, ничего, и других не пустим.

И мне снова вспомнился разговор танкистов в верхневолжском городке на заре перед атакой.

М. ВОДОЛАГИН

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА

СТАЛИНГРАД. Нет в мире сейчас такого местечка, где бы не знали этого имени, нет такого уголка до которого не докатилась бы слава о нем.

Вот уже несколько месяцев, как во всех концах мира люди, раскрывая газетный листок, в первую очередь ищут сообщений из Сталинграда, встречают друг друга вопросом:

— Как в Сталинграде?

Сталинград город-герой, город-воин, крупнейший центр Поволжья. Он приковал к себе внимание всего человечества, он олицетворял собою великие годы сталинских пятилеток, годы расцвета сил нашей страны.

Сталинград рос бурно, хорошел удивительно. Опоясанный кольцом зеленых насаждений, он блестел асфальтом площадей и улиц, красовался гранитом набережной, зеленью садов. Могучие заводы Сталинграда — слава и гордость нашей страны — накладывали отпечаток на все стороны городской жизни, делали ее многогранной, кипучей.

Быстрое и мощное развитие Сталинграда — Царицына, было обусловлено выгодным географическим положением. Сталинград расположен в нижнем течении Волги, на излучине, которая ближе всего подводит Волгу к Дону. Сталинград связан железными дорогами с Северным Кавказом, Донбассом и центральными областями. Он является мощным узлом транспортных магистралей страны. Сталинград — это ключ к рыбным богатствам Волго-Каспия, к нефти и соли, к промышленным и хлебным районам юго-востока страны.

Сталинград — город славных традиций. С его именем связаны ярчайшие страницы истории гражданской войны и истории борьбы за социалистическую индустриализацию.

Вспомним лето 1918 года. Германский империализм пытался тогда, с помощью своих наймитов, белогвардейских банд Краснова затянуть в петлю голодной блокады, замкнуть ог-

пенное кольцо войны вокруг молодой Советской Республики. Под Царицыным в тот год интервенты и белогвардейцы стремились соединить войска Краснова и Колчака с тем, чтобы соединенными силами ударить на Москву. Захватом Царицына интервенты и белогвардейцы стремились отрезать Петроград и Москву, всю центральную Россию от богатого продовольствием юго-востока страны, от Волги. Отстоять тогда Царицын значило отстоять советскую отчизну.

В Царицын прибыл товарищ Сталин, посланный на этот решающий участок Лениным.

На Царицын остервенело наседали белогвардейские банды Краснова. Они не раз брали город в кольцо осады.

Но сталинское руководство обороной, отвага и стойкость защитников Царицына превратили Царицын в твердыню, о которую разбились белогвардейские полчища, подхлестываемые империалистическими интервентами.

Героическая оборона Красного Царицына вошла в историю нашей Родины, как пример непревзойденной стойкости, доблести и мужества советских людей в борьбе за Родину.

Оборону Царицына сравнивали с обороной Вердена. Слава о защитниках Царицына облетела весь мир.

В 1919 году царицынский пролетариат, за боевые заслуги, был награжден Красным знаменем ВЦИКа. В 1924 году Царицын награждается орденом «Красное знамя», а в 1925 году переименовывается в Сталинград.

После окончания гражданской войны наша страна, залечив раны, восстановив народное хозяйство, стала осуществлять грандиозный план революционного преобразования России, отсталой в прошлом, в могучую и мобильную социалистическую державу. Настали годы сталинских пятилеток, годы претворения в жизнь сталинской политики индустриализации и коллективизации страны. И снова Сталинград напомнил о себе, снова к нему было приковано внимание.

В Сталинграде, на Волге, зажглись первые огни социалистической индустриализации. На стройке первенца первой пятилетки — Сталинградского тракторного завода, страна стала набирать высокие темпы строительства.

В Сталинграде, на примере освоения новейшего оборудования тракторного завода, страна приступила к освоению передовой социалистической техники, разрешая одновременно и задачи массовой подготовки квалифицированных кадров.

В те дни, во враждебной нам иностранной прессе, было не-

мало зубоскальства и пророчеств, что большевики, хотя и сумели построить огромный завод. но освоить сложную технику его им никогда не удастся. Имя Сталинграда часто появлялось на страницах печати. Сообщения из Сталинграда о положении дел с выпуском тракторов с захватывающим интересом ждала вся наша страна.

Сталинградцы прекрасно понимали, какая большая лежала на них ответственность. Они знали, что за их работой следят все: и друзья, и враги. Они работали в те дни над освоением первоклассной техники с неслыханным упорством, с железной настойчивостью. Работали и учились; учась, работали. На помощь им, как и в суровые годы гражданской войны, пришла вся страна. Москва, Ленинград, Донбасс, Баку посылали кадры высококвалифицированных рабочих, инженеров и техников.

Упорная борьба за овладение техникой окончилась победой. С конвейера тракторного завода пошли нескончаемым потоком тракторы марки СТЗ, пошли вестники нового социалистического земледелия.

Так, к боевым традициям героической защиты Родины, наслаивались традиции самоотверженной борьбы за процветание Советской страны, за превращение ее в могучую индустриальную державу.

Город боевых традиций. Он остался верен своему славному прошлому и в дни великой Отечественной войны. В битвах за отчизну, он снова изумил мир великими подвигами, героической борьбой.

Гитлеровское командование, подготавливая летнее наступление в 1942 году, сосредоточило на сравнительно узком участке фронта значительные силы для осуществления своих далеко идущих планов.

«Главная цель немецкого наступления, — говорит товарищ Сталин, — состояла в том, чтобы обойти Москву с востока, отрезать ее от волжского и уральского тыла и, потом, ударить на Москву. Продвижение немцев на юг, в сторону нефтяных районов, имело своей вспомогательной целью не только и не столько занятие нефтяных районов, сколько отвлечение наших главных резервов на юг и ослабление Московского фронта, чтобы тем легче добиться успеха при ударе на Москву. Этим, с одной стороны, и объясняется, что главная группировка немецких войск находится теперь не на юге, а в районе Орла и Сталинграда».

Таким образом, направление главного удара немецких войск в 1942 году шло через Сталинград. Вот почему и главная ударная сила германской армии была сконцентрирована под Сталинградом.

Немцы надеялись взять Сталинград с хода и быть в нем 25 июля. Но гитлеровцы жестоко просчитались. Еще на далеких подступах к Сталинграду они натолкнулись на упорное сопротивление наших войск. И чем ближе подвигалась линия фронта к городу, овеянному боевой славой, тем мощнее нарастала сила сопротивления врагу.

В конце июля бои загремели в тех местах и населенных пунктах, которые упоминались 24 года тому назад в сводках Царицынского фронта.

В дни, когда бои шли на дальних подступах, Сталинград особенно энергично готовился к обороне.

Близость фронта изменила облик города. Сталинград по-военному подтянулся. Усиленно проводилась боевая учеба в истребительных батальонах и в подразделениях народного ополчения. В городе участились воздушные тревоги. Личный состав служб МПВО перешел на казарменное положение. На предприятиях изготовлялись стальные ежи, бронебойные башни, сборные ДОТы, бутылки с горючей смесью. Десятки тысяч сталинградцев вышли на строительство оборонительных рубежей. Чем ближе надвигалась немецкая опасность, тем больше укреплялась решимость сталинградцев биться за Сталинград также стойко, как бились отцы за Царицын.

Бои на подступах к Сталинграду с каждым днем становились ожесточеннее и кровопролитнее. Неудачи бесили немецкое командование. Оно начинает стягивать под Сталинград части не только с других участков фронта, но и перебрасывает их из оккупированных стран Европы, вводит в бой резервы, концентрирует в небывало огромном количестве военную технику, вызывает под Сталинград своих вассалов и дивизии эсэсовцев. В 20 числах августа, немцам удается ценой огромных потерь прорвать фронт на западном участке. В образовавшуюся брешь устремились их бронетанковые и мотострелковые дивизии. Авиация массированным налетом прокладывала им путь. Создалась прямая угроза городу. В северо-западной части Сталинграда, в зарослях зеленого кольца, в бой вступили подразделения зенитчиков ПВО. Они били прямой наводкой по приближающимся танкам и отбивались одновре-

менно от наседавших с воздуха вражеских самолетов. В городе одна воздушная тревога следовала за другой.

Весть о приближении врага была встречена сталинградцами мужественно, как подобает воинам. В городе не было намека на панику или растерянность, четко по графику работали заводы, выдавая продукцию фронту. Кипела работа на Волге.

Вечером 23 августа гитлеровцы пошли на штурм Сталинграда. Немецкие варвары начали непрерывную бомбежку города с воздуха. Их самолеты шли на город волнами, сбрасывая тысячи зажигательных и фугасных бомб. В первые дни налетов, особенно интенсивной бомбежке был подвергнут центр города, рабочие кварталы, здания школ и больниц, переправы через Волгу. В городе все чаще и чаще возникали пожары. Рушились здания. Осколки рвущихся бомб и снарядов зенитной артиллерии градом осыпали улицы, дворы. Население улиц ушло в щели, в бомбоубежища. Черные пираты, подлые фашистские изверги, думали запугать сталинградцев, поколебать их стойкость, сломить волю, вызвать страх и растерянность.

Но перед лицом грозной опасности не дрогнули ряды сталинградцев и не страх, а жгучая ненависть к врагу наполнила их сердца. Когда на минуту затихал вой падающих бомб, женщины выбирались из щелей, спешили к родному очагу. Они находили или руины, или бушующее пламя, поглощающее дом за домом, квартал за кварталом, а в небе снова появлялись фашистские пираты, снова раздавалось завывание вражеских моторов, пронзительный вой сирен и оглушительные разрывы бомб. Появлялись новые разрушения, новые жертвы.

25 августа приказом Военного Совета Фронта город был объявлен на осадном положении. Городской комитет обороны обратился к населению с воззванием:

«Товарищи Сталинградцы! Не отдадим родного города на поругание немцам. Встанем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью.

Все на строительство баррикад. Все, кто способен носить оружие, на баррикады, на защиту родного города, родного дома!»

На заводах и в районах города спешно формировались и

вооружались рабочие батальоны. На строительство баррикад вышли женщины, подростки и старики, вышли сформированные рабочие отряды. В короткий срок улицы, площади города были покрыты баррикадами.

Когда враг стал подходить к северной окраине города, навстречу ему вышли истребительные отряды и подразделения народного ополчения.

Рабочие Сталинграда, верные славным традициям героической обороны Царицына, грудью своей преградили путь врагу. Из цехов тракторного завода, прямо с конвейера, без обкатки, пошли в бой грозные сталинградские танки. Их повели экипажи ополченцев, повели те, кто их создал.

За танками пошла пехота тракторозаводцев. Отряд под командой начальника милиции Костюченко и декана механического института Пинченко, занял позицию недалеко от домов своего поселка. Большинство рабочих этого отряда пошло на позицию прямо с работы, с замасленными руками, в рабочих блузах. Два дня стойко держали рабочие оборону, а потом, с подходом подкреплений, перешли в наступление и отбросили немцев.

Старый мастер тракторного завода тов. Москалев, участник обороны Царицына, боец отряда тракторозаводцев, рассказывает, что наступление их отряда было настолько стремительным и неожиданным, что немцы быстро стали откатываться назад. Взятые при этом пленные показали, что немецкие офицеры долго рассматривали в бинокль позиции рабочих и никак не могли определить, что это за войско такое. Потом решили, что это моряки.

На защиту города вышли вооруженные батальоны рабочих завода «Красный октябрь», завода «Баррикады» и многих других заводов.

Батальон краснооктябрьцев, под командованием рабочего листопрокатного цеха товарища Позднышева, выбил немцев с окраины северного поселка. В этот батальон вступили прославленные сталевары Соколков, Орлов, Кузьмин, токарь Илюшин, механик цеха Борисов, вступила в него и Ольга Ковалева, первая женщина сталевар, гордость заводского коллектива, славная дочь города Сталина. Когда отряду краснооктябрьцев было приказано подняться в контратаку, первой поднялась Ольга Ковалева. Ее звонкий голос поднял и увлек за собой весь батальон. В этом бою Ольга пала смертью храбрых. Весть о смерти Ковалевой быстро облетела завод, город, подняла на месть новые тысячи сталинградцев.

На защиту города поднялись все. В осажденном Сталинграде все стали бойцами. Одни с оружием в руках били немцев, другие, не взирая на артиллерийский и минометный обстрел, ремонтировали танки и пушки.

Рабочие тракторного завода в сентябре выпустили 200 танков и 150 тракторов-тягачей. На одном заводе кончилось топливо. Это грозило срывом военного заказа защитников города. Тогда группа рабочих бросилась на поиски топлива по всему району. На дальней окраине были найдены запасы мазута. И вот под огнем немецкой артиллерии, рабочие наполнили цистерны мазутом и повели состав на завод. В пути им пришлось разобрать и заново сложить баррикады. Топливо было доставлено, заказ фронту был выполнен .

Самоотверженно работали рабочие мельниц и хлебопекарен. Ни на один час не было перебоя в снабжении мукой и хлебом защитников города и населения.

Из строя вышел городской водопровод. Его надо было срочно восстановить. Немцы непрерывно бомбили участок водопровода. Немецкие бомбы не раз разрушали то, что было сделано рабочими, но, в конце концов, все-таки победили рабочие. Вода городу была дана. В этой борьбе за воду погибло 16 рабочих горводопровода.

Один завод выбыл из строя. Рабочие завода, озлобленные немецкими разрушителями, влились в истребительный отряд, где командиром был тов. Бондаренко. Они почти все пожелали стать разведчиками. Когда их спросили, почему именно разведчиками, они об'яснили, что знают, как свои пять пальцев, каждую улицу и каждый дом города. Вскоре они на деле доказали свою пользу в разведке. В один дом просочилось 4 гитлеровца, след их был потерян. Через час разведка рабочих обнаружила немцев. Один немец пытался бежать, но тов. Левашев убил его первым выстрелом, остальных 3, насмерть перепуганных гитлеровцев, разведчики доставили в штаб воинской части. Вскоре рабочие проявили себя и в другом. У пулеметчиков, защищавших квартал поселка, кончились боеприпасы. Подходы к этому кварталу немцы усиленно поливали из автоматов. За доставку диска с патронами взялись рабочие. Только известным им путем они доставляли боеприпасы храбрым пулеметчикам.

Стойко и мужественно защищали город службы МПВО. Работники МПВО не покидали своих постов и тогда, когда опасность непосредственно угрожала их жизни.

Самоотверженно работали медицинские сестры, сандружинницы, врачи. Хирург 5-й больницы И. Н. Широков не прекращал операций и тогда, когда от разрыва бомб сотрясался хирургический корпус. Заведующий 6-й аптекой С. В. Просвирин организовал при аптеке медпункт, в котором оказывал первую медицинскую помощь раненым бойцам, идущим с переднего края обороны. Самоотверженно работал коллектив медицинских работников первой совбольницы.

За Сталинград плечом к плечу сражается два поколения: старые ветераны царицынской обороны и молодежь, воспитанная на боевых традициях обороны Красного Царицына. Сверловщик СТЗ А. Гришин, старый волжанин капитан катера К. И. Колпенский, рабочие тт. Дмитряков, Поляков и Каплин— все они участники обороны Царицына, ныне беззаветно бьются за Сталинград. Многие из них за защиту Сталинграда награждены орденами и медалями. Следуя их примеру, героически сражаются за родной город тысячи молодых сталинградцев. Комсомольцы Николай Сарафанов и Михаил Фильбуров смело вступили в бой с 10 танками. Один танк они подбили из противотанкового ружья, 3 подожгли бутылками с горючим, но остальные танки продолжали лезть. Опоясавшись оставшимися гранатами, комсомольцы бросились под вражеские машины. Герои погибли, но враг не прошел. Молодые санитарки тт. Колобова, В. Шмелева, Т. Шолочнева вынесли с поля боя 54 раненых бойца. Комсомолка Нина Меркулова, заметив в сарае, на окраине поселка, 5 замаскировавшихся немецких автоматчиков, незаметно подобралась к двери сарая, захлопнула ее и подожгла сарай. Все 5 гитлеровцев сгорели.

Так борются сталинградцы за свой родной город. Их помыслы в дни осады Сталинграда были направлены к одному: отстоять Сталинград во что бы то ни стало. «Мы — сталинградцы, мы выстоим», говорили они.

Бессмертной славой покрыли себя защитники Сталинграда, воины Красной Армии.

В дневнике убитого немецкого унтер-офицера Эриха Мюллера записано: «Наш путь к Сталинграду можно назвать дорогой мертвецов».

Да, для немцев дорога на Сталинград, оказалась прямой дорогой в могилы.

На подступах к Сталинграду Красная Армия перемолола десятки отборных немецких дивизий, уничтожила в огромном количестве военную технику. По всей Волге гремит слава о краснофлотцах волжской военной флотилии. Огневой шквал

орудийных залпов с Волги смел не одну сотню гитлеровцев. Моряки, а вместе с ними и речники Нижней Волги, не взирая на бомбежку, артиллерийский и минометный обстрел врага, обеспечивают Сталинград всем необходимым через Волгу, вывозят раненых. Черные бушлаты моряков не раз неожиданно появлялись перед немцами. Моряки шли в лихую матросскую атаку.

Бессмертна слава 33 гвардейцев. На участок, который занимали 33 героя, двинулось 70 танков и сотни немецких автоматчиков. Гвардейцы молча подпустили колонну на близкое расстояние, а затем открыли сокрушительный огонь. В этом неравном бою они уничтожили 27 танков и 150 фашистов.

На другом участке большую высоту защищали 16 гвардейцев. На них во весь рост наступало две роты итальянцев. Четыре раза бросались макаронники в атаку и всякий раз, оставляя десятки трупов, откатывались назад. К вечеру на гвардейцев пошли немцы. До темной ночи шло ожесточенное сражение. У гвардейцев были на исходе боеприпасы. Их командир, младший лейтенант Кочетков был тяжело ранен. Утром на горстку храбрецов двинулось 12 танков и свыше 30 гитлеровцев. Командир Кочетков, превозмогая боль, сказал: «Танки мы должны остановить во что бы то ни стало. Вспомните панфиловцев, они не отступали, потому что за спиной у них была Москва. Нам также некуда отступать: за спиной у нас Сталинград». И гвардейцы вступили в неравный бой. Они подбили 4 танка. Но и их осталось, кроме раненого Кочеткова, всего 3 человека. На них шло еще два танка; опоясав себя гранатами, они бросились под гусеницы. Вот их имена: Василий Чирков, Михаил Степаненко и Михаил Шукматов. Гвардейцы в этом бою уничтожили 6 танков и заставили остальные повернуть назад. Высота осталась нашей. На ее вершине лежал истекающий кровью Кочетков. Подошедшему подкреплению он успел рассказать о погибших 15 героях и умер.

Комсомолец младший лейтенант Гудченко и политрук Прокольчук своими телами закрыли амбразуру ДЗОТа, огонь из которого преграждал путь наступающему взводу. Они умерли с возгласом: «Да здравствует Родина, да здравствует Сталинград!».

Артиллерист старший сержант Хвостанцев прямой наводкой из орудия подбил 3 фашистских танка. Когда кончились снаряды, Хвостанцев взялся за противотанковое ружье и под-

бил 4-й танк. Но другие танки продолжали лезть, окружали героя. Тогда, схватив противотанковую гранату и с возгласом: «Не пройдешь, гад!» — он, бросив ее под гусеницы пятого танка, подорвал его. За героизм и отвагу т. Хвостанцеву присвоено звание Героя Советского Союза. Так бьются за город Сталина его славные защитники, воины Красной Армии.

Родина приказала отстоять Сталинград. И для защитников Сталинграда стало нерушимым законом, велением сердца, что город Сталина, город славы и гордости советского народа нельзя отдавать врагу. В славных подвигах защитников Сталинграда вновь воскрешены бессмертные подвиги защитников Красного Царицына.

В боях за Сталинград воины Красной Армии проявили массовый героизм. За период боев за город Сталинград награждено орденами и медалями 17 тысяч человек. Звание Героя Советского Союза присвоено 9 командирам и бойцам. Орден Ленина получили 70 человек, орден «Красное знамя» — 922 человека, орден «Александр Невский» — 4, орден Отечественной войны первой степени — 156 и второй степени — 173, орден «Красная звезда» — 2.516 человек, медаль «За отвагу» — 6.792 человека и медаль «За боевые заслуги» — 5.980 человек. Первые ордена «Александр Невский» вручены защитникам Сталинграда — доблестным командирам: капитану Цибулину С. И. и старшему лейтенанту Рубан И. П.

История войн всех времен не знает таких гигантских по масштабу битв, которые развернулись под Сталинградом. Немцы бросили на Сталинград свыше 30 дивизий, делали в день более двух тысяч самолетовылетов. Только за 2 месяца они сбросили на город свыше 200 тысяч фугасных бомб. Непрерывной бомбежкой с воздуха, немецкое командование хотело проложить своим дивизиям дорогу через город к Волге. Но, потеряв за это время свыше тысячи самолетов, гитлеровцы к Волге не прошли. Немцы стянули под Сталинград несколько тысяч танков. Они хотели танками протаранить оборону города. На отдельные участки гитлеровцы бросали одновременно до 200 танков. Но, потеряв около тысячи танков, устлав остовами сгоревших и разбитых машин окраины города, они не продвинулись вперед.

Немцы по 15—20 раз в сутки ходили в атаку; немало из них было психических. Гитлеровцы нередко на участке длиной в несколько сот метров, наступали целыми дивизиями, но, устлав подступы к рубежам обороны Сталинграда десят-

ками тысяч трупов своих солдат и офицеров, немцы города не взяли.

Не помогли им и 2 тысячи орудий, и шестиствольные минометы, из которых они обстреливали Сталинград, и танки, и бомбардировщики, не помогли и провокационные листовки. Ничто не помогло. Все разбилось о железную стойкость защитников Сталинграда. Сталинград выстоял! Сталинград остановил продвижение врага, сорвал стратегический план Гитлера, план окружения Москвы с востока. Бои за Сталинград знаменуют собой рост стойкости частей Красной Армии, повышение умелости вождения войск командирами. В боях за Сталинград неуклонно подтачивались военные силы гитлеровской Германии, в огромном количестве выводилась из строя военная техника.

В боях за Сталинград Красная Армия накопила ценнейший опыт защиты городов и населенных пунктов. В битве за волжскую твердыню, кровью крепилась дружба многонационального Союза ССР. Бои за Сталинград еще раз обнажили перед всем миром кровожадный облик гитлеровской грабьармии.

Битва за Сталинград оказала влияние и на внутриполитическое положение Германии, вызвав там тревогу и разочарование, разрушив иллюзии немецких солдат о близком конце войны, заставив изолгавшуюся фашистскую пропаганду вновь изворачиваться, скрывать правду о боях под Сталинградом, о разгромленных и уничтоженных немецких дивизиях, о разрушенных планах немецкого командования. Бои под Сталинградом удалили Германию от «побед», в боях под Сталинградом немцы «допобеждались до смерти».

Сталинград защищала и отстаивала вся страна. С мыслью о Сталинграде вставали к станкам рабочие, опускались в шахты горняки, выходили на работу колхозники. Туркменский народ в своем письме к защитникам Сталинграда говорит: «Вся наша Родина поддерживает вас в жестокой борьбе с немецкими захватчиками». Ленинградцы в ответном письме защитникам Сталинграда пишут: «Товарищи Сталинградцы! За вами честь и слава страны! Миллионы глаз смотрят на вас с надеждой и восхищением. Миллионы рук напрягаются в труде, чтобы помочь вам, товарищи». На предприятиях, в колхозах страны, трудящиеся организовали фонд помощи защитникам Сталинграда. Трудно найти в нашей стране человека, который не отдал бы Сталинграду частицу своего сердца, своего труда.

Превращенный в руины, но непобежденный, обугленный, но непреклонный, Сталинград олицетворяет собою неиссякаемое мужество советских людей, беспримерную стойкость воинов Красной Армии.

Сталинград заставил Гитлера снова брать у своих вассалов — Румынии, Венгрии, Италии — пушечное мясо, заставил взять в самой Германии новые контингенты рабочих военной промышленности и отправить их на фронт. Сталинград заставил гитлеровцев говорить о затяжке войны, об ужасах второй зимы.

Героическая оборона Сталинграда усилила позиции сторонников второго фронта в Европе. Американская газета «Старт-Таймс» пишет: «Сталинград призывает нас к созданию второго фронта. Бушующее в Сталинграде пламя освещает нам путь правды. Грохот пушек заглушает всю премудрость наших незадачливых военных специалистов... Сталинград говорит нам: «Сражайтесь, как мы!»

Центральный Комитет союза металлистов и рабочих сельскохозяйственного машиностроения в США в своем обращении к местным организациям пишет: «Тысячи рабочих Сталинградского тракторного завода отдают свою жизнь и за нас. Сталинград—это первая линия обороны Чикаго... Мы, строители сельскохозяйственного оборудования, танков и тракторов в Америке, преисполнены глубокой симпатией к строителям танков в Сталинграде. Увлекаемые их героическими примерами, мы не будем жалеть сил, не будем останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы усилить или ускорить военные приготовления и обеспечить немедленное открытие второго фронта».

Город - воин. Он не только нашел силы для того, чтобы остановить врага, измотать его, но, отбиваясь от яростного натиска, он накопил силы и для ответного сокрушительного удара. В дни, когда вся страна, затаив дыхание следила за ходом боев под Сталинградом, напрягала усилия, чтобы помочь защитникам города отстоять волжскую твердыню, в эти напряженные дни, весь мир облетела радостная весть — Сталинград перешел в наступление.

Наступать, выдержав неслыханную трехмесячную осаду, отразив главный удар бронированных сил гитлеровской армии, наступать при таких условиях могла только поистине сильная, стойкая, закаленная в боях Красная Армия.

Только Красная Армия, ведущая священную освободительную войну против немецких захватчиков, возмужавшая в боях

под Сталинградом, накопившая опыт современной войны, руководимая кадрами умелых командиров и состоящая из воинов непревзойденной стойкости и мужества, только Красная Армия, опирающаяся на народ, на крепкий и сплоченный тыл, смогла не только устоять под Сталинградом против бешеного натиска гитлеровских войск, но и бить их в открытом бою, гнать назад.

Части Красной Армии, перешедшие в районе Сталинграда в наступление, продвинулись на десятки километров вперед, освободили свыше сотни населенных пунктов, захватили огромные трофеи, взяли свыше 70 тысяч гитлеровцев в плен. По всему фронту наступления идут ожесточенные бои. Гитлеровцы отчаянно сопротивляются, цепляются за каждый бугорок. Особенно с большим ожесточением идут бои на улицах Сталинграда. Прославленным воинам полковника Горохова приходится выкуривать немцев из полуразрушенных подвалов, снимать штыком и пулей с крыш и чердаков, выбивать из развалин зданий. Разрушая искусно созданные немцами оборонительные сооружения, части полковника Горохова упорно продвигаются вперед. За день наступления они очистили от немцев 9 улиц рабочего поселка. 24 ноября эти части соединились с войсками, наступающими с севера. Впервые за месяцы осады, сталинградский гарнизон стал получать боеприпасы по берегу.

Гвардейцы генерала Родимцева, отвоевывая метр за метром сталинградской земли, в которую алчно вцепились немцы, очищают от фашистов улицу за улицей. Враг сопротивляется отчаянно, но ничто не сможет сдержать наступательного порыва бойцов Сталинградского фронта. Они упорно продвигаются вперед, мстят за руины Сталинграда, за кровь советских людей, мстят за все злодеяния, совершенные гитлеровскими убийцами.

За ходом наступательных боев в районе Сталинграда напряженно следит весь мир. Так в дни войны с немецкими захватчиками, в борьбе за честь и независимость нашей Родины, Сталинград поднялся над миром сверкающим символом мужества и стойкости, символом неистощимого упорства воинов Красной Армии и настойчивости советских людей в борьбе за родную землю, величественным символом того, что может сделать народ во имя своей отчизны, своей свободы.

ГЕРОИ СТАЛИНГРАДА

Скоро уже два месяца, как немцы исступленно рвутся к Сталинграду. Войска Красной Армии самоотверженно сражаются с врагом. Только за последний месяц отражено свыше ста общих, крупных танковых и пехотных атак. Гигантская битва в районе Сталинграда не только не затихает, но день ото дня становится все ожесточеннее, все упорнее. И каждый новый день этой битвы рождает в рядах защитников города новых героев.

Таковы прежде всего бойцы, командиры и политработники гвардейской дивизии, которой командует Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Родимцев. Крылатая слава осеняет их путь борьбы за Сталинград. Храбрейшие среди храбрых, они своей стойкостью, бесстрашием и воинским умением, своей яростью в боях с ненавистным врагом выделяются среди доблестных защитников Сталинграда.

Каждый день гвардейцы принимают на себя по 12—15 атак вражеских танков и пехоты, поддерживаемых авиацией и артиллерией. И всегда они до последней возможности отражают натиск врага, покрывая землю новыми десятками и сотнями фашистских трупов. Не только умом,—всем своим сердцем, всем своим существом гвардейцы сознают, что отступать нам дальше нельзя, отступать дальше некуда. Сталинград надо отстоять во что бы то ни стало. Полные непреклонной решимости скорее сложить свои головы, чем сделать хоть шаг назад, они, как утес, стоят на своих позициях, и, как об утес, дробятся об их позиции многочисленные валы вражеских атак.

Гвардейцы упорно и мужественно отстаивают каждый дом, каждую улицу и выбирая удобные моменты, переходят в контратаки, опустошая ряды врага. Только за один день они перебили две тысячи гитлеровцев, уничтожили 18 танков, 30 автомашин. В другой день гвардейцы подожгли и подбили 42 вражеских танка. Железное упорство в обороне, стремительный натиск в контратаках — отличительная черта гвардейцев дивизии, которой командует генерал-майор Родимцев.

Защищая Сталинград в огне, дыму и крови, сражаясь под непрерывными ударами вражеской артиллерии и авиации, гвардейцы всегда тверды и незыблемы духом. Сердца их, закалившись в горниле битв, стали крепче самого крепкого металла. Они не знают колебаний и страха в борьбе, мужество и отвага — всегда с ними. Гвардии заместитель политрука Кабанов во время контратаки пробрался в тыл противнику, перестрелял орудийный расчет и немедленно открыл из немецкого орудия уничтожающий огонь по немцам. Гвардии красноармеец Муркин в штыковой схватке на улице заколол двух офицеров и нескольких солдат. Наводчик противотанкового орудия гвардии красноармеец Кузнецов, отражая атаку танков, был ранен, но продолжал борьбу и уже после ранения подбил три вражеских танка. И это не единичные случаи, не исключение: сражаться бесстрашно, неутомимо, упорно, до последней капли крови — это закон гвардейцев.

Но слава гвардейцев не только в их храбрости. Истые герои, они сочетают отвагу с воинским мастерством. В уличном бою, одном из самых сложных видов боя, они умеют отыскать самый верный путь к успеху и, чего бы это ни стоило, пробиться по этому пути. Мелкие группы бойцов, хорошо изучив район действий, просачиваются дворами в тылы и на фланги врага, выводят из строя расчеты немецких орудий, пулеметчиков и автоматчиков. Гвардии старший сержант Дадымин пробрался на улицу, занятую противником, залез на чердак, перестрелял оттуда расчеты двух вражеских пулеметов и, захватив оба пулемета, вернулся в свою часть. Во время этой вылазки он убил 20 немцев. Отделение гвардии сержанта Устюгова уничтожило из окон домов группу из 23 солдат во главе с офицером. Во всех подразделениях хорошо поставлена служба связи, разведка, непрерывно ведется наблюдение за врагом. Это позволяет командованию быстро реагировать на малейшие изменения обстановки и на каждый удар врага немедленно отвечать контрударом.

Мастера воинского дела, люди беззаветной храбрости, гвардейцы, которыми командует генерал-майор Родимцев, всегда действуют предприимчиво, инициативно. Минометный расчет в составе гвардейцев Кизлякова, Кепина и Коростылева продвигался вслед за пехотой. Неожиданно из-за угла появился немецкий танк с десантом в 16 автоматчиков. Подпустив танк на 100 метров, минометчики беглым огнем

уничтожили всех автоматчиков, а танк подбили. Никогда не теряться в самом трудном положении, бить врага, где бы он ни встретился, — это закон гвардейцев, который они соблюдают нерушимо.

Так защищают Сталинград, так бьются за родину гвардейцы, которыми командует генерал-майор Родимцев. Вглядываясь в их лица сквозь кровавое зарево пожарищ, окутавших Сталинград, сквозь дым разрывов и тучи земли, вздыбленной снарядами и бомбами, страна отчетливо видит на этих мужественных лицах черты, отличающие подлинных героев. И страна от всего сердца говорит им с любовью и благодарностью:

— Слава вам, герои - гвардейцы!

В эти дни, когда взоры всего советского народа прикованы к Сталинграду, **нет для советских людей человека ближе и дороже, чем защитник Сталинграда, нет в нашей стране имени славнее и почетнее, чем герой Сталинграда.** Об этом надо крепко помнить, эту всенародную любовь и доверие надо оправдать доблестными боевыми делами.

Подтянув свежие войска, враг усилил теперь свой натиск. Настал самый решающий этап боев за Сталинград. Но как бы ни бушевал ураган, защитники Сталинграда должны держаться непоколебимо. Мы знаем, что это нелегко, что наши войска бьются за Сталинград в чрезвычайно тяжелых условиях, но, несмотря ни на что, они должны выстоять до конца, ибо иного выхода нет. Отступать некуда. Сражаясь так отважно и умело, как сражаются герои-гвардейцы, доблестные защитники Сталинграда могут отбить любой натиск врага — и обязаны это сделать во что бы то ни стало.

(«Красная Звезда», 1 октября 1942 г.).

Е. КОКЕЕВ.

АРМЕЙСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Недавно на южных подступах к Сталинграду на нашу танковую колонну налетела группа фашистских бомбардировщиков. Один танк загорелся. Яркое пламя бушевало в танке. Возникла опасность, что танкисты могут быть заживо сожженными. Но старший механик - водитель коммунист Красноперов отказался покинуть боевую машину. Он включил наибольшую скорость и силой воздуха с применением огнетушителя, сбил пламя и потушил пожар.

И почти с хода, не останавливаясь, не делая передышки, повел он свой танк на врага. Красноперов нажимал на рычаги, экипаж бил из орудия танка по врагу. Через несколько минут на поле боя пылал вражеский танк. Позади валялись десятки трупов фашистов, уничтоженных экипажем Красноперова.

Вот за развалинами дома притаился коммунист сержант Долганов, посылая во врага одну пулю за другой. Из его груди, перевязанной бинтом, сочится кровь. Глаза его помутнели. Он серьезно ранен осколком мины, но не уходит с поля боя, сказав своим бойцам: «Пока я жив, не выпущу из рук оружия, буду бить фашистов».

Гвардии лейтенант Пономарев был дважды ранен, но он не покинул боя и продолжал сражаться. А когда поздно ночью на время затих шум боя, в одном из подвалов состоялось заседание партийного бюро. Пономарева приняли в ВКП(б).

Старший сержант Хвостанцев, отличный артиллерист, большевик, пламенный агитатор, до последнего дыхания дрался с фашистами. Вначале он прямой наводкой из своего орудия расстрелял три фашистских танка. Когда не стало снарядов, он подпустил четвертый вражеский танк на 40 метров и уничтожил его из противотанкового ружья, пятый танк он подорвал противотанковой гранатой. Все снаряды и патроны были израсходованы. На Хвостанцева двигалась новая группа вражеских танков. Немцы кричали русскому

богатырю: «Сдавайся!» Но Хвостанцев предпочел смерть позору плена и с противотанковой гранатой в руках бросился под гусеницу вражеского танка. Еще один немецкий танк был подорван. И смертью храбрых пал Хвостанцев.

О воине-большевике старшем сержанте Дубкове рассказывают все агитаторы N части. Тов. Дубков со своим отделением дважды отбил вражеские атаки, густо усеял поле боя перед участком своей обороны трупами немецких солдат и офицеров, а затем поднял своих бойцов и контратакой выбил немцев из двух домов. Боевой счет отделения Дубкова за один этот бой увеличился на десятки истребленных немецких солдат. Тов. Дубков лично уничтожил пять гитлеровцев. Заслуженной славой овеяно имя большевика-красноармейца Квашникова. Этот боец подполз к немецкому ДЗОТу, забросал его гранатами и истребил 13 гитлеровцев.

Заместитель командира подразделения коммунист Бабак с группой в 15 бойцов выдвинулся с противотанковыми ружьями и бутылками с горючей смесью навстречу танкам противника. Взмах рук, треск стекла — и языки пламени уже лижут два горящих немецких танка. Пять атак отразил коммунист Бабак со своими бойцами. Он отбросил врага и отстоял свой рубеж.

Так борются большевики. Так обороняют они город Сталина. Так отвечает большевистская гвардия на призыв участников обороны Царицына.

— Не хозяйничать подлым захватчикам в Сталинграде! — клянутся бойцы и командиры наших частей, дерущихся на улицах города с немецкими оккупантами.

В бою с фашистами блестящий образец стойкости показал воспитанник ленинско-сталинского комсомола лейтенант Кулиш. В яростной схватке с фашистскими танками он до конца бил из своего орудия по немецким машинам. 21 рану получил молодой герой в этой неравной борьбе, но продолжал расстреливать в упор немецкие танки, ни на минуту не оставляя своего места командира и большевика на огневой позиции. Когда атака врага была отбита и на поле боя остались исковерканные железные каркасы вражеских танков, бойцы бережно вывезли на лафете изрешеченное тело лейтенанта Кулиша и похоронили с воинскими почестями. На траурном митинге один за другим выступали красноармейцы и командиры, клялись до последнего дыхания драться за Сталинград!

До последнего патрона, до последнего вздоха биться с врагом — таков закон доблестных защитников Сталинграда. Образцы героизма показывают армейские коммунисты. Их смелость и умение, инициатива и сметка, жгучая ненависть к врагу и воля к победе наших бойцов творят чудеса. Так армейские большевики осуществляют свою авангардную роль в битве за Сталинград, воодушевляя своим примером всю красноармейскую массу.

К. СИМОНОВ

ДНИ И НОЧИ

Тот, кто был здесь, никогда этого не забудет. Когда через много лет, мы начнем вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжелый, бесконечный грохот бомбежки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим звенящее громыхание перегревшегося кровельного железа.

Немцы осаждают Сталинград. Но когда здесь говорят «Сталинград», то под этим словом понимают не центр города, не Ленинскую улицу, и даже не его окраины, — под этим понимают всю огромную, 65-километровую полосу вдоль Волги, весь город с его предместьями, с заводскими площадками, с рабочими городками. Это — много городков, создавших один город, который опоясал собой целую излучину Волги. Но этот город уже не тот, каким мы видели его с волжских пароходов. В нем нет поднимающихся веселой толпой в гору белых домов, нет легких волжских пристаней, нет набережных с бегущими вдоль Волги рядами купален, киосков, домиков. Теперь это город дымный и серый, над которым день и ночь пляшет огонь и вьется пепел. Это город — солдат, опаленный в бою, с твердынями самодельных бастионов, с камнями героических развалин.

И Волга под Сталинградом — это не та Волга, которую мы видели когда-то, с глубокой и тихой водой, с широкими солнечными плесами, с вереницей бегущих пароходов, с целыми улицами сосновых плотов, с тягучими караванами барж. Нет, теперь Волга под Сталинградом — это военная река. Ее набережные изрыты воронками, в ее воду падают бомбы, поднимая тяжелые водяные столбы. Взад и вперед через нее идут

к осажденному городу грузные паромы и легкие лодки. Над ней бряцает оружие, и окровавленные бинты раненых видны над темной водой.

Днем в городе то здесь, то там полыхают дома, ночью дымное зарево охватывает горизонт. Гул бомбежки и артиллерийской канонады день и ночь стоит над содрогающейся землей. В городе давно уже нет безопасных мест, но за эти дни осады здесь уже привыкли к отсутствию безопасности. В городе пожары. Многих улиц уже не существует, другие изборождены воронками от авиабомб. Еще оставшиеся в городе женщины и дети ютятся в подвалах, роют пещеры в спускающихся к Волге оврагах. Месяц штурмуя город, немцы хотят овладеть им во что бы то ни стало. На улицах валяются обломки сбитых бомбардировщиков, в воздухе рвутся снаряды зениток, но бомбежка не прекращается ни на час. Осаждающие стараются сделать из этого города ад, в котором нельзя жить.

Да, здесь трудно жить, здесь небо горит над головой, и земля содрогается под ногами. Вид зияющих стен и обгорелых окон вчера еще мирных домов, сжимает горло судорогой ненависти. Опаленные трупы женщин и детей, сожженных немцами на одном из пароходов, взывая к мести, лежат на прибрежном волжском песке.

Да, здесь трудно жить, и даже больше того: здесь невозможно жить в бездействии. Но жить, сражаясь, жить, убивая немцев, — так жить здесь можно, так жить здесь нужно, и так жить мы будем, отстаивая этот город среди огня, дыма и крови. И если смерть у нас над головой, то слава рядом с нами: она стала нам сестрой среди развалин жилищ и плача осиротевших детей.

Вечер. Мы стоим на окраине. Впереди расстилается поле боя. Дымящиеся холмы, горящие улицы. Как всегда на юге, начинает быстро темнеть. Все заволакивает иссиня-черной дымкой, которую разрывают огненные стрелы гвардейских минометных батарей. Обозначая передний край, по огромному кольцу, взлетают в небо белые сигнальные немецкие ракеты. Ночь не прекращает боя. Тяжелый грохот: немецкие бомбардировщики опять обрушили бомбы на город за нашей спиной. Гул самолетов минуту назад прошел над нашими головами с запада на восток, теперь он слышен с востока на запад. На запад прошли наши. Вот они развесили над немецкими позициями цепь желтых, светящихся «фонарей», и разрывы бомб ложатся на освещенную ими землю.

Четверть часа относительной тишины — относительной потому, что все время продолжает слышаться глухая канонада на севере и на юге, сухое потрескивание автоматов впереди. Но здесь это называют тишиной, потому, что другой тишины здесь уже давно не бывает, — а что-нибудь надо же называть тишиной!

В такие минуты вдруг как-то разом вспоминаются все картины, прошедшие перед тобой в эти дни, лица людей, то усталые, то разгоряченные, их бессонные, яростные глаза.

Мы переправлялись через Волгу вечером. Пятна пожаров становились уже совсем красными на черном вечернем небе. Самоходный паром, на котором мы переезжали, был перегружен: на нем было пять машин с боеприпасами, рота красноармейцев, несколько девушек из медсанбата и мы. Паром шел под прикрытием дымовых завес, но переправа казалась все-таки долгой. Рядом со мной на краю парома сидела 20-летний военфельдшер — девушка-украинка по фамилии Щепеня с причудливым именем Виктория. Она переезжала туда, в Сталинград, уже четвертый или пятый раз.

Здесь, в осаде, обычные правила эвакуации раненых изменились: все санитарные учреждения в их обычном виде уже негде было размещать в этом горящем городе; фельдшеры и санитарки, собрав раненых, прямо с передовых сами везли их через город, погружали на лодки, на паромы, а перевезя на ту сторону, возвращались обратно за новыми ранеными, ждущими их помощи. Виктория и один из моих спутников оказались земляками. Половину пути они оба на перебой вспоминали Днепропетровск, его улицы, тот дом, где жил мой спутник, и тот дом, где училась Виктория. Они вспоминали свой родной город во всех подробностях, и чувствовалось, что в сердце своем они не отдали его немцам и никогда не отдадут, что этот город, что бы ни случилось, есть и всегда будет их городом.

Паром уже приближался к сталинградскому берегу.

— А все-таки каждый раз немножко страшно выходить,— вдруг сказала Виктория. — Вот меня два раза ранили и один раз очень тяжело, а я все не верила, что умру, потому что я же еще не жила совсем, совсем жизни не видела. Как же я вдруг умру?

У нее в эту минуту были большие грустные глаза. Я понял, что это правда: очень страшно в 20 лет быть уже два раза раненой, уже пятнадцать месяцев воевать и в пятый раз ехать сюда, в Сталинград. Еще так много впереди — вся жизнь, вся любовь, может быть, даже первый поцелуй. — кто

знает! И вот ночь, сплошной грохот, горящий город впереди, и двадцатилетняя девушка едет туда в пятый раз. А ехать надо, хотя и страшно. И через 15 минут она пройдет среди горящих домов и где-то на одной из окраинных улиц среди развалин, под жужжанье осколков будет подбирать раненых и повезет их обратно, и если перевезет, то вновь вернется сюда в шестой раз.

Вот уже пристань, крутой подъем в гору и этот страшный запах спаленного жилья. Небо черное, но остовы домов еще черней. Их изуродованные карнизы, наполовину обломанные стены врезаются в небо, и когда где-то далеко вспышка бомбы делает небо на минуту красным, развалины домов кажутся зубцами крепости.

Да это и есть крепость. В одном подземелье работает штаб. Здесь, под землей, обычная штабная сутолока. Стучат свои точки и тире бледные от бессонницы телеграфистки, и запыленные, запорошенные, как снегом, обвалившейся штукатуркой, проходят торопливым шагом офицеры связи. Только в их донесениях фигурируют уже не нумерованные высоты, не холмы и рубежи обороны, а названия улиц, предместий, поселков, иногда даже домов.

Штаб и узел связи спрятаны глубоко под землю. Это мозг обороны, и он не должен быть подвергнут случайностям. Люди устали, у всех тяжелые, бессонные глаза и свинцовые лица. Я пробую закурить, но спички одна за другой мгновенно потухают, — здесь, в подземелье, мало кислорода.

Ночь. Мы почти наощупь едем на разбитом газике из штаба к одному из командных пунктов. Среди вереницы разбитых и сожженных домов один целый. Из ворот, громыхая, выезжают скрипучие подводы, груженые хлебом: в этом уцелевшем доме пекарня. Город живет, живет — что бы ни было. Подводы едут по улицам, скрипя и вдруг останавливаясь, когда впереди, где-то на следующем углу, вспыхивает ослепительный разрыв мины.

Утро. Над головой ровный голубой квадрат неба. В одном из недостроенных заводских зданий расположился штаб бригады. Улица, на север уходящая в сторону немцев, простреливается вдоль минометным огнем. И там, где когда-то может быть, стоял милиционер, указывая, где должно и где не должно переходить улицу, теперь под прикрытием обломка стены стоит автоматчик, показывая место, где улица спускается под уклон и где можно переходить невидимо для немцев, не обнаруживая расположения штаба. Час назад здесь убило ав-

томатчика. Теперь здесь стоит новый и попрежнему на своем опасном посту «регулирует уличное движение».

Уже совсем светло. Сегодня солнечный день. Время близится к полудню. Мы сидим на наблюдательном пункте в мягких плюшевых креслах, потому что наблюдательный пункт расположен на пятом этаже одного дома, в хорошо обставленной инженерской квартире. На полу стоят снятые с подоконников горшки с цветами, на подоконнике укреплена стереотруба. Впрочем, стереотруба здесь для более дальнего наблюдения — так называемые передовые позиции отсюда видны простым глазом. Вот вдоль крайних домов поселка идут немецкие машины, вот проскочил мотоциклист, вот идут пешие немцы. Несколько разрывов наших мин. Одна машина останавливается посреди улицы, другая, заметавшись, прижимается к домам поселка. Сейчас же, с ответным завыванием, через головы, куда-то в соседний дом ударяют немецкие мины.

Я отхожу от окна к стоящему посреди комнаты столу. На нем в вазочке засохшие цветы, книжки, разбросанные ученические тетради. На одной аккуратно по линейкам детской рукой выведенное слово «сочинение». Да, как и во многих других, в этом доме, в этой квартире жизнь оборвалась на полуслове. Но она должна продолжаться, и она будет продолжаться, потому, что именно для этого ведь, пожалуй, дерутся и умирают здесь среди развалин и пожарищ наши бойцы.

Еще один день, еще одна ночь. Улицы города стали еще пустыннее, но сердце его бьется. Мы подъезжаем к воротам завода. Рабочие-дружинники в пальто и кожанках, перепоясанных ремнями, похожие на красногвардейцев 18-го года, строго проверяют документы. И вот мы сидим в одном из подземных помещений. Все, кто остался охранять территорию завода и его цехи, — директор, дежурные, пожарники и рабочие самообороны, — все на своих местах.

В городе нет теперь просто жителей, — в нем остались только защитники. И что бы ни было, сколько бы заводы ни вывезли станков, цех всегда остается цехом, и старые рабочие, отдавшие заводу лучшую часть своей жизни, оберегают до конца, до последней человеческой возможности эти цехи, в которых выбиты стекла и еще пахнет дымом от только что потушенных пожаров.

— Мы здесь не все отмечали, — кивает на доску директор. Он начинает рассказывать о том, как несколько дней назад немецкие танки прорвали в одном месте оборону и устремились к заводу. Известие об этом поступило на завод. Надо было чем-то срочно, до ночи помочь бойцам и заткнуть про-

рыв. Директор вызвал к себе начальника ремонтного цеха. Он приказал, как можно скорее закончить ремонт тех нескольких танков, которые были уже почти готовы. Люди, сумевшие своими руками починить танки, сумели в эту рискованную минуту сесть в них и стать танкистами.

Тут же, на заводской площадке, из числа ополченцев — рабочих и приемщиков, было сформировано несколько танковых экипажей: они сели в танки и, прогрохотав по пустому двору, прямо через заводские ворота поехали в бой. Они были первыми, кто оказался на пути прорвавшихся немцев у каменного моста через узкую речку. Их и немцев разделял огромный овраг, через который танки могли пройти только по мосту. Но как раз на этом мосту немецкую танковую колонну встретили заводские танкисты.

Завязалась ожесточенная артиллерийская дуэль. Тем временем немецкие автоматчики стали переправляться через овраг. В эти часы завод против немецкой пехоты выставил свою, заводскую, — вслед за танками появились два отряда ополченцев. Одним из этих отрядов командовали начальник милиции Костюченко и декан кафедры механического института Панченко, другим управляли мастер инструментального цеха Попов и старый сталевар Кривулин. На обрывистых скатах оврага завязался бой, часто переходивший в рукопашную. В этих схватках погибли старые рабочие завода Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин и другие, имена которых сейчас повторяют на заводе.

В этот день окраина заводского поселка преобразилась. На улицах, выходивших к оврагу, появились баррикады. В дело пошло все котельное железо, броневые плиты, корпуса разобранных танков. Как в гражданскую войну, жены подносили своим мужьям патроны, и девушки прямо из цехов шли на передовые и, перевязав раненых, оттаскивали их в тыл. Многие погибли в тот день, но этой ценой рабочие-ополченцы и бойцы задержали немцев до ночи, когда к месту прорыва подошли новые части.

Пустынны заводские дворы. Ветер свистит в разбитых окнах. И когда близко разрывается мина, на асфальт со всех сторон сыплются осколки выбитых стекол. Но завод дерется так же, как дерется весь город. И если к бомбам, к минам, к пулям, к опасности, вообще, можно привыкнуть, — то значит здесь к ней привыкли. Привыкли так, как нигде.

Мы идем по мосту через один из городских оврагов. Я никогда не забуду этой картины. Овраг далеко тянется влево и вправо и весь он кишит, как муравейник, весь он изрыт пеще-

рами. В нем вырыты целые улицы. Пещеры накрыты обгорелыми досками, тряпьем, — женщины стащили сюда все, чем можно закрыть от дождя и снега своих птенцов. Трудно сказать словами, как горько видеть вместо улиц и перекрестков, вместо шумного города ряды этих печальных человеческих гнезд.

Опять окраина—так называемые передовые. Обломки сметенных с лица земли домов, невысокие холмы, взрытые минами. Мы неожиданно встречаем здесь человека,—одного из четверых, которым с месяц назад газеты посвящали передовицы. Тогда они сожгли 15 немецких танков, эти четверо бронебойщиков— Александр Беликов, Петр Самойлов, Иван Олейников и вот этот, Петр Болото, который сейчас неожиданно оказался здесь, перед нами. Хотя, в сущности, почему неожиданно? Такой человек, как он, и должен был оказаться здесь, в Сталинграде. Именно такие, как он, защищают сегодня город. И именно потому, что у него такие защитники, город держится вот уже целый месяц, вопреки всему, среди развалин, огня и крови.

У Петра Болото крепкая, коренастая фигура, открытое лицо, с прищуренными, чуть с хитринкой, глазами. Вспоминая о бое, когда они подбили 15 танков, он вдруг улыбается и говорит:

— Когда на меня первый танк шел, я уже думал — конец света наступил, ей-богу. А потом ближе танк подошел и загорелся, и уже вышел не мне, а ему конец. И между прочим, знаете, я за тот бой цыгарок пять скрутил и скурил до конца. Ну, может, не до конца,—врать не буду,—но все-таки скрутил пять цыгарок. В бою так: ружье отодвинешь и закуришь, когда время позволяет. Курить в бою можно, только промахиваться нельзя. А то раз промахнешься, и уже больше не закуришь — вот какое дело...

Петр Болото улыбается широкой, спокойной улыбкой человека, уверенного в правоте взглядов на свою солдатскую жизнь — жизнь, в которой иногда можно отдохнуть и перекурить, но в которой нельзя промахнуться.

Разные люди защищают Сталинград. Но у многих, у очень многих, есть эта широкая, уверенная улыбка, как у Петра Болото, есть спокойные, твердые, непромахивающиеся солдатские руки. И поэтому город дерется, дерется даже тогда, когда это кажется здесь или там почти невозможным.

Набережная, — вернее то, что осталось от нее, — остовы сгоревших машин, обломки выброшенных на берег барж, уцелевшие, покосившиеся домишки. Жаркий полдень. Солнце заволокло сплошным дымом. Сегодня с утра немцы опять бомбят город. Один за другим на глазах пикируют самолеты. Все

небо в зенитных разрывах: оно похоже на пятнистую серо-голубую шкуру какого-то зверя. С визгом кружатся истребители. Жестокий бой идет над головой, не прекращаясь ни на минуту. Город сражается любой ценой, и если эта цена дорога и подвиги людей суровы и жестоки, а страданья их неслыханны, то с этим ничего не поделаешь, — борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Тихо плескаясь, волжская вода выносит на песок к нашим ногам обгоревшее бревно. На нем лежит утопленница, обхватив его опаленными, скрюченными пальцами. Я не знаю, откуда принесли ее волны. Может быть, это одна из тех, кто погиб на пароходе, может быть, одна из погибших во время пожара на пристанях. Лицо ее искажено: муки перед смертью, должно быть, были невероятными. Это сделали немцы, сделали на наших глазах. И пусть потом они не просят пощады ни у одного из тех, кто это видел. После Сталинграда мы их не пощадим.

В. ПРИХОДЬКО

ЗАВОД-ВОИН

Полтора месяца, проведенных в условиях ожесточенной осады города, суровая, генеральная проверка сил и боеспособности нашей парторганизации, проверка боем, огнем и железом.

Сейчас можно смело сказать, что наша районная партийная организация и все трудящиеся района с честью выдержали эту проверку.

23 августа 1942 года...

Обычное оживление в рабочем поселке тракторного завода началось ранним утром. Рабочие и работницы спешили на завод, домохозяйки—на базар, ребятишки с удочками — на Волгу, и ничто, казалось, не предвещало никаких изменений—день был самый обыкновенный.

И вдруг тревожная весть пронеслась по заводу:

— Враг вырвался к городу!

Обстановка потребовала, чтобы мы, не прекращая усиленной работы завода, организовали вооруженный отпор врагу.

Дружно собрались бойцы истребительного батальона. Под командованием начальника районного отделения милиции

тов. Костюченко они вышли за город, туда, откуда с воем и визгом летели снаряды, мины.

Вслед за истребительным батальоном вышли вооруженные рабочие—народные ополченцы.

На другой день завод насчитывал уже десятки рабочих отрядов, готовых ринуться в бой и защищать любимый город до последнего дыхания. На фронт рвались все, но нельзя было останавливать завод.

Первым получил боевое крещение истребительный батальон. Многие из бойцов этого батальона никогда в жизни не участвовали в боях и впервые взяли в руки оружие. Это — молодежь, комсомольцы, бывшие «семитысячники», строившие тракторный завод.

Рядом с ними были и старые рабочие, участники гражданской войны, обороны Царицына. Это — испытанная в боях и походах сталинская гвардия.

Так отцы и дети стали в одни ряды, плечом к плечу. Вместе они вышли навстречу опасности и столкнулись с врагом лицом к лицу.

Враг рвался вперед. Танками и огнем из автоматов, он пытался проложить себе путь и с ходу захватить поселок тракторного завода. Но бойцы истребительного батальона и народные ополченцы вместе с воинскими частями, грудью своей преградили дорогу к городу. Гитлеровцы, встретив такое сопротивление, захлебнулись в своей крови и остановились.

Это решило исход дальнейших сражений. Подошедшие подкрепления стали теснить противника, отбрасывая его назад.

Тысячи рабочих тракторного приняли горячее участие в обороне города. Объединившись в отряды, они быстро сооружали баррикады, оказывали огромную помощь воинским саперным подразделениям.

В боях за город Сталина, за родной завод многие ополченцы покрыли себя неувядаемой славой, как бесстрашные воины, беззаветно преданные родине.

Рядом с регулярными частями Красной Армии самоотверженно сражается с бандой гитлеровцев один из отрядов тракторозаводцев в 250 человек. Его вдохновляет и водит в атаки комиссар-большевик, рабочий-слесарь, товарищ Салуткин.

Прославились в боях за город Сталина заведующий кафедрой механического института, ныне начальник штаба ис-

требительного батальона тов. Панченко, комсомолец тов. Талдыкин, тов. Москалев и многие другие.

Фашистские бомбардировщики яростно рвутся к тракторному. Район подвергается частым бомбежкам.

Неимоверно трудно работать в такой обстановке. Но рабочие тракторного не думают об этом. Несмотря ни на что, они остались верны своему великому долгу перед родиной.

Фашистские стервятники дважды выводили из строя заводскую электростанцию — сердце и нервы завода. Рабочие и инженерно-технические работники станции, не покидая поста ни днем, ни ночью, быстро восстанавливали ее. Станция продолжала работать, беспрерывно питая завод электроэнергией.

Бомбардировкой с воздуха враг наносил повреждения некоторым цехам. Рабочие немедленно устраняли повреждения и работа продолжалась.

Исключительную стойкость и самоотверженность проявил коллектив цеха, где начальником тов. Благой и секретарем партбюро тов. Семикин. Люди работали буквально сутками без отдыха и сна, бесперебойно обеспечивая моторами танки.

В очень трудных условиях пришлось работать коллективам цехов, где начальниками тт. Вехов и Равинский. Взрывами авиабомб здесь выведена из строя часть механического оборудования. Чтобы не сорвать фронтовых заказов, рабочие взялись вручную за их выполнение. В этой работе особенно отличилась бригада во главе с секретарем комсомольской организации тов. Корчагиным.

Как ни лютовал враг, ему не удалось дезорганизовать коллектив тракторного завода. Используя все свои внутренние ресурсы и возможности, завод продолжал работать и, несмотря на огромные затруднения, дал фронту в сентябре свыше 200 танков, 150 тракторов и много другого вооружения.

Новую волну трудового энтузиазма среди рабочих вызвало сообщение о том, что за коллективом завода закрепляется переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны. Это сообщение вдохнуло в сердце каждого рабочего свежие силы. На заводе широкой волной развернулось предоктябрьское социалистическое соревнование.

Коммунисты и комсомольцы тракторного завода в этих трудных условиях показали образец организованности и дисциплины, боевой выдержки и стойкости. Многие из них

первыми ушли на фронт, а те, кого необходимо было оставить на заводе, личным примером в труде увлекли за собой рабочих.

Партийная организация не прекращала и не прекращает своей кипучей деятельности даже в самой тяжелой обстановке. Часто под осколками бомб, снарядов и мин, под свист пуль, пробираются наши агитаторы на улицы и окраины поселка, чтобы рассказать жителям о последних известиях, передать листовки с сообщениями Советского Информбюро или передовыми статьями «Правды».

Читки и беседы, собрания-летучки и митинги, краткие совещания и семинары — все формы и методы массово-политической работы использовывались для того, чтобы мобилизовать коллектив рабочих и всех жителей поселка на помощь фронту, на организацию отпора врагу.

Завод - воин боролся, борется и будет бороться до полной победы над немецко-фашистскими ордами.

С. БАБКИН

МЫ—СТАЛИНГРАДЦЫ, МЫ ВЫСТОИМ!

Н-ский район Сталинграда. Широкие чистые улицы, зелень скверов, яркие цветы газонов, свежая белизна зданий и заводских корпусов...

Так выглядел наш район в недавнем прошлом.

Не узнать теперь этого района. Улицы и скверы покрылись баррикадами, изрыты воронками от взрывов авиабомб, артиллерийских снарядов, мин.

На месте многих прекрасных зданий, которые мы так любили и которыми так гордились, теперь — развалины и пепел. По ночам улицы освещаются бледно-голубым светом немецких ракет. С рассветом начинается ожесточенный артиллерийский и минометный обстрел, налетает вражеская авиация. Грохот канонады и взрывов сливается в один общий неумолкаемый гул.

Так выглядит сейчас наш район.

Массированными бомбардировками, артиллерийским обстрелом, гитлеровцы рассчитывали дезорганизовать нашу оборону, внести панику и растерянность в наши ряды.

Мужественно и стойко встретили опасность трудящиеся района. Врагу не удалось и не удастся сломить наше сопротивление, нашу волю к борьбе и победе.

Когда немецкие войска прорвались к городу, райком ВКП(б) бросил клич:

— К оружию!

Рабочие, инженеры, техники, служащие оставляли заводские корпуса, станки и брались за оружие. В райком партии приходили юноши и старые кадровые производственники с просьбами зачислить их в отряды народного ополчения.

Вскоре батальон, сформированный из трудящихся нашего района, вышел на передовые позиции. Командиром батальона стал военрук ремесленного училища тов. Никонов, комиссаром — председатель райсовета Осоавиахима тов. Толмачев. Батальон успешно выполнил задание командования и получил высокую оценку боевой выучки.

Сейчас большинство бойцов батальона влилось в регулярные части Красной Армии и продолжает сражаться на передовой линии фронта.

Вместе с мужчинами на защиту города поднялись наши женщины. Добровольно вступила в ряды Красной Армии группа девушек - связисток. Знание радиодела пригодилось сотруднице местного радиоузла тов. Дадыкиной и на новом месте — в воинской части. 17-летняя ученица ремесленного училища тов. Толмачева, инструктор районного совета Осоавиахима тов. Кромаренко и 30 комсомолок-сандружинниц пошли работать в полевые госпитали.

Врагу не удалось расстроить и работу наших промышленных предприятий. Несмотря на яростные бомбежки, артиллерийский и минометный огонь неприятеля, наши заводы не прекращают работу. Коллектив рабочих, инженерно-технических работников трудится с неслыханным героизмом и самоотверженностью, стойко перенося все тяжелые испытания и невзгоды.

Фашистские стервятники с особым ожесточением бомбили одно предприятие. Вся территория вокруг него покрылась воронками, взрывные волны вывернули оконные рамы, разорвали электропроводку. Но предприятие продолжало работать. Тогда немцы подвергли его интенсивному артиллерийскому обстрелу. На заводской территории разорвалось около 150 снарядов. Они изрешетили корпуса, повредили некоторые важные агрегаты. Но воля, самоотверженность

советских людей оказались непоколебимы. Попрежнему дымят заводские трубы, попрежнему в цехах кипит напряженная боевая жизнь. Образцы высокого мужества и отваги показали главный инженер этого завода коммунист тов. Зубанов, начальник цеха тов. Крыжановский и заместитель начальника цеха тов. Лисогор. Своей выдержкой и бесстрашием они завоевали всеобщее уважение в своем коллективе.

Большевик Константин Зубанов, как боевой командир с первого дня осады города не покидает своего поста. Спокойный, энергичный, инициативный руководитель, он всегда готов выполнить любую работу, с каким бы риском это ни было связано. Однажды, вражеский снаряд повредил водопроводную магистраль. Создалась угроза остановки не только того предприятия, на котором работает тов. Зубанов, но и некоторых других заводов. Под артиллерийским огнем тов. Зубанов появился на месте аварии, собрал рабочих-ремонтников, личным примером увлек их на героический труд. Вскоре водопровод был исправлен и заработал нормально.

Когда снаряд выводил из строя один агрегат, тов. Зубанов и тов. Крыжановский налаживали работу другого агрегата; когда выходил из строя и этот агрегат, они пускали в ход третий.

Недавно на предприятии создалось тяжелое положение с топливом. Подвезти топливо неоткуда, требовалось любыми средствами изыскать его внутри района. Заместитель начальника цеха тов. Лисогор вместе с группой других работников завода, обшарил соседние предприятия и какова была наша радость, когда эти поиски увенчались успехом. На заводе, расположенном на дальней окраине района, оказались запасы мазута. Через некоторое время мазут был доставлен на место. Каких это стоило трудов! Пришлось разобрать, а затем заново сложить баррикаду и провести состав с цистернами под ураганным огнем немецкой артиллерии.

Так же самоотверженно трудятся в эти грозные дни и коллективы других предприятий района.

На заводе, где секретарем партийного комитета тов. Колесников, до сих пор производится выпуск оборонной продукции. Здесь же налажено изготовление окопных печей. Другой завод успешно выполняет заказы Волжской военной флотилии, помогает воинским частям ремонтировать боевую технику.

Полным ходом работают хлебозавод, пекарня и маслозавод. По нескольку раз в день к хлебозаводу прямо с пере-

довых позиций приезжают машины и уходят назад, груженные мягким, душистым хлебом. Завод выпекает хлеба столько же, сколько выпекалось в прежнее время.

Для удовлетворения бытовых нужд населения и армии в районе созданы пошивочные и валяльные мастерские. В кустарно-промысловых артелях изготовляются фуфайки, теплые шаровары.

Трудящиеся района бдительно охраняют предприятия и коммунальные хозяйства. Пожарные команды бесстрашно отстаивают от огня народное добро. Дружины рабочих и служащих зорко следят за порядком на предприятиях, чтобы на них не проникли шпионы и диверсанты. Когда спускаются сумерки и в небе вспыхивают немецкие ракеты, на перекрестках властно раздаются оклики:

— Стой! Кто идет?

Это дружины несут свою боевую вахту.

Тяжелые дни переживает сейчас наш район, как и весь город. Но никто не жалуется на трудности. Охваченные единым порывом—отстоять Сталинград, отстоять любой ценой—трудящиеся района не жалеют ни сил, ни жизни во имя победы над врагом.

И не может быть сомнений в том, что мы, сталинградцы, выстоим, перенесем все тяжести варварской осады гитлеровских орд, не отдадим врагу наш любимый город.

В. КОРОТЕЕВ, В. ЛЕВКИН

МЫ СТРОИЛИ СТАЛИНГРАД,— МЫ ЕГО ОТСТОИМ!

Сталинград — город нашей молодости. В расцвете сил и надежд его строила и украшала наша молодежь. Вдохновенным трудом энтузиастов-строителей, семи тысяч комсомольцев, построен Сталинградский тракторный завод. Здесь, на берегу Волги, молодые сталинградцы начали свою жизнь, здесь мечтали, надеялись и любили. Все милое, родное и светлое связано с этим солнечным городом. Он, наша колыбель, наша юность, наша жизнь.

НА ЗЕМЛЕ, ОРОШЕННОЙ КРОВЬЮ ОТЦОВ

С молоком матери молодежь Сталинграда впитала в себя мужество и отвагу своих отцов, боевые традиции сталинской обороны Царицына. Сталинградские парни и девушки гордились громкой славой своего города-бойца, часто на комсомольских собраниях, на вечерах молодежи, на пионерских сборах, слушали мы рассказы старых ветеранов царицынской обороны. Каждый из нас хорошо знал все места исторических боев, знал памятники царицынской эпопеи, ее историю. С любовью мы украшали могилы героев Царицына, отдавших свою жизнь за наше счастье, за нашу жизнь.

Мы гордились Красным знаменем и орденом, которыми награжден наш город. Мы гордились и старыми рвами отцов, и садами, и парками, которые мы вырастили, новыми заводами, которые выстроили на земле, политой кровью защитников Царицына. Мы говорили всему миру: «Хотите посмотреть, что создала советская власть, — взгляните на наш Сталинград!» Больше всего мы гордились молодым, славным именем своего города. А наша красавица-Волга? Где, на какой другой реке привольней и чудесней, чем на Волге? На большом конвейере «СТЗ», в плавках высококачественной стали на «Красном Октябре», в трудовой доблести сталинградских рабочих росла популярность города,—его знала вся страна, его знал весь мир.

ПЛАМЯ ПОЖАРОВ ЖЖЕТ СЕРДЦА

Юноши и девушки Сталинграда, преданно любившие его, не перестали любить его и теперь, когда немецкие разбойники разрушили и сожгли город, оставили без крова сотни тысяч людей. Изуродованный, обожженный, израненный город-богатырь, остается нашим родным Сталинградом. Он стал еще дороже сейчас, когда на улицах его идет огромная битва и пламя пожаров жжет душу. Каждый вражеский выстрел по городу отдается в сердце, заставляет его сжиматься от ненависти и жажды мести.

...В дни боев за город особенно наглядно видно, что не только мы, сталинградцы, любим свой город. Его любят бесстрашные сибиряки и москвичи, и бойцы в бескозырках и бушлатах — моряки волжской флотилии. Участники битвы у Волги все с одинаковой решимостью бьются за город и с гордостью говорят о себе: «Мы—сталинградцы».

СТАЛИНГРАДЕЦ ЦИЛИБИН И ДРУГИЕ

Среди защитников города сотни и тысячи молодых сталинградцев, воспитанников комсомола. С юношеским пылом строила молодежь сталинградские заводы, со всем пылом свой молодости она обороняет их теперь от врага. Не жалея крови и жизни своей, молодежь грудью защищает родимый город. Можно привести десятки примеров военной доблести комсомольцев Сталинграда. Батарея лейтенанта Николая Цилибина, бывшего секретаря райкома комсомола, разбила на окраине Сталинграда 15 немецких танков. Два сталинградских комсомольца — Николай Сарафанов и Михаил Чембуров, обороняя улицы, вступили в бой с десятью немецкими танками. Молодые храбрецы подбили одну машину из противотанкового ружья, а три танка подожгли бутылками с горючим. И когда осталось у них лишь несколько гранат, они обвязались ими и бросились под вражеские танки, не желая отступать. Сталинградцы, они отдали свою жизнь за Сталинград!

Героически сражается за город Н-ская часть, почти целиком сформированная из сталинградцев. Здесь отличились в боях десятки питомцев комсомола. Стрелковую роту внезапно атаковали 18 немецких танков. Была минута замешательства и растерянности. Секретарь комсомольской организации Яковлев, взял две противотанковые гранаты и, поднявшись во весь рост, бросил их одну за другой под танк. Яковлев упал, сраженный пулями, но зато подбил вражеский танк и своей храбростью вдохновил роту. Бойцы забросали танки гранатами, отбили вражеский удар и стремительной контратакой опрокинули немецкую пехоту. После боя в медальоне Яковлева бойцы вместо домашнего адреса нашли исписанный его рукой листок. «Моя клятва»—стояло вверху:

Я партии сын, и отчизна мне мать,
Отец мой любимый наш Сталин.
В бою я не буду назад отступать,
Друзья пусть и недруги знают.
А если погибну в жестоком бою,
Скажите словами народу:
«Он честно, достойно отдал жизнь свою
В боях с врагом за свободу».

В другой роте этой же части был такой случай. Шло комсомольское собрание. Секретарь президиума Сучкин, переходя из окопа в окоп, разъяснял комсомольцам приказ командования. Секретарю пришлось неожиданно прервать собрание: один из рубежей атаковали немцы, был убит командир взвода, и Сучкин принял командование на себя. Он погиб в бою. По предложению комсомольца Смирнова было принято короткое решение: «Умрем, а не отступим!» «Клянемся вам в этом, товарищ Сталин». В этот миг наблюдатель крикнул: «Немцы идут!». Красноармеец Горелов сказал тогда: «Ну, товарищи, наступила пора выполнять решение». Начался жаркий бой. Рота дралась отчаянно и отбила одну за другой атаки противника. Около 200 гитлеровцев нашли смерть у рубежа, защищаемого сталинградцами.

Стойко переносит тяжелые невзгоды вражеской осады рабочая молодежь города. Она самоотверженно тушила пожары на заводах, в полусгоревших цехах ремонтировала танки, собирала пушки, делала снаряды и мины. Там, где это возможно, молодые рабочие и сейчас на своем посту. Многие комсомольцы несут службу охраны заводов. Когда возник пожар в кузнечном цехе тракторного завода, секретарь комитета Красногласов, рискуя жизнью, спасал ценное оборудование. Так же самоотверженно защищали от огня свои цехи комсомольцы Шульгин, Мельникова, Сазыкина, Бурова, Осипов, Фролов, Пастухов, Жукова.

Комсомолка-наладчица Литвинова шлифовала детали. В цех упало несколько бомб. Литвинова хладнокровно продолжала работу и вместо 30 деталей обработала 37.

В те дни, когда противник вплотную подошел к стенам тракторного завода, плечом к плечу с бойцами и старыми рабочими сотни комсомольцев, молодых рабочих пошли отбивать немецкие атаки. Наследники боевой славы своих отцов, молодые сталинградцы с готовностью двинулись на фронт, на передовые позиции. Они вооружились автоматами, пулеметами, винтовками, гранатами и на деле показали, что недаром они учились военному делу, готовились к боям.

С тракторного завода пошли на фронт комсомольцы-активисты — 18-летний слесарь Алексей Талдыкин, Иван Скороходов, один из «старичков»-семитысячников Николай Тимошенко, Леонид Супоницкий, Родин, секретари цеховых комитетов Володин, Дегтярев, Ермолин. Вместе со старыми краснооктябрьскими рабочими ушел на фронт знаменитый в

Сталинграде молодой сталевар Саша Соколов. У стен родного завода молодежь дралась, не щадя жизни. Комсомольцы Ермоленко, Талдыкин, Макаров, Родин первыми за командиром поднялись в контратаку. Макаров в бою истребил пятерых гитлеровцев, Ермоленко—четырех, Талдыкин—двух. Раненые комсомольцы Володин и Дегтярев отказались уйти с поля боя и продолжали сражаться с немцами до последнего дыхания. Они упали, обнимая дорогую, святую землю Сталинграда, политую их жаркой кровью. С глубокой печалью склоняем мы головы перед свежей могилой наших товарищей, отдавших свою жизнь за родину, за Сталинград. Мы не забудем вас, наши славные земляки — молодые герои Сталинграда!

ДЕВУШКИ НАШЕГО ГОРОДА

Рука об руку с юношами защищают родную землю девушки. Многие из них, вчерашние станочницы, сегодня стали санитарками. Под градом пуль они вытаскивают из боя раненых, ухаживают за ними. Токарь Тоня Магницкая под яростной бомбежкой с опасностью для жизни вынесла 18 раненых. Комсомолка завода «Баррикады» Нина Таранова спасла жизнь 28 раненым. Расчет зенитной пушки, установленной на крыше одного из цехов завода, во время вражеской бомбежки был обстрелян. Нина Таранова пробралась на горящую крышу, оказала всем раненым помощь и поочередно снесла их вниз. Можно лишь удивляться, откуда у молодой девушки оказалось столько сил. Комсомолки Тоня Колобова, Вера Шмелева, Тося Щелочкова добровольно пошли санитарками на передовые позиции и вынесли с поля боя 54 раненых бойца. Дочь рабочего «СТЗ» комсомолка Дуся Дмитриева выполняла важное задание командования. Смертельно раненая, она сказала своей подруге: «Умираю за наш Сталинград».

Сталинградская организация комсомола дала армии сотни самоотверженных бойцов. Многие комсомольцы, хорошо зная расположение улиц, домов, оказывают нашим войскам неоценимую помощь в разведке. Райкомы направили в распоряжение воинских частей десятки комсомольцев и комсомолок в качестве проводников, связных и т. д. Многие комсомольцы получили благодарности от командования и представлены к награде.

Артиллерийский дивизион, целиком сформированный из комсомолок Сталинграда, героически оборонял мост на под-

ступах к городу и также самоотверженно отстаивал окраину города. Десятки вражеских самолетов пикировали на батарею, обстреливали артиллеристок, часть их была ранена и убита, но остальные стояли на посту, продолжая вести огонь по танкам и пехоте врага. Командование наградило героинь орденами и медалями.

Комсомольцы города занимаются и «мирными», «тыловыми» делами. Оставшееся в городе население, спасаясь от бомбежки, живет в оврагах, в пещерах, в щелях. Комсомольцы создали группы агитаторов и разносчиков листовок с сообщениями Советского Информбюро. Агитаторы переходят из одного убежища в другое и знакомят жителей с последними известиями.

«ХОЧУ БЫТЬ ВМЕСТЕ С КОМСОМОЛЬЦАМИ»

В эти тяжелые дни молодежь Сталинграда стремится связать свою жизнь с комсомолом. На тракторном заводе подали заявления о приеме в ряды ВЛКСМ десять юношей и девушек: среди них Антонина Щелочкова, вынесшая с поля боя десять раненых, разведчик Николай Кравцов и другие. Аня Кулишенко в своем заявлении написала: «В тяжелые для Сталинграда дни я добровольцем пришла в отряд. Вместе с мужчинами буду защищать наш родной город. Прошу принять меня в комсомол, очень хочу быть вместе с комсомольцами».

Трудно даже сосчитать, сколько атак предприняли немцы за два месяца осады города. Но бешеные волны фашистского наступления разбиваются о гранитную стойкость защитников Сталинграда. Сейчас город переживает наиболее тяжелые дни. Немцы стремятся по кускам рассечь город. Неустрашимы герои Сталинграда. С невероятным упорством, обороняя каждый метр сталинградской земли, они дерутся отчаянно, умирают, но не отходят под тяжелыми ударами врага.

Отстоять Сталинград — таково веление родины. Драться до последнего, но не отступать — таков боевой лозунг сталинградцев.

Защитники Сталинграда показывают всей нашей молодежи пример беззаветного служения родине, пример воинской доблести и подлинной железной стойкости. Комсомол может гордиться тем, что в защите Сталинграда есть частица воинского труда его питомцев.

Николай ТИХОНОВ

ГОРОДА—БОЙЦЫ

Клаузевиц когда-то писал об укрепленных городах, что «среди всех городов всегда найдется несколько таких, которые, будучи укреплены сильнее, чем остальные, должны рассматриваться как подлинные опорные пункты вооруженных сил».

В жестокой, кровопролитной и беспощадной борьбе советского народа против немецких захватчиков, наши города стали городами-бойцами, покрыли себя неувядаемой славой. Под их стенами легли сотни тысяч немцев и их вассалов, окрестности их завалены истребленными вражескими танками и самолетами, пушками и машинами.

Мы знаем упорное сопротивление Одессы и неповторимую оборону геройского Севастополя, где защитники города, выдерживая чудовищную по силе бомбардировку, отражали непрерывные атаки немцев и румын. Своей стойкостью доблестный гарнизон сорвал планы немецкого командования и нанес огромный ущерб вражеским силам. Верные традициям своего города, черноморские моряки, летчики и бойцы Красной Армии оставили врагу руины, залитые кровью атакующих.

Мы знаем пример старого русского города оружейников-искусников Тулы, откуда враг, ворвавшись на окраины города, был выбит стремительными атаками, штыками и снарядами, пулями и гранатами, разгромлен и далеко отброшен на запад.

Мы знаем, как население великой Москвы вышло на постройку укреплений, в кратчайший срок создало рубежи с противотанковыми рвами, с минными полями, дзотами и дотами на пути врага, собрало полки ополчения, построило баррикады на улицах города и готовилось к самому яростному сопротивлению.

Москва отбилась от врага. Удары наших армий заставили немцев, бросая оружие, бежать по пути, устланному трупами и брошенной техникой.

Бои за Воронеж остановили врага на этом рубеже, и дальше продвигаться он не смог.

Особую эпопею борьбы, невиданную по длительности и упорству, явил миру Ленинград. Враг поставил себе целью во что бы то ни стало овладеть городом. Ряд бешеных штурмов, попыток обхода, блокада — все было направлено на то, чтобы сломить сопротивление, ворваться в город. Может быть, нигде с такой яростью не было продемонстрировано единство всех граждан города, составивших, вместе с частями Красной Армии, нераздельный гарнизон гигантской крепости.

Все, что нужно было фронту, давали заводы, работавшие день и ночь. Под бомбами и снарядами врага трудящиеся занимались всеми работами, какие нужны были для целей обороны. Каждый дом был приспособлен для сопротивления, каждый житель, как матрос на корабле, знал свое боевое место.

Борьба велась на воде, на земле и в воздухе. Она ведется и сейчас, не ослабевая. Она велась летом, под осенними дождями, в долгие зимние вьюги и морозы. Город перенес чудовищные испытания и закалился в борьбе. Город-фронт неприступен благодаря упорному и высокому духу сопротивления, железной дисциплине и непрерывной умелой работе.

Жители города Ленина с замиранием сердца следят сейчас, как и вся страна, за исполинской борьбой Сталинграда. Там на берегу великой русской реки, идут тяжелые бои с прорвавшимся к городу неприятелем. Среди развалин домов за каждую стенку борются наши бойцы, за каждую улицу и переулок. Город стал рубежом, на котором остановился наступательный путь немцев. Врага остановила Красная Армия. Его остановили здания, приспособленные к самой мирной жизни: больницы, поселковые дома, ясли, жилища горожан. Узкие улицы стали своего рода Фермопилами, а руины городских окраин — бастионами. Бессмертна слава старого волжского города.

Могли ли сопротивляться врагу те или иные города, которые отданы врагу в ходе войны, после небольшого, краткого сопротивления? История войны потом подробно разберет вопрос об обороне каждого большого населенного пункта в отдельности. Сейчас же ясно только одно: если в данном пункте сосредоточены войска, горящие силой сопротивления, жаждой отпора, войска, умело руководимые героическими военачальниками, то само население становится хорошим помощником красноармейских частей, способным на высокое патриотическое самопожертвование. Сердце каждого горит ненавистью к врагу, которая удваивает, утраивает боевую силу, и полки врага несут страшные потери, он истекает кровью, вояка, что натолкнулся на невиданной силы укрепления. Дело не только

и не столько в укреплениях. В Сталинграде есть борьба за каждый дом, за каждый шаг, есть воспоминание о том, как дралася красный Царицын, есть воспоминание о том, как руководил обороной великий Сталин, есть традиции рабочих с заводов, таких, как «Красный Октябрь», «Баррикады», «СТЗ», есть воодушевляющий дух прежней Волжской флотилии 18-го года, дух революции, крепость большевистского закала. Есть сознание, что вся страна, родина, сам Сталин следят за борьбой и помогают защитникам города, требуя одного: стойкости!

На вопрос, может ли обороняться маленький город, ответит героической родине опыт двух рабочих городов под Ленинградом — Колпина и Сестрорецка. Осенью прошлого года на окраинах Сестрорецка появились первые немецко-фашистские отряды. Рабочие, образовавшие оборону, бросились в атаку, ошеломили врага, разбили его и отбросили. Держались до подхода сил Красной Армии, легли во множестве, но большевистской решимостью преградили путь врагу, не отдали родного города. Они могли погибнуть все до единого, но не отступить. Ненависть клокотала в их сердцах и законная гордость возмущалась: как! они, видевшие Ленина, поднявшие одними из первых знамя Октября, помнившие пятый год и оборону Петрограда, — они откроют дорогу к городу Ленина? Никогда не будет этого! И они выстояли.

Рабочие славного Колпина, доблестные ижорцы стали навстречу врагу: коммунисты, комсомольцы, беспартийные большевики, женщины, старики, подростки. Их рабочие батальоны приняли бой с танками, с артиллерией, с отборными гитлеровскими войсками. День и ночь дрались они и разбили немцев. Бой шел так близко от города, что вся территория завода была под артиллерийским и даже пулеметным обстрелом. Мины рвались в цехах, бомбили город непрерывно, но дух защитников был так высок, стойкость так поразительна, что девушки, подобно геройской Старщук, водили бойцов в атаку.

Целый год после того враг не оставляет в покое город. Там живут под ежедневным обстрелом, под тяжкие бомбежки и продолжают сражаться и работать. Ижорцы в тот страшный час вспомнили всю историю своего славного завода, всю длинную историю борьбы за свободу, рабочая честь не позволила им отступить, оставить врагу старую рабочую цитадель, новый завод, построенный своими руками, землю, на которой трудились передовые люди рабочего класса—их деды и отцы.

Ленинградцам незачем долго об'яснять, откуда они черпают силу и твердость духа. Он — ленинградец, защитник

великого города Октября. Этим все сказано. На нем лежит и тягчайшая историческая ответственность, и величайшая гордость.

В Севастополе моряки торгового флота, портовые служащие и все, начиная с босоногих мальчишек до старого ветерана пятого года, в крови несут частицу славы своего гордого города, и они, как их далекие предки во времена Корнилова и Нахимова, повторили бессмертную повесть обороны, не посрамили Красного знамени.

Значит, могут сражаться, да еще как сражаться, и большие, и маленькие города! Нет между ними различия, есть боевое братство. Значит, каждый город, которому угрожает враг, может и должен драться, как герой. Если в первую мировую войну крепости, специально приготовленные к отпору врага, такие, как Льеж, Намюр, Живе, Валансьен, Антверпен, пали под ударами немцев, то Верден со своими земляными укреплениями получил мировую славу. Не его форты сыграли решающую роль в одиннадцатимесячной борьбе за город. Люди Вердена остановили врага. Тогда французы еще помнили доблесть нации, потом они были обмануты или сделали все, чтобы их обманули предатели; теперь, в эту войну, самая укрепленная линия — линия Мажино — не спасла их от ужаса разгрома.

Сталинград выносит удары посильнее верденских и в нем нет и подобия линии Мажино. Средства современной войны намного превосходят средства первой мировой войны. Люди Сталинграда, наши люди, русские люди, преграждают путь врагу железной стеной своего сопротивления.

Великий урок Сталинграда учит нас тому, что медлить нельзя. Надо готовить к обороне любой город, которому может угрожать неожиданно прорвавшийся враг. Пусть этот город лежит сейчас не на линии фронта, а находится в некотором отдалении от него. Все равно он должен готовиться к обороне, укреплять и проверять силы своего постоянного гарнизона, усиливать военную учебу всех жителей, мобилизовать их сознание, приготовить их к отражению всяких неожиданностей, возможных на войне.

Мы знаем, как трудно отбирать у немцев обратно занятые ими города, какую систему укреплений, какую хитрую систему огня организует враг в занятых городах. И мы знаем, как разбиваются силы врага, если город готов к обороне.

Мы часто говорим, что в этой войне тыл — тот же фронт. Мы теперь знаем, что враг много выигрывает там, где у нас

самоуспокоенность, беззаботность. Город, считавший себя вчера тылом, сегодня внезапно для себя попадает в самое пекло боя. Не должно быть тыловой тишины. Надо бодрствовать и быть настороже. Надо помнить, что нельзя больше отдавать врагу ни одного города, нельзя пускать его еще дальше в глубину нашей земли. Речь идет о смертельном сопротивлении врагу, который хочет завладеть самыми источниками нашего существования, лишить нас возможности продолжать самую широкую борьбу с ним. Он хочет облегчить себе бремя войны, утяжелив его нам безмерно.

Дальше отступать нельзя. Немцы хотят отбросить нас за Волгу в одном случае, на другой берег Каспия — в другом. Это — сумасшедший план Гитлера, и мы должны оставить его в области сумасшедших замыслов немцев, никогда не могущих быть проведенными в жизнь. Для этого каждый город должен стать крепостью. Военная наука на то и наука, чтобы напомнить нам об этом, как о деле серьезном. Тот же Клаузевиц писал в дополнение к первой приведенной мной цитате: «Если бы существовала такая страна, где не только все крупные, богатые города, но и все населенные места были бы укреплены и защищались своими жителями и окрестными крестьянами, то в этой стране быстрота хода войны была бы столь ослаблена, а подвергшийся нападению народ оказал бы давление на чашу весов такой крупной частью всех усилий, на которые он способен, где талант и сила воли неприятельского полководца оказались бы окончательно подавленными...»

«Если бы существовала такая страна...» Такая страна существует, это — наша страна. И если мы в каждом населенном пункте, в большом или малом городе приготовим оборону, согласно его природных условий, то сила врага будет расшибаться, как волна, налетающая на утес. Кровавыми брызгами разлетятся тогда вражьи силы.

Города - бойцы, уже прославленные своими подвигами, не будут одиночками. Вся братская семья советских городов наносит врагу тяжелые удары, сокрушая его силу, помогая Красной Армии в деле достижения нашей победы!

ЛЕНИНГРАД. **(По телефону).** «Известия».

Л. КУДРЕВАТЫХ

УТРО ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Утро над степью, запах сухой травы, синий горизонт, пыль, поднятая машинами на фронтовой дороге. Камень цвета земли лежит в изголовье уральца Александра Алеканцева. Вот он, фронт, тот самый передний край, который уже не раз представлялся ему, когда он на учениях выводил расчет своего орудия на условный рубеж!

Алеканцев давно не спит. Да и спал ли он в эту первую ночь в степи? В сумерки они притянули сюда орудие, окопались, разместили в ямках ящики со снарядами. И тут сразу наступил рассвет. Он здесь не такой, как на Урале. Там — леса, вьются, как змеи, лесные речушки. А здесь пустынно кругом. Неуютно человеку в степи, особенно в первый раз.

— Мамот, ты спишь?

— Какое там сплю! — отозвался Мамот.—Разве успешь?

— Не спишь, значит, думаешь!

Оказалось, что из расчета немного подремал только Саша Скороход. Фамилия не соответствовала натуре этого парня, спокойного, медлительного. Гриша Щанкин и Аким Пчелкин долго прислушивались к размеренному дыханию Скорохода, тоже стараясь забыться, но уснуть они не смогли.

— Вот, значит, и Волга, — сказал Гриша. — Сталинград, значит.

— Выходит так, — ответил Аким Пчелкин, занятый своими думами.

— Говорят, красивый Сталинград, асфальт на улицах, внизу Волга течет. Бывал, Аким, в Сталинграде?

— Нет, не бывал.

Молодые, крепкие парни! Самому старшему среди них 22 года. К Волге они ехали, как выразился старший среди них по званию — командир орудия, он же комсомольский вожак, с одной мыслью: по-комсомольски стоять за Сталинград. И теперь им, полку противотанковых орудий, выпала честь в степи задержать, рассеять и уничтожить немецкую танковую дивизию, маршем идущую на подкрепление фашистским войскам, которые наседают на город, на его рабочие поселки.

Орудие старшего сержанта Алеканцева, обслуживаемое комсомольским расчетом, было образцовым не только в батарее, но и в полку. В поезде и на марше комсомольский расчет служил примером организованности и дисциплины.

Убедившись, что ребята все равно не спят, а солнце уже выползло из-за дальнего холма и золотит степь, Алеканцев поднялся на ноги, вылез из окопчика, потянулся и, проверяя свое предположение, спросил:

— Густав, ты у нас все знаешь! Где по-твоему танки пойдут?

— По степи, — ответил тот.

— Степь широкая. Справа или слева от нас?

— В лоб пойдут, как-раз на нас, — вступил в разговор до тех пор молчавший Скороход.

Три часа батарейцы ждали колонны немецких танков. Из штаба полка уже не раз передавали, где танки движутся, кому и как развернуть орудия. Напряжение росло с каждой минутой, люди часто свертывали цыгарки. Пчелкин упражнялся в шутках, стараясь скоротать часы ожидания.

Пришел командир полка, строго сказал:

— Ближе подпустить, не бояться! Мы в засаде сидим, и они не ждут такой встречи.

И вот скоро стали видны на горизонте густые облака пыли. По степи разнесся рокот моторов.

— Идут! — закричал подносчик снарядов Мамот.

А потом танки увидели все, кто стоял у орудий. Они шли по степи тремя колоннами. На батарею в лоб двигалось больше тридцати машин. Их подпустили близко, так близко, что видны уже были лица немецких офицеров, поднявшихся из люков. И степь, молчаливо пропускавшая до сих пор колонну врага, вдруг заухала, застонала. Гулко раздались орудийные выстрелы.

Наводчик Густав Фоц после первого выстрела сказал:

— Грянул бой, ребятки, великий бой!

Захлопнулись люки немецких танков, и чугунные жерла их пушек изрыгнули ответный огонь. Три пушки и тридцать танков. Пламя комсомольского сердца и тупая холодность фашистских солдафонов вступили в беспощадную борьбу.

Алеканцеву и его друзьям некогда было наблюдать за тем, как вели огонь другие орудия. Алеканцев даже не мог сообразить, почему немецкие танки вдруг перестали стрелять. В эти минуты он весь принадлежал бою, был поглощен им. Он давал команду, и орудие било навстречу танкам...

Стрельба утихла постепенно. Ухали только орудия соседних батарей. На склонах степного холма полыхали подбитые немецкие машины. Их было много, больше десяти. Остальные метались по степи, стараясь укрыться от губительного огня.

Только теперь Алеканцев заметил, что Пчелкин и Мамот возятся около Саши Скорохода, который силится что-то сказать и не может. Осколок снаряда глубоко вошел ему в грудь. Густав Фоц уложил руки на груди умирающего товарища и поправил на его гимнастерке кимовский значок...

Вскоре расчет узнал, что соседние — правое и левое — орудия повреждены, а расчеты их прямым попаданием убиты или ранены. Теперь против кургана осталось одно орудие — комсомольского расчета Алеканцева. Ясно было, что немцы соберут остатки сил и пойдут в атаку на уцелевшую пушку, чтобы уничтожить ее.

Действительно, вскоре курган ожил. Из-за него показались 18 немецких танков.

Орудие Алеканцева приняло бой. Чтобы стрелять наверняка, Алеканцев приказал выкатить орудие на бугорок.

— Будем бить прямой наводкой!

Начался поединок, о котором армейский поэт написал:

В степи под курганом и грохот, и дым,
И знамя родное алеет.
Пусть знают — боец не сдается живым,
Герой никогда не робеет.

Первыми же выстрелами были остановлены три немецких танка. Два загорелись, один, пробитый, замер на месте. Немецкие снаряды рвались вокруг орудия, землей засыпая людей. Осколки стучали о пустые гильзы. Один немецкий снаряд разорвался в нескольких метрах позади расчета. Упали подносчик снарядов Мамот, заряжающий Пчелкин и Гриша Щанкин.

В крови батарейцы родные лежат,
И шепчет товарищ герою:
Смелей, Алеканцев! Ни шагу назад!
В степи стань гранитной горою.

Алеканцев и наводчик Густав Фоц подожгли еще три немецких танка и два подбили. Последний подожженный танк горел в нескольких десятках метров от орудия. Фоц, работавший теперь и за подносчика снарядов, и заряжающим, тоже вдруг упал. Голова его обагрилась кровью. Алеканцев нежно любил Густава, лучшего наводчика полка. Он наклонился над ним.

— Не пробьются! — сказал Алеканцев как бы утешая друга, и потащил его в щель, в укрытие.

Теперь Алеканцев остался один со своим орудием. Восемь подбитых и сожженных немецких танков замолкли на склоне кургана. Но десять, перегруппировавшись, снова шли в атаку.

Думал ли на рассвете Алеканцев, что так сложится первый его бой? Предполагал ли он, что ему придется заменить весь расчет и драться, пока цело орудие, пока есть снаряды, пока в груди бьется молодое сердце? Александр Алеканцев не испытывал страха. Он горел одним желанием — удержать танки на этом рубеже, не пустить их к Сталинграду.

Новый снаряд, выпущенный орудием, ушел в сторону, но следующий попал в цель. Крайний левый танк загорелся. Это ободрило Алеканцева. Он ловко зарядил и навел орудие на центральный танк. Выстрел. Загорелась и эта машина. Но восемь танков все еще шли вперед, осыпая пулями и снарядами кусок степной земли, на котором стояла пушка.

Когда раздался восьмой выстрел орудия, Алеканцев почувствовал резкую боль: пуля впилась в бедро выше колена. И в это же время третий немецкий танк, подбитый снарядом Алеканцева, заметался на месте. Старший сержант действовал, не обращая внимания на струившуюся кровь. Без суеты брал он снаряды, заряжал и громко командовал самому себе: «Огонь!»

Невиданный поединок продолжался уже более часа. Запылал еще один немецкий танк. Остальные били по орудию с места. Снаряд ударил в ствол пушки, перебил его, и крупный осколок ранил Алеканцева в ногу. Второе ранение. Казалось, теперь все кончено, остается только спасать себя, уходить подальше.

Но за весь этот день Алеканцев не сделал ни одного необдуманного шага. И сейчас он действовал неторопливо. Подорвал остатки своих снарядов, взвалил на плечи совершенно обессилевшего от потери крови Густава Фоца и пополз по опаленной степной траве к штабу полка.

Алеканцева встретили на полпути, помогли ему дотащить раненого друга, сказали:

— Ляг, отдохни, потом отправим тебя в госпиталь.

— А танки? — спросил Алеканцев. — Они придут сюда!

Танки в самом деле шли к блиндажу командования полка. Алеканцев вместе с другими встретил их гранатами и бутылками с горючим. И эта танковая атака была отбита.

Когда вечернее небо спустилось над степью, Алеканцева, обессилевшего и находившегося в забытье, отправили в поле-

вой пункт первой помощи, а оттуда в тыловой госпиталь. И где теперь Александр Алеканцев — никто точно не знает. Но имя Алеканцева стало нарицательным среди артиллеристов-защитников Сталинграда. О подвиге Алеканцева сообщило всему миру Советское Информбюро. О нем говорят большие аншланги на дорогах, ведущих к Сталинграду. Десятки бойцов и командиров рассказывали мне об этом уральском богатыре, сражавшемся в приволжской степи.

Друзья по полку надеются на скорое выздоровление Алеканцева, на возвращение его в родную семью — семью тех, которые, подобно ему, беззаветно дерутся за Сталинград.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

ДЕНЬ В СТАЛИНГРАДЕ

День начинался солнечный, не по-осеннему теплый. С высотки было видно весь город и зеркально гладкую поверхность Волги. Часовая стрелка показывала ровно одиннадцать.

Рядом ударили залпами артиллерийские батареи; над головой шурша пронеслись невидимые снаряды. Где-то сбоку, словно грозный обвал, прорвался резкий звук. Это выстрелили гвардейские минометные батареи. Огненные кометы стремительно вылетали одна за другой. Затем заговорила Волга. Орудия пловучей батареи, где командиром старший лейтенант Цирса, влились в общий хор. В небе нарастал гул моторов: шли краснозвездные бомбардировщики и штурмовики. Все это обрушилось на вражескую линию обороны.

Дома и балку, спускающуюся к Волге, заволокло чернобурым дымом. Ежесекундно там поднимались новые огненные вспышки. Массированный удар был нанесен внезапно. Ошеломленный враг не сразу ответил. Лишь спустя несколько минут на наши позиции стали падать немецкие мины и снаряды, в воздухе появились «Мессершмитты». Их встретили зенитчики. Одному вражескому самолету удалось затесаться в боевые порядки штурмовиков. Он уже пристроился в хвост нашему самолету, но замыкающий строй «ИЛ» стремительно бросился на врага. Короткая очередь, и объятый пламенем самолет с белыми крестами рухнул наземь.

Наши штурмовики, шедшие волна за волной, сбрасывали смертоносный груз, утюжили немецкий рубеж. Сорок минут стоял настоящий ад. Еще не развеялся дым, как на левом фланге, у ложбинки, поросшей кустарником, взвились три ракеты. Кусты задвигались: поползли один за другим серые

танки. Они развернулись и начали атаку вражеских дзотов и блиндажей. Через короткие интервалы танки останавливались, и тогда их пушки выбрасывали яркие вспышки огня. Между домов, за танками двигались бойцы. Дробью заговорили пулеметы и автоматы. Поднимался сизый дымок от ружейных залпов. Из-за зданий железнодорожного поселка вырвался бронепоезд.

— Борис Петрович идет! — сказали нам бойцы.

Длинный, неуклюже-одетый броней, он шел на всех парах к переднему краю. Короткие пушки, дергаясь в амбразурах, посылали снаряд за снарядом.

Пехота пошла в атаку.

Противник занимал удобные позиции. Первый его фланг прикрывала господствующая высота с вытянувшейся по гребню рощей, по левому флангу тянулась глубокая балка: в отвесных ее скатах немцы оборудовали дзоты. Весь укрепленный рубеж представлял из себя крепкий опорный пункт с большим числом дзотов, блиндажей и ходов сообщений, с большой насыщенностью огня. Все подступы к нему были заминированы и пристреляны.

Наша артиллерия и танки разрушили многие инженерные сооружения врага, но часть огневых точек еще сохранилась. И когда наша пехота пошла в атаку, немцы открыли бешеный огонь из рощи и из большого четырехэтажного дома.

Начали бить шестиствольные минометы.

— В лоб не взять, — решил майор Сорокин и повел свое подразделение в обход. Артиллеристы под командой капитана Рутмана, действуя огнем и колесами, вместе с пехотой разрушали дзоты по обрыву. Смолкли пятнадцать немецких пулеметных гнезд, взлетели на воздух три дзота и одна противотанковая пушка с прислугой.

Пехота довершила разгром первой линии обороны, а слева танкисты под командой тов. Бабенко мяли укрепления противника по склону высоты. За танками следовали стрелки. Они уничтожали немцев, пытавшихся бросать гранаты под танки, очищали окопы, ходы сообщения.

Подразделение под командованием лейтенанта Шуренкова наткнулось на уцелевший от танков дзот. Немцы открыли сильный огонь, пытаясь отрезать наших стрелков от танков. Шуренков повел бойцов на штурм. В дзот полетели гранаты и бутылки с горючим в амбразуры. Несколько минут шла отчаянная схватка. Дзот был взят. Смертью героя в этом бою погиб лейтенант Шуренков: вражеская пуля пробила его сердце и залила кровью партийный билет. Три бойца подхва-

тили тело командира, отнесли назад и бережно положили в окопчик, а сами снова устремились вперед.

Подразделения, где командирами тт. Сорокин и Фирсов, действуя совместно с артиллерией и танками, ворвались в балку. Враг не выдержал комбинированного удара. Оставляя окопы и блиндажи, он бросился к домам. Стрелки с ходу захватили крайние укрепленные здания. С нашего наблюдательного пункта было видно, как около подъездов завязывались короткие схватки, из окон выметывались клубы дыма от рвущихся внутри гранат.

Враг сильно сопротивлялся. Его мины и снаряды, град пуль жали бойцов к земле. Казалось, что наступательный порыв уже ослаб. Но восемнадцать бойцов, возглавляемые храбрецом Боровиком, под прикрытием танка вырвались на 800 метров вперед и закрепились в немецких окопах. Горсточка бойцов открыла огонь во фланг немцам. Дерзкий маневр дезорганизовал немецкую оборону на этом участке. Дружной атакой с флангов наши подразделения выбили немцев и сравнялись с авангардной группой.

Солнце перевалило уже за полдень, а бой не утихал. То там, то тут гремели залпы батарей, весь участок затягивало дымом и всюду рвались снаряды и мины.

Пополнив боеприпасы и горючее, танки снова шли на поддержку нашей пехоты. Перед ними выросли черные султаны разрывов. Но немецкой артиллерии не удалось задержать танков. В воздухе появились «Юнкерсы». Под прикрытием «Мессеров» бомбардировщики с воем пикировали на танки. Зенитчики подбили два «Юнкерса» и один «Мессершмитт». Танки шли вперед, они торопились до вечера закончить взлом укреплений первой линии. 11 дзотов, 4 противотанковых пушки, минометная батарея, 8 пулеметных гнезд и до роты немецкой пехоты, было уничтожено танкистами в этот день.

К вечеру бой утих. В сумерках хоронили лейтенанта Шуренкова. С ним рядом в братскую могилу положили погибших сегодня бойцов. Им, отдавшим жизнь за Сталинград, за родину, был отдан троекратный салют. Три залпа потрясли вечернюю тишину. Стреляли по немецким окопам и блиндажам, по домам, в которых укрылись фашисты. Смерть за смерть! Пусть и салют увеличит счет истребленных гитлеровцев. За гибель лейтенанта Шуренкова и дорогих нам бойцов фашисты поплатились смертью 720 солдат и офицеров, сраженных в этом бою.

ЕВГ. КРИГЕР

ГНЕВ ДОБРЫХ

Он был человеком мира, учителем. Если бы дети, которых он любил, смогли увидеть его здесь, в сталинградской степи, они его не узнали бы. Ради них он стал таким, как он есть, — человеком упорной, сосредоточенной злобы; полуглухой после контузии, с сочащейся из ушей кровью, он ушел с санитарного пункта в балку, где стоял его танк, изуродованный огнем, пробитый снарядами. Там нашли его товарищи. Он был почти без сознания. Врачи говорили ему:

— Жить!

Он молчал, но мог бы ответить одним словом:

— Убивать!

Дети знали его строгим и справедливым, суровым и нежным. Однажды, он покинул детей, чтобы учиться военному делу, умению убивать врага. Он понял, что в мире, в котором существует фашизм, право на справедливость и нежность нужно защищать с пистолетом, с гранатой в руке. Есть гнев самый страшный — это гнев добрых. Гнев нашей армии есть высшая мера ненависти. Учитель Петр Гоголев видел, как немцы методически, квартал за кварталом превращали в развалины мирные города, в которых не оставалось никого, кроме женщин и детей. Он видел девочку, заваленную грудой камней. Ее нельзя было вытащить. При малейшей попытке камни задавили бы ее насмерть. Учитель видел хирурга, приступившего к чудовищной операции, чтобы спасти девочке жизнь: нужно было отсечь ей зажатую камнями ногу. У девочки уже не было сил кричать, несколько часов она висела над дымящейся улицей. Внезапно хирург прервал операцию. Немцы добили ребенка новым осколком.

Учитель Петр Гоголев пришел в сталинградскую степь командиром танковой роты. Он молчалив и спокоен. Ненависть его проявляется не в минутных яростных вспышках. Она стала выражением всех его чувств, всех его жизненных сил. Он больше не ругает, не проклинает немцев. Он их убивает. Всего себя, энергию, нервы, разум он бережет для боя.

Это гнев добрых.

Немцы даже самих себя хотят убедить в том, что они страшные, — бомбы у них воют, «мессеры» визжат. Сами они снимаются полуголыми, с ножами в зубах, с вытаращенными глазами. В брошенных интендантских складах у них находят целые тонны значков с черепами. Это не страшно. Это смешно и противно.

Немцам сейчас страшна наша степь. В степи нет рубежей. Наша ненависть остановила здесь немцев. В степи под Сталинградом их остановили такие люди, как младший лейтенант Васильев и его артиллеристы. Батарея обороняла только-что захваченную высоту и выдержала одну за другой две атаки немецких танков — в 6.30 и в 8.30. Перед выходом в атаку немцы терзали высоту ураганным огнем минометов и пушек, потом двинулись танки. Они били из всех орудий и пулеметов. Одинокая батарея держалась. Уже не было в живых сержанта Корчуганова, истекал кровью заряжающий Красноперов, лежал бездыханным на жесткой траве сержант Ковалев. Батарея держалась, и немцы отхлынули. Вскоре изнуренные боем защитники высоты снова увидели наступающие немецкие танки. Окровавленные люди стали к орудиям — по два, по одному. Сил уже не было, их держала ненависть. Они били в упор, они видели, как русский снаряд рушит немецкую броню. Они расстались с жизнью, не отходя от орудия,— Стариков и Ушаков. Уцелели одно орудие и два человека — разведчик Жуков и командир батареи Васильев. Два человека отбили атаку немецких танков. Васильев преследовал немцев огнем последнего орудия. Высота осталась в наших руках.

Такой ненависти ни к чему дурацкие значки с черепами. Она довольствуется разбитыми черепами немецких солдат.

Люди под Сталинградом всегда готовы перейти в наступление. Два танка Петра Гоголева подбиты в бою. В одном из них он едва не погиб от огня, но сбил пламя и привел дымящийся танк к своим. Здесь, не зная перерывов в бою, бывший учитель Петр Гоголев пересел на третий танк.

Тогда же был получен приказ об атаке.

Нужно было ломать жесткую немецкую оборону, снабженную всеми средствами полевой фортификации. Что это значит? Это значит, что в скатах высот вырыты блиндажи и дзоты, это значит, что в подвалах домов торчат пулеметы, это значит, что насыпь железной дороги стала крепостным валом, и, пока этот изрыгающий огонь вал не разрушат прямыми попаданиями снарядов, он будет стрелять и стрелять, сеять смерть в рядах нашей наступающей пехоты.

Наши танки поддерживали атаку пехоты на высоту Безымянную и разъезд на линии железной дороги. В 6 утра началась артиллерийская подготовка, соединенная со штурмовкой немецких позиций с воздуха. С воздуха в течение сорока минут наши пушки и самолеты перетряхивали немцев в их норах. Это время пехотинцы использовали, чтобы подползти еще ближе к переднему краю вражеской обороны. Они ползли навстречу разрывам наших же снарядов. Сигнал двумя зелеными ракетами застал их на расстоянии в сто метров от немцев. В 6.40 пехота поднялась; перебежками, снова ползком, короткими бросками пошла вперед, и вслед за пехотой, обгоняя ее, подбадривая ревом моторов и гусениц, прикрывая огнем, пошли танки. Они шли медленно, приноравливаясь к движению пехотинцев, и в трудных местах горячей и вспыльчивый лейтенант Гаджиев выскакивал из танка, поднимал залегших бойцов, напрягая и без того звонкий голос, кричал:

— Моя пушка стреляет. Кто там боится? Чего еще надо? Подымайтесь!

Степь, захваченная немцами, изрыгала огонь из каждой дыры, ожили холмы, овраги. Враг не хотел отступать. Немцы выкатывали пушки из ям на вырытые в земле площадки и били по танкам, и Гаджиева злило, что танки из-за пехоты идут медленно. Их перебьют тут, как джейранов в открытой степи. Он крикнул механику-водителю, чтобы тот вел танк без него, а сам двести метров шел с пехотой, нарочно в открытую, издеваясь над малодушными, подбадривая смелых, и люди, заражаясь его веселой, колючей храбростью, шли быстрее и быстрее, и он уже слился со многими, его уже обгоняли, он стал ненужным здесь, пеший, и тогда вернулся в свой танк. Этот пылкий лезгин в бою становился чертом. Все знали, что его гложет желание встретиться с тяжелым немецким танком и таранить его. Радостное и гневное, жгучее чувство боя зажигало самых спокойных. У механика-водителя Хитрова при выезде из оврага сорвало гусеничную цепь. Ему крикнули:

— Опоздал! Батальон уже вышел в атаку.

Хитров швырнул шлем на землю и, по-солдатски ругаясь, проклиная свою неудачу, стал натягивать цепь. Командир его был ранен осколком бомбы. Хитров натянул цепь, рванул танк вперед. Он нагнал атакующих. Лишившись командира, молодой, неопытный башенный стрелок терялся, нервничал. И тогда Хитров, холодея от предчувствия второй неудачи, сам стал искать цель. Движениями рулей он наводил на цель грузное тело танка так, что и башню с орудием не нужно было поворачивать, и кричал молодому стрелку:

— Бей, бей! Готово, только бей, чорт! Бей, милый! Бей, тебе говорят!

И стрелок бил. И так они сшибли два немецких танка. Один из командиров был ранен в глаз. Взгляд его был затуманен кровью. Потом часть видимого угасла для него, он ослеп наполовину. Его тащили за руки назад. Он рванул из кармана платок, затянул черную, кровоточащую орбиту вытекшего глаза, крикнул:

— Вижу, вижу, вижу! Отпустите меня, я живой, я могу.

И вдруг, подчиняя людей своей воле, своему ледяному спокойствию, сказал страшно тихо и убедительно:

— Я командир. Мои люди впереди, там ждут меня!..

Наступление велось на железнодорожный разъезд и укрепленную немцами высоту, западнее разъезда. Перед боем командир части повторил в сотый раз:

— Наша задача — пробить дорогу пехоте, если пехоте мешает огонь противника. Вы не уходите от огня, а идите на огонь и давите его всеми средствами. Танкист сам ищет цель и сам ее уничтожает.

Бывший учитель Гоголев, знавший приволжскую степь по лохматым, закапанным чернилами школьным картам, теперь вел в эту степь свои танки.

После того, как передний край обороны немцев был прорван, танки попали в зону сильного артиллерийского обстрела. Гоголев видел оранжевые вспышки со стороны железнодорожной насыпи. Стреляли по его танку. Но он видел также, как в другом месте, на левом фланге, станковый пулемет кинжальным огнем бьет по нашей пехоте. Итак, он должен направить удар в обе стороны сразу и успеть отвести опасность от себя и идущей рядом пехоты. Гоголев крикнул башенному: «Осколочными!», и его орудие стало бить по батарее, в то время как механик-водитель по его приказанию двинул танк на траншею с немецкими пулеметами. Гусеницы перемалывали окоп, и вдавленные в землю пулеметы замолкли, а орудие било и било в сторону батареи. Так началась дуэль танка с немецкими пушками. Она продолжалась 15 минут, и все эти 15 минут танк двигался то вправо, то влево, вперед и назад короткими внезапными рывками, сбивая с толку немецких наводчиков. Дым и огонь разрыва впереди. Следующий снаряд будет послан врагом прямо по танку. Но танк успевает отвернуть в сторону, остановиться, послать из пушки снаряд и снова выскочить из-под удара. Короткая остановка. Рычаг скорости остается в прежнем положении, выключается только сцепление. Выстрел! Танк снова в движении.

За 15 минут танк Гоголева выпустил пятнадцать осколочных снарядов и четыре пулеметных диска. Учитель хорошо видел, как в четырехстах метрах от него перебегают с места на место немецкие артиллеристы, как три их орудия заволакивает огнем и дымом, и они замолкают, и артиллеристы бросаются к четвертому, тащат его назад, но тут их настигает другой танк, подминает под себя, давит, ломает... Гоголев переводит дыхание. Капли пота стекают по его лицу. Кончено с этой батареей! Кончено.

И тут он слышит по радио голос командира: «Принять правее, к разъезду».

Он ведет танк почти вплотную к разъезду. В 150 метрах от цели, видит перед собой две массивных железных туши. Они изрыгают огонь. Гоголев приоткрывает люк, всматривается. Незнакомые танки, черные, блестящие, таких он не видел. — Итальянские, — решает он. — Впрочем, один чорт, не все ли равно! Главное — не наши. Бить, пока его не заметили. Стволы их орудий направлены в сторону нашей пехоты, а Гоголев подошел с тыла. Он бьет в упор бронебойными, и первый танк загорается, другой задним ходом пятится к раз'езду, но второй снаряд прошибает броню и этого танка. Два итальянца выскакивают из верхнего люка. Гоголев кричит лобовому стрелку:

— Кончай с ними, не выпусти.

А сам, опять готовя одновременный удар по двум разным целям, приказывает башенному стрелку приготовить осколочные. Он видит, как наши пехотинцы ложатся. Струйки пыли мечутся рядом с ними, как змеи. Кинжальный пулеметный огонь с фланга. Лежит, лежит пехота. Не поднять головы, прижата к земле. Пулеметчик открывает люк, кричит:

— Садись на танк, ребята. С какой стороны режут вас?

Ободренная пехота отвечает, что с высотки режут. с высотки, и пятеро красноармейцев карабкаются на танк, остальные бегут рядом. Гоголев бьет по высотке двумя снарядами, двумя пулеметными дисками, и пехота уже не лежит, пехота лезет по склону. Старшина Быбин идет прямо к черной дыре, откуда стреляли минуту назад, врывается в немецкий блиндаж. Он выходит оттуда весь в комьях земли. В руках у него два пистолета, пачка бумаг, ордена. Два немецких офицера и трое солдат уничтожены.

Высота Безымянная и раз'езд были почти заняты нами, когда Гоголев увидел, как один из наших танков вспыхнул, подожженный немецким снарядом. Гоголев направил свой танк к нему на помощь, чтобы оттуда выскочить на гребень Безы-

мянной. И тут он потерял сознание. Очнулся через минуту. Ладони, прижатые к лицу, были в крови. Единственное, что он понял,—было тихо внутри танка, мотор не работал. Он увидел башенного, бледного и как бы постаревшего. Плечо его перешибло осколком. Всеми своими помыслами Гоголев был еще в бою.

— Заводи, — сказал он водителю, и не услышал своего голоса. Мотор завелся. «Ну, и хорошо, — подумал Гоголев, — можно драться». Он повел танк в том же направлении, к высоте, преодолел еще сто метров, и опять его швырнуло, ударило. Ему стало душно, в лицо брызнул газойль — вторым снарядом был пробит правый бак танка. Мотор опять заглох, внутри танка появилось пламя. Гоголев крикнул водителю, чтобы тот включил хотя бы левый мотор, и, когда мотор зарычал, пламя потянуло потоком воздуха в вентилятор, и тогда пламя захлебнулось, и его придавили шинелями, комбинезонами и спасли танк от пожара. Гоголев все еще думал о бое. Третий снаряд заклинил башню, и тогда только бывший учитель хриплым от усталости и злобы голосом приказал задним ходом вести танк на исходную. Он передал башенного санитарам, но тут и самого его свалило на землю. Кровь лилась из ушей, из носа. Ему говорили:

— Высоту и разъезд взяли.

Он отвечал: «Хорошо». Ему рассказывали о смерти майора Грязнова. Танк Грязнова горел. Он знал, что все кончено, но даже смертью своей продолжал убивать немцев: повел пылающий танк на немецкую траншею, давил обезумевших от страха солдат и умер в огне, в раздавленной его танком немецкой траншее.

— Хорошо, — отвечал Гоголев, но слышал он плохо: его контузило тем первым снарядом.

Его отправили в госпиталь.

Утром пришли к нему товарищи, но его в госпитале не было.

Полуглухой после контузии, с сочащейся из ушей кровью, он ушел от врачей в балку, где стоял его танк. Он думал о бое.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

СРАЖАЮТСЯ МОТОСТРЕЛКИ

На левом фланге обороны Сталинграда немцы, сосредоточив большие силы, потеснили одну нашу часть и захватили выгодный рубеж. Отсюда противник готовился развивать свой успех. Навстречу ему был брошен мотострелковый батальон.

Немцы засели в окопах и блиндажах, подходы к которым были хорошо пристреляны. Под прикрытием этого заслона, враг стягивал силы для наступления. Все решалось минутами. Если сейчас не овладеть позициями немцев, они через час ринутся на нашу оборону. Нужно было опередить врага. И батальон с хода начал наступление.

Противник открыл ураганный огонь. Град пуль, мин и снарядов осыпал наши цепи. Залечь — верная гибель. Бойцы стремительным броском проскочили зону смерти. Огненная волна осталась позади. Несколько десятков метров остается до окопов противника.

Но враг перенес огонь и поставил его стеной перед самыми окопами. Гнут разрывы стрелков, прижимают к земле. Падают люди. И снова раздаются голоса командиров: «Вперед! За родину!» И снова поднимаются люди и вихрем проносятся через вторую зону заградительного огня.

Батальон ворвался в окопы. Лязг железа, хруст костей, короткие глухие выстрелы и разрывы гранат. Били и крушили без пощады. В ярости стрелки разносили все на своем пути.

Вражеский заслон был смят. Своим неожиданным, стремительным ударом, батальон спутал карты немцев. Все стянутые сюда силы они бросили в контратаку, стремясь вернуть утерянные позиции. Десятки танков с автоматчиками двинулись на окопы батальона. Противотанковая батарея начала неравную борьбу. Старший сержант Ордаков из своего орудия поджег две вражеские машины, вырвавшиеся вперед. Автоматчики посыпались с них, падая замертво. Бьют бронебойки, строчат пулеметы и автоматы.

Немецкая пехота отрезана от танков, но бронированные машины бороздят по окопам. Рвутся связки гранат, огненными брызгами разлетаются расколотые бутылки. Еще два танка —

два огромных факела. Но на поле появлялись новые танки. Наши пушки били, не умолкая. Несколько машин шло на орудийный расчет комсомольца старшего сержанта Петра Плешакова. Огневая позиция потонула в разрывах. Ранен Плешаков. Обливаясь кровью, он продолжал командовать. С закрытой позиции стало трудно отражать врага.

— Выкатить орудие на открытую позицию! — крикнул командир.

Орудие поворачивалось во все стороны, отражая натиск врага. Один танк почти накатывался. Минута — и расчет будет раздавлен. Бойцы работали молниеносно. Выстрел — и развороченный танк замер в нескольких шагах.

Немцы окружили орудие сержанта Наливайко. Но расчет стоял непоколебимо, искусно отбиваясь от наседавших танков. Вот вспыхнул один из них, остальные попятились. Геройски дрался расчет сержанта Михайлова. Подбит один немецкий танк, но второй подошел вплотную. В машине открылся люк. Показался немец. «Рус, сдавайся!».

— Вот тебе! — разряжая в него пистолет, крикнул Михайлов.

Фашист замертво сполз в танк.

Надвигалась ночь. Отрезанные от своей пехоты, немецкие танки стали отходить. Отхлынули и автоматчики. Батальон удержал захваченный рубеж, нанес врагу чувствительный урон. 7 танков, до 200 солдат и офицеров, много винтовок и автоматов потеряли немцы в этом бою. Потери батальона: 25 убитых, 43 раненых, одна пушка.

Ночью подошло подкрепление. Мотострелков, выполнивших задачу, перебросили на другой участок.

Лишь занялась заря, бойцы пошли на врага. Противник встретил их бешеным огнем, а затем пустил танки. Стрелки подбили один танк, остальные сразу скрылись за скатом высоты. Немцы вызвали авиацию. Десятки бомб рвались в расположении наших боевых порядков. Но как только самолеты улетели, старший лейтенант Астафьев поднял цепи, и они ворвались во вражеские окопы и блиндажи. Немцы не выдержали удара и отступили. Их догоняли, стреляли, брали в плен. На плечах врага ворвались стрелки в рощу и немедленно начали закрепляться.

Это было абсолютно правильно. Немцы быстро стянули резервы и при поддержке танков и авиации перешли в контратаку. Силы оказались неравными. Падали убитые и раненые бойцы, но крепко стояли их товарищи. Бой достиг высшего напряжения. Автоматчик Перерва сразил 30 гитлеровцев, от-

деление сержанта Верхогляда в рукопашных схватках убило 45 гитлеровцев. Под ответными ударами роты лейтенанта Местикова пало до сотни фашистов. Лейтенант Местиков в горячей схватке вырвался вперед. Его тяжело ранило. Гитлеровцы окружили истекающего кровью героя. До последнего вздоха дрался он с врагами. Его боевые друзья разорвали вражеское кольцо и вынесли труп отважного воина.

На исходе третьего часа боя, танки прорвались к высоте. Били бронебойщики, летели гранаты. Комсомолец Евгений Рухаин подбил два танка и пал, сраженный у своего окопа. Комсомолец Мальков застрелил четырех немцев, а когда его ранили в руку и стрелять больше не мог, — начал подносить патроны оставшимся в строю.

На правом фланге немцы ворвались в блиндажи. Командир взвода лейтенант Гринь бросился в контратаку, увлекая за собой остальных. В короткой схватке стрелки убили 32 немцев и отбросили врага.

Вскоре немцы предприняли новую атаку. Ей предшествовали артиллерийская подготовка и налет бомбардировщиков. Снова завязался жаркий бой. Артиллеристы под командой капитана Зинича заставили замолчать четыре немецких артиллерийских и две тяжелых минометных батареи, истребили до батальона автоматчиков. Противотанковая батарея под командой старшего лейтенанта Стогнева подбила два танка и заставила остальные машины отступить.

Ценой огромных потерь противнику удалось на левом фланге потеснить соседнюю часть и ударить во фланг мотострелкам. Младший лейтенант Пашнев повернул свою роту и перешел в контратаку. Три раза немцы пытались развить успех на этом участке и три раза откатывались под ударами роты Пашнева.

Окоп старшего сержанта Еременко был окружен фашистами. Отважный комсомолец отбивал все атаки врага. Но вот опустели диски автомата. Немцы осмелели и бросились к окопу с двух сторон. Два взрыва гранат разметали фашистов. Через минуту на выручку подоспели товарищи. Они насчитали около окопа Еременко 34 трупа.

Не удалось немцам продвинуться и на других участках обороны, занимаемой мотострелками.

К. СИМОНОВ

СОЛДАТСКАЯ СЛАВА

По ночам вокруг Сталинграда стоит красное зарево. А днем степи дымятся: вздымаются черные столбы минных разрывов, тонкие дымки походных кухонь, горьковатый дым солдатской махорки.

В голубом, не по-сентябрьскому ясном небе, чертят белые перистые следы истребители, а земля изборождена окопами, и рядом с холмиками блиндажей подымаются насыпи братских могил.

Безвестные нивы, холмики и прогалины, заросшие полынью, стали местом, которого нельзя отдать, за которое дерутся и умирают, что не зная, как называется деревня, лежащая слева, и ручей, текущий справа, но твердо зная — за спиной Сталинград и за него надо стоять.

Здесь предстоит выстоять ценой жизни, ценой смерти, ценой чего угодно. Сегодня мы держимся, но еще не побеждаем, и слава дивизий и армий, слава всего русского оружия еще не родилась на этих полях. Но слава солдата, солдатская слава, каждый день и каждую ночь рождается то здесь, то там, и мужество человека всегда остается мужеством и слава славой, как бы тяжело ни приходилось армии и народу.

Мы сидим с Семеном Школенко на сухой степной земле, и такой же сухой, как эта земля, степной ветер обдувает его загорелое спокойное лицо и выгоревшие русые волосы.

Я спрашиваю его, как это было.

— Как это было, — повторяет он задумчиво и смотрит далеко в степь, вспоминая, и вдруг, словно желая мне сказать, что его подвиг родился не вчера, а давно, что он был задуман всей его жизнью, неторопливо начинает вспоминать эту жизнь.

— Отца звали Фролом, он тоже тут воевал, под Царицыном, тогда еще Сталинград Царицыном называли, и тут и погиб в бою. Он шахтер был, как и я. Шахта, теперь, может, водой ее залили, может, взорвана она, кто ее знает. Исаевская шахта номер два, я там под землей все прошел—и саночником был, и забойщиком, и горным мастером давно под

землю спустился, мальчишкой еще в 1924 году. Сколько лет с тех пор прошло? Неужели уже восемнадцать, хотя сегодня вот именины мои, как раз тридцать ударило, значит, верно, восемнадцать лет. Мы сегодня с комиссаром по стаканчику выпили, он меня угостил. Выпил — жену вспомнил и сына Юрия Семеновича, я его еще не видел, он у меня 27 марта родился.

И в том, как Школенко рассказывает о своей семье, о шахте, о всей своей суровой трудовой жизни, чувствуется, что его солдатскую славу нельзя назвать неожиданной, он пришел к ней всей своей жизнью, всем своим опытом, смекалкой, русским умом и русскими сильными руками. И когда он начинает говорить о своем подвиге, он говорит о нем так неторопливо, обдуманно, спокойно, что я вижу, как он совершал его, так же неторопливо, так же обдуманно, так же спокойно, как он рассказывает о нем.

Это было утром. Командир батальона Кошелев позвал к себе Семена Школенко и, став с ним рядом в прибрежном кустарнике, как всегда, скупо сказал:

— Языка надо достать.

— Достану, — сказал Школенко.

Он присел в окопе и стал готовиться обдуманно и не спеша. Он проверил автомат, повесил на пояс три диска, приготовил пять гранат, две простые и три противотанковые, положил их в сумку, потом огляделся и, подумав, взял принесенную в солдатском мешке медную проволочку, спрятал ее в карман.

Итти предстояло вдоль берега. Он пошел, неспеша, вперевалку, с оглядкой. Кругом все было тихо. Школенко прибавил шагу и, чтобы сократить расстояние, стал пересекать лощинку напрямик, по мелкому кустарнику. Раздалась пулеметная очередь. Пули прошли где-то близко. Школенко лег и с минуту лежал неподвижно.

Он был недоволен собой. Эта пулеметная очередь — без нее можно было обойтись, надо было только пройти по густому кустарнику. Хотел сэкономить полминуты, а теперь придется терять десять — обходить кругом. Он поднялся пригибаясь, перебежал чащу. За полчаса он миновал сначала одну балку, потом другую, заросшую кустарником. Сразу же за этой балкой стояли три сарая и дом: место было почти открытое, заросшее полынью и травой. Школенко лег и пополз

по-пластунски. Через несколько минут он подполз к первому сараю и заглянул внутрь его. В сарае было темно и пахло сыростью. По земляному полу ходили куры и поросенок. Но в следующую секунду Школенко заметил у стены неглубокий окопчик и выпиленную в два бревна бойницу. Возле окопчика валялась недокуренная пачка немецких сигарет. Немцы были, где-то близко. Теперь это не вызывало сомнений.

В лощинке, заросшей виноградником, он напал на тропку. После прошедшего утром дождя, земля еще не просохла, и на тропке были хорошо видны уходившие в лес следы. Через сто метров Школенко увидел пару немецких сапог и винтовку. Откуда они здесь появились, — он не мог догадаться, но на всякий случай сунул винтовку в канаву и затоптал ее землей, а сапоги бросил в кустарник. Свежий след вел в лес. Не прополз еще Школенко и 50 метров, как услышал минометный выстрел. Миномет с небольшими паузами ударил десять раз подряд.

Впереди были заросли. Школенко пополз через них налево, где виднелась заросшая яма; кругом был бурьян, а внутри зола. Из ямы в промежутке между кустами, был виден просвет. В десяти метрах от Школенко стоял миномет, а еще несколько шагов дальше него — ручной пулемет. Один немец стоял у миномета, а шестеро неподалеку от него сидели, собравшись в кружок и ели из котелков. В первую секунду Школенко инстинктивно вскинул автомат и хотел дать по ним очередь, но в следующую секунду он рассудительно изменил это решение. Он мог одной очередью не убить сразу всех, и дальше ему предстояла бы неравная борьба. Он, не торопясь, стал изготовлять к бою противотанковую гранату. Противотанковую он выбрал потому, что расстояние было небольшое, а ударить она могла гуще. Он не торопился. Торопиться было незачем, цель была на виду. Он прочно уперся левой рукой в дно ямы, вцепился в землю так, чтобы рука не скользнула, и, приподнявшись, швырнул гранату. Она упала прямо посреди немцев. Когда он увидел, что шестеро лежат неподвижно, а один тот, который стоял у миномета, продолжает стоять около него, удивленно глядя на изуродованный осколком гранаты ствол, Школенко вскочил, и, вплотную подойдя к немцу с автоматом, не сводя с него глаз, знаком показал, чтоб тот отстегнул с себя парабеллум и бросил на землю. У немца дрожали руки, он долго отстегивал парабеллум и бросил его далеко от себя. Тогда Школенко, толкая немца

перед собой, подошел с ним к пулемету. Пулемет был разряжен. Школенко знаком показал немцу, чтобы тот взвалил пулемет на плечи. Немец послушно нагнулся и поднял пулемет. Теперь у него были заняты руки.

Несмотря на серьезность положения, Школенко усмехнулся. Ему показалось забавным, что немец своими руками отнесет к нам свой пулемет. Так они и пошли обратно — впереди немец со взваленным на плечи пулеметом, сзади Школенко. Немец шел медленно, спотыкаясь, он не сопротивлялся, но, видимо, не терял надежды встретить кого-нибудь, кто его выручит, и тянул время. Школенко, который все предыдущее делал неторопливо, теперь торопился. Чувство одиночества и страха за то, что ему каждую минуту из-за любого куста могут выстрелить в спину, не было ему чуждо. Пока он делал дело, он не торопился ни на секунду больше, чем нужно, но теперь ему хотелось скорее вернуться, и он нетерпеливо подталкивал немца в спину.

На командный пункт батальона Школенко добрался только после полудня. Там, кроме капитана Кошелева, сидел командир полка. Школенко последний раз небрежно ткнул автоматом в спину немца и кратко сказал:

— Вот.

И только потом уже по всей форме доложил о своем прибытии.

Командир полка пожал ему руку, оглядел его с ног до головы и, еще раз крепко стиснув руку, отошел в сторону и о чем-то заговорил с командиром батальона. Их разговор продолжался с минуту. Школенко молча стоял и ждал.

— Хорошо, — сказал командир полка. — Его задачу, — он кивнул на капитана Кошелева, — вы выполнили, теперь выполните мою. Вы должны узнать, где стоят их остальные минометы.

— Узнаю, — коротко сказал Школенко и добавил: — Разрешите спросить, — один пойду?

— Один, — сказал Кошелев.

— Ну, что ж, тем лучше, — Школенко вскинул на плечо автомат.

— Сначала отдохните, — сказал командир полка, — а потом пойдете.

Школенко, подойдя к связистам, вытащил из сапога ложку и, пристроившись с котелком, стал медленно, со вкусом, есть щи. Он устал и был доволен, что ему дали эту пере-

дышку. Доев щи, он свернул цыгарку. Все утро он не курил, курить было приятно, особенно в предчувствии того, что до вечера опять не придется курить. Потом он сел и перемотал портянки. Ноги немножко болели. Так он просидел примерно с полчаса, вскинул автомат и, уже не добавляя гранат, снова пошел в ту же сторону, что и утром.

Теперь он взял правее деревни и ближе к реке, прячась в росших по обочинам дороги кустах. Первый выстрел из миномета он услышал за 500 метров. Ползти туда пришлось по длинной лощине, продираясь через густой ореховый, царапавший руки и лицо кустарник. Мины шли по направлению к Школенко и пролетали дальше. Он на минуту приостановился, мысленно представил траекторию полета и по звуку определил направление, с которого стреляли. После ореховой балки пришлось перевалить холмик, за которым начиналась лощина с густым лесом. Пока он прополз по ней еще 200 метров, выстрелы прекратились. Последний из них был совсем близкий. Вдруг недалеко от Школенко во весь рост поднялся немец. Школенко лег и притаился, пролежал минут десять. Когда немец исчез, Школенко через мелколесье дополз до большого куста. Из куста были хорошо видны все три миномета, стоявшие в балке.

Школенко лег плашмя и вытащил свернутую в трубку бумагу, на которой он еще заранее решил начертить и записать для точности, где именно стоят минометы. Но в ту секунду, когда он принял это решение, семеро немцев, стоявшие у минометов, подошли друг к другу. Все вместе сели у ближнего к Школенко миномета, всего в 8 метрах от него. Только один остался поодаль и, лежа на боку на краю окопа, куда-то звонил и, видимо, никак не мог дозвониться по телефону.

То, что немцы подошли к нему так близко и все, за исключением одного, сидели вместе, толкнуло Школенко на смелый шаг. Он должен был записать и зачертить, потом доложить, потом артиллерия должна была попасть в эти минометы, а между тем немцы сидели все рядом, а у него под рукой были гранаты. Решение родилось мгновенно, может быть так мгновенно от того, что только сегодня, в точно такой же обстановке ему уже один раз повезло. Так или иначе, Школенко решил управиться с немцами сам. Он, лежа, достал обе противотанковые гранаты, потом вытащил из кармана припасенную медную проволочку, обмотал ею гранаты.

Теперь оставалось только кинуть. Школенко опять, как и в тот раз, крепко оперся рукой о землю, набрал поглубже воздух и бросил гранаты. Но гранаты были очень тяжелые — сразу две, он с утра уже очень уморился, все таки это была вторая разведка за день. И когда он швырнул их, то они на полметра не долетели до немцев. Он это успел заметить, когда ложился на землю плашмя, а в следующую секунду его не сильно ударило в плечо, и он, еще лежа, схватясь за плечо рукой, почувствовал на пальцах кровь.

В следующую секунду он вскочил во весь рост, держа автомат наизготове. Взрыв был очень сильным, и немцы, как в прошлый раз, лежали убитые, только на этот раз никто не остался на ногах и лежали все. Потом один, тот, который оставался у телефона, пошевелился. Школенко подошел к нему и тронул его ногой. Немец перевернулся, лежа на земле, поднял руки и заговорил, но что — в горячке Школенко не разобрал. Рядом с немцем лежал телефон. Не рассчитывая его унести, Школенко ударил несколько раз тяжелым кованым сапогом и разбил его. Потом он оглянулся, придумывая, что сделать с минометами. Неожиданно в двух десятках шагов от него в кустах сильно зашуршало. Прижав к животу автомат, Школенко пустил туда длинную очередь веером, но из кустов вместо немцев выскочил его хороший знакомый Сатаров, боец 2-го батальона, несколько дней тому назад взятый в плен немцами. Сатаров стоял обросший, босой, в одних кальсонах и не своим голосом, полуоборотясь назад, кричал:

— Наши, наши пришли!

Вслед за ним из кустов вышли еще 16 человек, все такие же голые, обросшие и страшные, как Сатаров. Трое были окровавлены, одного из них поддерживали на руках.

— Ты стрелял? — сказал Сатаров.

— Я, — сказал Школенко.

— Вот поранил ты их, — показал Сатаров рукой на окровавленных людей. — А где же все?

— А я один, — ответил Школенко. — А вы тут что?

— А мы могилу себе рыли, — сказал Сатаров. — Нас двое автоматчиков стерегли. Они как услышали взрыв — побежали. А ты, значит, один?

— Один, — повторил Школенко и посмотрел на минометы. Времени терять было нельзя, вот первое, о чем подумал он в эту минуту. И следствием этой мысли было мгновенное решение.

— Скорее минометы берите, — сказал он деловито, — скорее, скорее, чего зря время проводите. Сейчас к своим пойдем.

Несколько человек взялись за минометы и взвалили их на себя, остальные повели раненых.

Между освобожденными красноармейцами, прихрамывая на одну ногу и держась за разбитую голову, шел пленный немец, тот, что лежал у телефона.

Через полтора часа незаметными тропами, они дошли до батальона. Школенко отрапортовал и, выслушав скупую благодарность капитана, соединенную с крепким дружеским пожатием, отошел на пять шагов и ничком лег на землю.

Оглушающая усталость этого дня сразу навалилась на него. Открытыми глазами он смотрел на травинки, росшие около, и казалось страшным, что все это было и кончилось, а он вот живет и кругом растет трава, и все на свете также, как был утром.

Солнце закатывается за степью — оно красное и пыльное, и мгновенная южная темнота начинает ползти со всех сторон.

— А вы знаете, — говорит Школенко после нескольких минут раздумья, — вы знаете, почему я командиру полка сказал, что лучше, что я один в разведку пойду? Вы думаете в разведку лучше одному итти? Нет, одному страшнее, в разведку лучше вдвоем с товарищем итти. Но лучше с товарищем, если ты его характер знаешь, какой он есть человек, а если ты его характер не знаешь, то лучше — одному.

И Школенко, разговорившись, стал высказывать свои задушевные мысли:

— По душе говоря, когда смерть с тобой рядом ходит, то страшно, конечно, но только я год с хвостиком воюю, и есть у меня мысль такая, что вот немец, он когда всем своим нутром чувствует, что на него человек идет, который не особо страшится, то этого человека сам немец страшиться первым начинает. А если я его страшиться начинаю, то он меня страшиться перестает. В общем, так уже на войне заведено, кто-то один, кого-то другого больше бояться должен. Так я хочу, чтобы он меня больше боялся.

Школенко долго смотрит кругом на вечернюю степь, и на лице его появляется горькое, печальное выражение.

— Что смотрите?—спрашиваю я.

— Смотрю, куда докатил он нас, далеко он нас допятил.

И за его горькими словами я вдруг чувствую те две мучительные мысли, которые постоянно грызут храброе солдатское сердце: далеко он нас допятил, надо его остановить. И чем храбрее солдат, чем больше похож на такого, как Школенко, тем горше ему думать об этом, тем тяжелее ему отступать.

...Окопами изрыты степи, высятся над ними холмы блиндажей, ревут минометные залпы. Безымянна еще эта земля вокруг Сталинграда.

Но когда-то ведь и слово «Бородино» знали только в Можайском уезде, оно было уездным словом. А потом в один день оно стало словом всенародным. Бородинская позиция была не лучше и не хуже многих других позиций, лежавших между Неманом и Москвой. Но Бородино оказалось неприступной крепостью потому, что именно здесь решил русский солдат положить свою жизнь, но не сдаться. И поэтому там мелководная речка стала непроходимой, и холмы и перелески, с наскоро вырытыми траншеями стали неприступными.

В степях под Сталинградом много безвестных холмов и речушек, много деревенек, названий которых не знает никто за сто верст отсюда, но народ ждет и верит, что название какой-то из этих деревенек прозвучит в веках, как Бородино, и что одно из этих степных широких полей станет полем великой победы.

П. УЛЬЕВ

ИДЯ НА СОБРАНИЕ...

Они пробирались с большим трудом — комсомольцы - гвардейцы Н-ской части. Над их головами свистели пули, вокруг рвались вражеские мины. Но пробраться нужно — дисциплина! К тому же секретарь бюро сказал, что собрание будет очень важное.

И вот они все в сборе. Нет только секретаря. Его ждут с нетерпением, волнуются, но все знают, что уж если задержался, то по серьезному делу.

И, действительно, секретарь комсомольского бюро Михайлов опоздал по весьма уважительной причине. На собрание он спешил, чтобы, как всегда, притти первым, но...

За углом одного полуразрушенного дома перед ним будто из-под земли выросла здоровенная фигура фрица.

— Русс, сдавайся! — крикнул немец и схватился за пистолет.

Михайлов мгновенно вскинул винтовку и спустил курок. Немец попятился и, взмахнув руками, рухнул на засыпанный битым стеклом тротуар. Только тогда Михайлов разглядел, что это офицер.

— Ах, чорт возьми, — с досадой произнес Михайлов,— как же я не разглядел его, сразу, надо бы живьем взять.

Подобрав полевую сумку с документами и оружие убитого, секретарь комсомольского бюро направился дальше. Попластунски переполз он одну улицу, быстро перебежал другую. И вдруг где-то почти рядом, застучало сразу несколько пулеметов. Михайлов укрылся в развалины здания, прислушался, присмотрелся, заметил: «Ага, вот вы где, гады!». Немцы засели в одном из уцелевших домов и оттуда вели сильный пулеметный огонь.

Михайлов стал осторожно подкрадываться. Вот он уже у стены этого дома, вот—еще немножко вперед— и дверь в первый этаж. Михайлов делает ловкий прыжок и скрывается за дверью.

А пулеметы строчат, немцы ведут интенсивный огонь, простреливая нашу линию обороны.

— Скорее, скорее заткнуть им глотку!..

Раздается взрыв, другой, третий и пулеметы, захлебнувшись, смолкают. Михайлов забросал фашистов гранатами. Оставшиеся в живых, пытались бежать, выпрыгивали из окон. Он настигал их меткой пулей из винтовки.

И вот, наконец, дождались комсомольцы своего ответственного секретаря. Сразу посыпались вопросы, упреки:

— Где ты был?

— Почему задержался?

— А говорил, чтоб ни одного опоздавшего...

— Секретарю тем более опаздывать не положено.

Михайлов посмотрел на собравшихся, улыбнулся и сказал:

— Упрек, конечно, справедливый, секретарю опаздывать не положено, но задержался не зря, товарищи.

И он сообщил, что по дороге уничтожил 11 фрицев, в том числе одного офицера, захватил 4 пулемета и два миномета и что из-за этого пришлось возвращаться назад, чтобы доставить трофеи в штаб.

Затем, прорывая шумные возгласы одобрения, секретарь официально объявил:

— Итак, собрание считаю открытым...

Б ПОЛЕВОЙ

НЕБО СТАЛИНГРАДА

Небо над Сталинградом высокое, просторное.

Еще недавно оно было чистым, дышало на город привольным степным покоем и окрашивало могучую волжскую гладь в великолепные голубые тона. Сейчас оно побурело от копоти взрывов, от чада и гари пожарищ, и, отражая его, Волга имеет теперь всегда, даже в самый ясный день, темный, грозовой, зловещий цвет. Небо Сталинграда стало ареной воздушных битв.

Немцы стянули к Сталинграду лучшие свои авиасилы. Геринг бросает в бой одну за другой группы лучших «ассов». Сейчас они летают над Сталинградом стаями, и, хотя часто численное превосходство бывает на их стороне, наши летчики смело принимают бой.

Вот обычный день боевой жизни воздушного бомбардира капитана Василия Ильича Дужего, замечательного вожака бомбардировочных групп, умеющего всегда провести своих ребят к цели и класть на нее бомбы одну за другой. Ранним утром он вылетел со своей группой, нашел в степи движущуюся к городу танковую колонну, ринулся вниз и разбил восемь немецких танков и много автомашин.

Не успела группа позавтракать, как летчиков снова вызвали к самолетам. Дужий доедал свой бутерброд в кабине, за рулем, самолета. На этот раз на пути у Волги его группу перехватили семь «мессеров». Стаей завертелись они вокруг бомбардировщиков, пытаясь разбить их строй. Группа отстреливаясь, упорно шла на цель. С земли самолеты казались связанными невидимыми нитями — так четок был их строй. В этой четкости была их неприступность. Огонь пулеметов одевал их невидимым панцырем. И вот с перерезанным очередью крылом, порхая, как осенний лист, полетел один «мессер». Факелом вспыхнул и рухнул второй.

Группа Дужего дошла до цели, нашла танковую колонну, с двух заходов разбила и разметала ее, не допустив к Сталинграду. Только после этого вернулись пилоты к прерванному завтраку. С набитыми ртами, веселые, возбуж-

ленные, они рассказывали товарищам о только что выдержанном сражении.

Вечером группа совершила третий в этот день полет, как выразился Дужий, «прогулку на сон грядущий». На этот раз ее перехватили тринадцать «мессеров». Бой завязался над самым городом, и каждый, наблюдавший его снизу, не мог без восхищения смотреть, как величественно плыли в воздухе бомбардировщики, атакуемые со всех сторон верткими «Мессершмиттами». А когда один за другим упали вниз три подбитых «мессера», наземные защитники города аплодировали воздушным, как будто дело было на спортивном стадионе, а не в разрушенном городе, где между развалинных стен, превращенных в баррикады, свистели снаряды и стонали мины. И опять пилоты накрыли цель — вражеский эшелон с горючим. Семь дымных пожарищ взметнулись в небо.

В боях за Сталинград в военную технику вносится много нового, подсказанного опытом гигантской битвы. Сражаясь за Сталинград, наши бойцы творят новые методы боя, находят приемы наиболее полного и широкого использования мощи своей техники, так же, как в свое время стахановцы Сталинграда на его великолепных заводах творили новые, эффективные методы использования машин.

Воздушные битвы за Сталинград полны эпического героизма, самоотверженного и обдуманного.

Капитан Василий Иванович Яшицкий вел группу на бомбежку немцев, рвавшихся к заводскому предместью. Осколком снаряда ему оторвало левую руку. Самолеты еще не достигли до цели. Капитан, стиснув зубы, собрав мускулы и нервы в комок, продолжал вести самолет одной рукой. Он вывел группу на цель, развернулся, накрыл немецкие танки и, только положив машину на обратный курс, тихо сказал штурману Василию Кочетову, которого в полку все почему-то зовут Сашей:

— Саша, я ранен. Бери управление.—И перед тем, как лишиться сознания, он добавил: — Сажать буду сам... Слышишь!

Истекая кровью, он помнил о долге, о товарищах, о том, что он ведущий и отвечает за их жизнь. Штурман, конечно, не послушал его, но, когда самолет стал делать вираж над аэродромом, пилот очнулся. На бледном лице его отразился гнев.

— Товарищ Кочетов, почему вы не выполнили приказания? — тихо, но раздельно сказал он и снова взялся за управление.

Группа, как всегда, села образцово. Яницкого без сознания вынесли из кабинки. Штурман рассказывал потом, что этот человек без руки тридцать пять минут сосредоточенно вел самолет. Тридцать пять минут! Разве можно сломить боевое упорство таких воинов?

Вас. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Волга... Темная вода бежит под облачным небом, холодом веет от нее. И едва сгущаются сумерки, из землянок, блиндажей, траншей, из тайных укрытий, выходят люди, держащие переправу. Это по ним немцы в последние недели выпустили 8.000 мин и 5.000 снарядов, это на них обрушилось за полторы недели 550 авиационных бомб. Земля на переправе вспахана злым железом.

В сумерках появляется темный, высокий силуэт, перегруженной баржи. Хозяйским хриплым баском покрикивает буксирный пароходик. Словно по чьему-то слову, чудесно оживает все вокруг, жужжат буксующие в песке грузовики, красноармейцы, покряхтывая, несут плоские ящики со снарядами, бутылками с горючей жидкостью, патроны, гранаты, хлеб, сухари, колбасу, пакеты пищевых концентратов. Баржа оседает все ниже и ниже.

А немецкий огонь не прекращается ни на минуту. Но теперь он не прицельный, наблюдатели противника не видят, что происходит на берегу, не видят темной шири реки. Снаряды со свистом перелетают через Волгу, рвутся, освещая на миг красными вспышками деревья, холодный, белый песок. Осколки, пронзительно голося, разлетаются вокруг, шуршат меж прибрежной лозы. Но никто не обращает на них внимания. Погрузка идет стремительно, слаженно, великолепная своей будничностью.

Под огнем немецкой артиллерии люди работают, как работали всегда на Волге: тяжело и дружно. Их работа освещена пламенем горящего Сталинграда. Ракеты поднимаются над городом, и в их стеклянно-чистом свете меркнет мутное, дымное пламя пожаров. Тысяча триста метров

волжской воды отделяет причалы лугового берега от Сталинграда. Не раз слышали бойцы понтонного батальона, как в короткой тишине над Волгой проносился приближенный, кажущийся издали печальным, звук человеческих голосов: — а-а-а... То поднималась в контратаку наша пехота и это протяжное «ура» пехоты, дерущейся в пылающем Сталинграде, этот вечный огонь, дымное дыхание которого доходило через широкую воду, придавали бойцам переправы силу творить свой суровый подвиг, в котором воедино слились тяжкая будничная работа русского рабочего с доблестью солдата. Все они понимали значение своей работы.

Переправа питает сталинградские дивизии хлебом и снаряжением. Идут к Сталинграду баржи, лодки, тральщики, моторные катеры. Работал штурмовой мостик, наведенный с острова на правый берег Волги.

Бойцы понтонного батальона все почти ярославцы. Живут ярославцы нарядкость дружно, большим братским землячеством. Заместитель командира батальона по политической части Пермяков сам волгарь, человек с темнокрасным от солнца и речного ветра лицом, находится на переправе с первого дня. Голос у него громкий, привыкший к команде, привыкший перекрикивать грохот рвущихся снарядов, — он даже во время беседы говорит, словно команду отдает.

— Эх, люди у нас в батальоне я даже не знаю, золото— люди. Гордятся — мы ярославцы. Недавно в газете статья была большая о Ярославле, так эту газету вконец зачитали, собрания устроили — обсуждали. «Про наш Ярославль как пишут!» И вот удивительная вещь—ведь работа на переправе, горькое дело, последние дни авиация тучей над нами висит, поверите ли, за один день насчитали мы тысячу восемьсот заходов, глохнешь от этого воя и рева, а люди так любят свой батальон, так своей работой гордятся, что заикнитесь только, чтоб откомандировать человека — трагедия будет.

С рассветом понтонный батальон отдыхает. Похрапывают в блиндажах и землянках бойцы под оглушительный рев немецкой авиации, с тупым бешенством карежущей землю.

— Как можно спать при такой бомбежке? — спрашиваю я бойцов.

— Да, вот спим, — говорят понтонеры, — день не поспишь, второй не поспишь, и потом ляжешь, да поустанешь как следует и все равно заснешь.

Люди на этом раскаленном берегу, зарывшись в землю, не изменяют чудесному строю своей простой души. Когда читаешь воспоминания о войне французов, англичан, американцев, все они пишут, что на войне в бою они становятся иными, что весь душевный мир их изменяется, что они переоценивают все ценности, что казавшееся им дорогим и близким, вдруг становится ненужным, смешным.

А русский человек, воюющий в пламени горящего, сотрясаемого взрывами Сталинграда, такой же неизменный, ясный, простой, бесконечно скромный, каким знаем мы его в великом, мирном труде. Так же бережно хранит он письма, принесенные из дальних деревень, также любовно говорит о ребятишках своих и стариках, покуривает, вздохнет, задумается, когда ему не в меру тяжело, кипятит чаек среди развалин дома, окруженного немецкими автоматчиками, и верит в то, что добро, есть добро, что нет ничего сильней и выше в жизни, чем правда.

И здесь на переправе идет во время дневного отдыха обычная, прекрасная своей святой будничностью жизнь. Кухни, зарытые в землю, варят обед, русская печь, хитро и умело построенная в земле, печет пышный легкий подовый хлеб, и пекари посмеиваются, гордятся своим отличным мастерством. Бойко работает подземная баня, и отчаянно парятся в ней, лупцуют себя вениками бойцы сталинградской переправы, пока вокруг них, совсем рядом, рвутся тяжелые бомбы немецких пикировщиков. При слабом свете, проникающем в блиндаж, пишут бойцы письма, не забывают послать поклон всей близкой и дальней родне, чтобы, не дай бог, не обидеть невниманием деда Ивана Дмитриевича или бабку Марию Семеновну. А о себе пишут в этих письмах сурово и кратко: «Живу хорошо. Пока жив».

Часто бывает, что один человек воплощает в себе все особенные черты большого дела. И вот, по-моему, сержант Власов и есть выразитель суровой и будничной героичности сталинградской переправы. В этом высоком человеке, с темнокоричневым, узким горбоносым лицом, с тонкими губами и большими тяжелыми кистями рук, воплотились многие черты народного характера. Власов — человек долга. В колхозе народ в его бригаде покряхтывал иногда — очень уж суров был этот никогда не улыбавшийся, темнолицый человек, с карими, тяжело и ярко глядящими глазами. Дома ребята побаивались отца, бывал он строгонек с ними, и даже старший сын, служащий теперь в гвардии, робел, ког-

да Павел Власов говорил ему: «Алексашка, гляди у меня, я не баловал в жизни, не вильнул ни разу, и ты не балуй!»

Власов был колхозным казначеем, на руках у него хранились большие тысячи. Когда колхоз сплавлял лес по Волге, Власова избрали главным бригадиром на плотах — уж больно хорошо знали его плотовщики. Получив извещение из военкомата, Власов пошел в правление, сдал все деньги до копейки, отчитался в своей бригадирской работе, простился со стариками и сказал, уходя:

— Работал я честно, в колхозе не последним был, а убьют на войне за мной долгов не останется, во всем отчитался.

Дома он простился с семьей просто и сурово, словно уходил в поле или лес заготовлять, велел детям слушаться мать, писать, как справляются с работой. Взял он в мешок смену белья, стираных портянок и пошел в ночь, высокий, прямой, с плотно сжатыми губами, пошел, ни разу не оглянувшись на родную деревню,—человек могучей души, ни разу не слукавивший перед народом и самим собой, жестоко и неистово требовательный к другим и к себе.

Такие суровые души выковываются тяжким молотом векового труда, и можно было бы их назвать жесткими, не будь они столь бескорыстно преданы правде, труду и долгу. Таких людей, как Власов, немало в нашем народе, и вряд ли думали немцы о них, начиная поход против России, — эту железную породу невозможно ни согнуть, ни сломать. Они, Власовы, выразители не доброты и мягкости народного характера, они носители суровости, непримиримости, неистребимой, неистовой силы русской народной души.

Здесь на волжской переправе во всю высоту распрямилась фигура Власова. В долгие осенние ночи, глядя на сумрачные лица бойцов, переправлявшихся через Волгу, на тяжелые танки и пушки, поблескивавшие в свете горящих нефтехранилищ, глядя на сотни раненых в рыжих от пропитавшей их крови, изодранных осколками шинелях, прислушиваясь к мрачному вою германских мин и к далекому протяжному «ура» нашей пехоты, поднимающейся в контратаки, думал Власов одну большую думу.

Вся сила его духа обратилась к одной цели: держать переправу нашего войска. Это святое дело. Оно стало единственной целью,—смыслом его жизни. И народ, породивший людей, подобных Власову, должен победить в войне за свободу. Всякий человек, мешавший работе переправы, становился для

Власова смертным и вечным врагом, будь он хоть сын ему, хоть брат!

Был такой случай. Немцы разбили пристань на правом берегу. Власову с его отделением приказали на быстроходном моторном катере переправиться через Волгу, исправить причал. День был ясный, светлый, и немец, едва увидев катер, открыл огонь — вода вскипала от частых, жестоких разрывов.

Шофер-моторист Ковальчук изменил курс, причалил к острову и сказал: — Вылезайте, на тот берег не пойду, мне жизнь дороже разных там причалов.—Как только ни просил, ни уговаривал его Власов! — Вылазь, к чертям собачьим,— кричал Ковальчук, — я на переправе работать не буду, лучше в плен попасть, чем здесь работать.

Власов рассказал мне об этом случае тяжелыми, медленными словами...

— Ну, а приговор ему я сам привел в исполнение...

Власов замолчал. В нем, в этом сорокалетнем человеке, отце шестерых детей, человеке великого и тяжкого трудового долга, словно воплотилась гневная сила нашего народа.

Вот сержант Власов стоит на носу тяжелой баржи, медленно плывущей через Волгу. На барже снаряды, гранаты, ящики с горючей жидкостью, на барже четыреста красноармейцев. Эта баржа идет днем, положение таково, что некогда дожидаться ночи. Власов стоит, прямой, угрюмый, и смотрит на разрывы снарядов, пенящие воду.

Он оглядывает молодых бойцов, стоящих на барже. Он видит: людям страшно. И сержант Власов, человек с черными, начавшими серебриться волосами, говорит молодому бойцу: «Ничего, сынок. Хоть бойсь, не бойсь, нужно!».

Тяжелый снаряд прошипел над головой и взорвался в десяти метрах от баржи, несколько осколков ударилось о борт.

— Сейчас угодит, подлец, по нас, — сказал Власов и посмотрел на бойцов, легших вдоль борта. Мина пробила палубу недалеко от выезда, проникла в трюм и там взорвалась, расщепила борт на метр ниже воды. Наступил страшный миг. Люди заметались по палубе. И страшней вопля раненых, страшней тяжелого топота сапог, страшней, чем разнесшийся над водой крик: «Тонем, тонем!», — был глухой и мягкий шум воды, ворвавшейся в развороченный борт баржи. Катастрофа произошла посередине Волги. И в эти

страшные минуты, когда в полуметровую дыру хлестала вода, когда страх смерти охватил людей, сержант Власов сорвал с себя шинель и страшным усилием, преодолевая напор воды плотной, словно стремительный свинец, сильной, словно вся Волга напружилась своим огромным, тяжким телом, чтобы прорваться в пробоину, он втиснул свернутую клином шинель в эту пробоину, навалился на нее грудью. Несколько мгновений, пока подоспела помощь, длилось это единоборство человека с рекой. Пробоину забили. Власов уже был наверху, он перевалился всем телом за борт. Сержант Дмитрий Смирнов держал его за ноги, а Власов с лицом, налившимся темной кровью, шпаклевал мелкие пробоины паклей...

Боеприпасы, четыреста бойцов достигли сталинградского берега.

Лицо Власова спокойно и неподвижно, яркие карие глаза его смотрят прямо на меня, впалые щеки и прямой рот придают всему облику его выражение скорбное и суровое.

...Днем переправа не работает. Днем безлюден и берег, пустынна Волга, темная вода бежит под облачным осенним небом. Ушли точно под воду огромные баржи, тральщики, буксирные пароходы, моторные и весельные лодки. Лишь изредка промчится среди бурунов пены, резко меняя курс, быстроходный моторный катер с мощным зисовским мотором. Гудит берег от бомбовых разрывов, летят в воздух тучи земли, дыма, желтая листва осенних деревьев. Зловеще свистят над водой снаряды тяжелых немецких орудий. Но наступает вечер—и снова работает переправа...

В. ИВАНОВ, В. БЕЛОВ

У ПОДНОЖЬЯ ВЫСОТЫ

Приказ о наступлении пришел ночью. Командир нашего подразделения младший лейтенант Посыпкин, младший политрук Погребнюк и агитатор политотдела, старший политрук Петраков, собрали политсостав и рассказали товарищам о предстоящей задаче. В 5 часов утра начинается артиллерийская подготовка, в 6 часов—наступление.

— Надо объяснить каждому бойцу, как важно для обороны Сталинграда выбить немцев с этой высоты, — сказал Петраков.

И он первый пошел по окопам, чтобы побеседовать с бойцами, которые хорошо знали его и не раз участвовали вместе с ним в горячих боевых делах.

...5 часов утра. Секунда в секунду на высоте, занятой немцами, взметнулись огромные разрывы. Била наша артиллерия. Во весь рост двинулись вперед бойцы.

Впереди, у самого подножья высоты, оказалась вырвавшаяся далеко вперед группа бойцов во главе с Посыпкиным, Погребнюком и Петраковым. С ними было пять стрелков, автоматчик, две санитарки. Рассредоточились поодиночке в полуразрушенных окопах и щелях. Враг обстреливал каждый бугорок небольшой площадки, где расположилась горсточка храбрецов. Из-за гребня высоты беспрерывно летели снаряды, мины. Затем появились бомбардировщики. Они сбрасывали десятки бомб. Фашистские автоматчики били разрывными пулями по окопам и воронкам.

В щель к Петракову приполз Погребнюк.

— Как быть? — спросил он.

Петраков помолчал, пристально взглянул в лицо Погребнюку и ответил:

— Как быть? Стоять насмерть. До последнего!

— Правильно! — сказал Погребнюк и, прижимаясь к земле, уполз обратно.

Связались по телефону с командованием, доложили обстановку, сказали о своей решимости удержать подступы к высоте и получили приказ: «Ни шагу назад! Держаться до подхода подкрепления».

Из окопа в окоп были переданы слова приказа.

— Выстоим, товарищи! — крикнул бойцам Петраков. — Сталинград за нами!

День прошел в тяжком напряжении. Не переставая били немецкие минометы, прилетали и улетали бомбардировщики, содрогалась земля.

Убита санитарка Арканова. Остальные живы и не дрогнули.

Немецкие автоматчики группами и в одиночку сползали с высоты и накапливались внизу, чтобы атаковать и уничтожить горсточку храбрецов.

Боец Шарипов бил по гитлеровцам короткими очередями из автомата и время от времени восклицал: «Один готов!» Когда внизу накапливалась большая группа немцев, автомат Шарипова начинал «длинный разговор». Чаще звучали и выстрелы остальных бойцов, а Посыпкин звонил на артиллерийский командный пункт.

— Дайте огонь по скату высоты!

На головы немецких автоматчиков падали снаряды и мины. Артиллеристы били метко. «Живем, братцы!» — кричал Петраков. Ему отвечали: «Живем! Разнесло гадов, пусть еще сунутся!»

Шарипов уже убил тринадцать немцев, увеличивался счет и у остальных защитников рубежа. Но немцы все лезли и лезли.

Надвигались сумерки. Черная тень легла на скаты высоты, труднее стало вести прицельный огонь. Все больше и больше накапливалось внизу немецких автоматчиков. Враг был уже в 100 метрах, на рубеже для атаки. Медлить нельзя. Оставались считанные секунды. Решение должно быть быстрым и верным.

В окоп к Петракову приполз Посыпкин.

— Куда теперь давать огонь? — спросил он.

— Пусть бьют по обоим склонам,—сказал Петраков.

— Правильно, — кивнул головой Посыпкин и уполз обратно.

Наступило затишье. Молчали обе стороны. Только громко кричал в телефонную трубку Посыпкин, и все слышали его слова:

— Дайте огонь по скатам,—да по обоим, по обоим! Чего ж тебе не ясно? Давай огонь на нас!

Люди легли на дно своих укрытий. Петраков приподнялся и крикнул: «Товарищи, родина не забудет...» Последних слов никто не услышал. Ударила наша артиллерия, и громовые разрывы, которым, казалось, не будет конца, сотрясли воздух и землю.

Взошла луна. Стало тихо. Пришло подкрепление, и Петракова отвели в тыл. Когда он пришел в себя, то прежде всего спросил:

— Как наши? Как высота?

Ему написали на клочке бумаги:

— Все живы. Ночью высоту взяли.

Ив. ОЛЬХОВИК

ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ

Изумительный подвиг, совершенный 33 бойцами нашего фронта, остановившими колонну 70 немецких танков, облетел все части и подразделения. Защитники Сталинграда с уважением произносят имена этих славных героев.

Вот в какой обстановке сражались храбрецы.

Немцы с хода атаковали позиции, где находились младший лейтенант Стрелков, младший политрук Евтифеев, зам. политрука Ковалев и 30 бойцов. Встретив огневое сопротивление, гитлеровцы отошли и стали искать слабое место в нашей обороне. Врагу удалось нащупать слабину в соседнем подразделении, и немецкие танки ринулись в тыл наших бойцов. Скоро они замкнули кольцо.

33 воина оказались в полном окружении. Положение создалось трудное. Почти для всех их это был первый бой. Многие из них впервые видели живого немца, его танки, самолеты.

Каждый должен был испробовать свои нервы. Не надломится ли воля? Не дрогнет ли душа?

Но слабых волей и малодушных не оказалось.

— Друзья! — сказал заместитель политрука Леонид Ковалев. — Дело обстоит так: или немец нас, или мы его. Я думаю — мы его! Он рвется к Сталинграду. Не видеть ему города, как своих ушей. Будем же драться до последнего вздоха. И если умрем, то со славою и доблестью.

Бойцы дружно поддержали заместителя политрука. Это была непоколебимая клятва, твердая, как гранит. Сознание долга, священная клятва родине руководили воинами на поле боя, рождали умение, дерзость и отвагу.

Вскоре немцы бросили в атаку 70 танков и много мотопехоты.

Когда танки приблизились, меткий огонь открыли бронебойщики. Но фашисты, обходя подбитые машины, лезли вперед. Вот отдельные танки уже у окопа. Один из них перевалил через щель, осыпав бойцов землей. Но дальше он не пошел. Красноармеец Семен Калита высунулся из окопа

и метнул бутылку с горючей смесью. Танк запылал.

Пример Калиты воодушевил всех. В ход пошли бутылки с горючей смесью — этот страшный для врага род оружия в ближнем бою. Калита двумя бутылками зажег еще два танка. Немцы вылезали из горящих машин и падали, сраженные меткой очередью автоматчика Василия Матюшенко. Тремя бутылками сжег три танка младший сержант Владимир Пасхальный.

Чем ближе подходили танки, тем яростнее дрались против них бойцы. И фашисты не сломили их в бою. Враг откатился, оставив 13 горящих танков и свыше трех десятков солдат и офицеров.

Так бесславно закончилась первая атака фашистов. Бойцы не имели потерь. Они на деле теперь убедились, что никакой враг не устоит перед воином, решившим защищать свой рубеж стойко, до последних сил.

Скоро фашисты пошли в новую атаку. Основной удар они направили во фланг связистам. Но рубежи были укреплены с расчетом на круговую оборону. И защищать их бойцы могли с одинаковой силой, откуда бы враг ни сунулся.

Младший политрук Евтифеев приготовил бронебойку, подсчитал патроны. Их осталось 20.

«По два патрона на танк — не больше»,—подумал он.

Танки шли развернутым строем. Подпустив их поближе, Евтифеев выстрелил 6 раз подряд и подбил 4 танка. Связисты по примеру своего командира один за другим выводили из строя вражеские машины.

Но вот кончились патроны. А один танк подошел вплотную к окопу. Сержант Фомичев взял противотанковую гранату. Припав к стенке окопа, Фомичев внимательно следил за танком. Взгляды всех устремлены на сержанта. Танк все ближе и ближе.

Кто-то не вытерпел и крикнул:

— Ну, бросай же, чего ждешь?!

Но Фомичев не спешил. Граната последняя, и ударить ею надо наверняка. Когда танк подошел на расстояние семи метров, Фомичев выпрямился и метнул гранату. Танк остановился.

— Готов! — радостно вырвалось из уст каждого.

Два дня фашисты ожесточенно штурмовали позицию храбрецов. И ни одна атака не удалась. Бойцы зорко следили за врагом, во-время разгадывая его уловки и маневры, смело расстраивали его планы.

33 воина сражались, как львы, не зная усталости. Кончились продукты. Вышла вода. Солнце и степной ветер разжигали жажду. Но богатыри думали не об этом. Им родина приказала держать рубеж. И они два дня держали его, хотя немцы окружили их со всех сторон и положение, на первый взгляд, казалось безвыходным.

Среди тридцати трех не было трусов и паникеров. Каждый дрался с врагом так, как диктовал ему долг воина, патриота своей родины.

По два и три танка сожгли заместитель политрука Леонид Ковалев, младший сержант Михаил Мингалев, младший лейтенант Георгий Стрелков, младший сержант Владимир Пасхальный, красноармейцы Сергей Прошин и Василий Матюшенко.

Многие сожгли по одному танку — старшина Дмитрий Пуказов, красноармейцы Иван Тимофеев, Никифор Иус, Николай Власкин и другие.

И не было среди 33 таких, которые не истребили хотя бы одного немца. Подносчик патронов Филипп Жезлов был ранен (единственный урон, причиненный немцами нашим храбрецам), но и он принял участие в жестоком бою.

33 богатыря выстояли. Они повторили подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, имена которых стали бессмертными в нашем народе. Они сожгли 27 танков и истребили свыше 150 фрицев. Они преградили путь врагу. Они покрыли новой славой наше воинское знамя.

Честь и слава им, доблестным защитникам Сталинграда!

М. РОЗОВСКИЙ

ЛЮДИ ОДНОЙ ВОЛИ

Бойца-узбека Назарова в подразделении считали погибшим.

— Был бы жив — вернулся. Не такой парень Назаров, чтобы сдаться в плен, — говорили его боевые товарищи.

Трое суток спустя, Назаров пришел в свою часть. Точнее, часть пришла к нему. Очищая ложбину за отвоеванной высотой, бойцы продвинулись вперед. Назаров оказался здесь. Смеясь и плача, бежал он навстречу своим. Ствол его винтовки был еще горяч от выстрелов. Когда боец отдохнул, мы узнали подробности трехдневного пребывания Назарова в тылу врага.

Было так. Наступая вместе со своим подразделением на высоту, Назаров оторвался от товарищей. Внезапно могучее «ура», сопровождавшее нашу атаку, стихло. Назаров остановился, осмотрелся. Справа, из амбразуры дзота, стучал немецкий крупно-калиберный пулемет, слева и сзади двигались немцы. Враги не заметили красноармейца. Он стрелой кинулся в какой-то ровик и замаскировался там. Полностью оценил выгодность своего положения. Он видел все, оставаясь незамеченным. Он мог истреблять гитлеровцев одиночными меткими выстрелами, тонущими в общем гуле сражения.

Когда мимо ровика шли одиночные немцы, Назаров, не спеша, прицеливался и стрелял. Гитлеровцы убирали труп и все грозились в сторону высоты, изрыгавшей огонь.

Трое суток без пищи и воды просидел узбек в своем укрытии, и ни разу мысль об отходе не приходила ему в голову. «Все равно, мое подразделение придет сюда», — сам себя успокаивал боец в долгие холодные ночи. Кругом рвались снаряды, засыпая его землей. Назаров улыбался: «Наши бьют!».

Когда под утро четвертых суток наше подразделение пошло в атаку, Назаров покинул свой ровик. Он стал во весь рост. Заложив в винтовку последнюю обойму, с четырех выстрелов уложил четырех гитлеровцев, бежавших на него из окопов, и стремглав кинулся навстречу к товарищам.

Многоязыка, многонациональна армия, ведущая бои с гитлеровцами северо-западнее Сталинграда. Плечо к плечу с уральцами, сибиряками, москвичами, великую русскую реку Волгу, защищают сыны знойного Узбекистана и Таджикистана, казахи, грузины, татары.

Бойцы — участники сражения между Доном и Волгой — знают о славных делах минометного взвода казахов. день боя это подразделение под командой тов. Абишева уничтожило четыре вражеских пулеметных точки, разбило полковую кухню немцев, разогнало, истребило свыше взвода автоматчиков. В историю войдут подвиги танкиста-осетина лейтенанта Гаджиева, двое суток не выходившего из боя на своем легком танке. Прорвавшись в тыл врага, Гаджиев уничтожил семь немецких противотанковых орудий с расчетами. Возвращаясь назад, Гаджиев увидел окоп, в котором укрылось несколько немецких автоматчиков. Окоп был глубок. Пулеметным огнем из танка никак не удавалось истребить

немцев. Тогда Гаджиев открыл люк, вылез из него и метнул в окоп четыре гранаты...

Не умолкает гул сражения в приволжской степи, под Сталинградом. Дрожит истерзанная земля, свистят в холодном, осеннем воздухе пули. Вперед, цепями продвигаются наши бойцы. На штурм очередной высоты, очередного дзота.

Русский, узбек, лезгин, казах, грузин идут в огонь сражений, объединенные одним мужеством, одной волей к победе...

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

ЧЕТЫРЕСТА МЕТРОВ

Четыреста метров сухой, выгоревшей степи лежали между нами и немцами. Но пройти, даже проползти, эти четыреста метров было труднее, чем проделать многокилометровый марш.

Немцы закрепились на двух холмах. Они оборудовали двойную линию окопов, построили блиндажи. У подножия холмов прятались немецкие снайперы, а почью выползали автоматчики, часто стреляли и жгли ракеты.

Наши накапливались в лощине. Ночью пробирались сюда связные из штаба, подносчики боеприпасов и кашевары. В термосах приносили они горячий борщ. Обедали в окопах в необычное время: в 11 вечера и в 4 утра.

Но отсиживаться в лощине было нецелесообразно. Гвардейская часть получила приказ наступать.

Утром, в тумане, подразделения выползли из лощины и тихо, осторожно стали подвигаться к противнику. Они проползли метров сто, может быть, полтораста. Неожиданно поднявшийся ветер сорвал и унес пелену тумана. Немцы увидели наших бойцов. Раздались первые выстрелы.

Тогда командир правофланговой роты решил стремительным броском сломить оборону врага. Он поднял людей в атаку.

— Ура-а! — закричал он. Бойцы подхватили клич.

Но в ту же секунду по правому флангу ударили немецкие пулеметы. Послышались стоны раненых. Отстреливаясь, люди стали отползать к лощине. Атака не удалась.

И только одна группа во главе с младшим лейтенантом Терентьевским, увлеченная порывом, прорвалась на линию немецких окопов, и там завязалась рукопашная схватка.

Получилось так: когда противник обрушил весь огонь на правый фланг наступавших, Терентьевский ударил слева, и немцы не успели отразить его стремительную атаку.

Работая штыком и прикладом, добивая скорчившихся в окопах фашистов, гвардейцы по ходам сообщения проникли в глубину обороны врага, заняли два блиндажа, захватили пулемет, десятка три автоматов, ящики и ленты с патронами. Они даже вырвались на гребень холма...

И только тут, оглянувшись, Терентьевский увидел, что он, по существу, один с горсткой красноармейцев. Справа, и слева, и впереди—немцы. Узкая каемка степи, по которой он со своими бойцами только-что прошел от лощины к холму, была единственным выходом. Но и эта дорога простреливалась с соседнего бугра.

Терентьевский молод, но ему доводилось бывать в крутых переплетах. Он научился владеть собой. Высунувшись из окопчика и окинув взглядом место сражения, он нарочито громко сказал:

— Отлично. Теперь закурим и примем решение.

Он свернул папиросу, но, прежде чем закурить, отдал приказ расставить пулеметы и расположить автоматчиков таким образом, чтобы в случае контратаки немцы наткнулись на стену огня. Потом Терентьевский распорядился выбросить из окопов трупы немецких солдат.

— И вообще навести порядок, — приказал он.

Рядом с младшим лейтенантом в окопе находился красноармеец Сизов, рослый, широкоплечий туляк, добродушный и в то же время упрямый человек.

— С немецким пулеметом обращаться умеете? — спросил его командир.

— А что же, могу, — ответил Сизов.

Терентьевский указал на трофейный пулемет:

— С этой машинкой будете прикрывать выход. Немцы, наверное, попытаются отрезать нас с тыла, а вы их не пускайте. Ясно?

— Так точно. Ясно...

Отбив атаку части, немцы сосредоточили теперь весь свой огонь, всю свою ярость на группе Терентьевского. Они рассчитывали быстро покончить с этой небольшой, оторванной от своих главных сил горсткой советских бойцов и около полудня предприняли лобовую контратаку. Но пулеметы, толково расставленные младшим лейтенантом, и железная выдержка гвардейцев, разрушили планы противника. Бойцы

отразили контратаку. Немцы откатились, потеряв убитыми около пятидесяти солдат и трех офицеров.

Терентьевский твердо решил держаться. Ведь им было сделано самое главное: пройдены эти непроходимые четыреста метров.

В сумерках немцы стали со всех сторон подбираться к окопам, в которых засели гвардейцы. Против обыкновения они не зажигали ракет. Они подбирались в потемках, и время от времени из мрака доносились слова на ломаном русском языке:

— Сдавайтесь, вы окружены, сопротивление бесполезно!

Враг, действительно, пытался совсем окружить гвардейцев, зайти с тыла, чтобы отрезать единственный выход в лощину. Но Сизов, помня наказ своего командира, ударил из трофейного пулемета, и замкнуть кольцо немцам не удалось. Тем не менее они продолжали выкрикивать:

— Сопротивление бесполезно! Сдавайтесь!

— Сейчас сдадимся! — насмешливо отвечали гвардейцы и подкрепляли свой ответ огнем автоматов.

Уже совсем стемнело, когда со стороны лощины к окопам подполз человек. Сизов признал в нем сержанта Тишкевича. Сержант тянул за собою катушку провода.

— Послан установить связь, — коротко доложил он младшему лейтенанту.

Через несколько минут в окопчике Терентьевского был установлен аппарат полевого телефона, а еще через минуту младший лейтенант услышал знакомый голос своего командира.

— Терентьевский, дорогой, вы молодец! Держитесь крепче. Ни шагу назад.

— Есть ни шагу назад, — ответил младший лейтенант.

С телефоном ему стало как-то веселее.

Ночью никто из гвардейцев не сомкнул глаз, и немцам так и не удалось приблизиться к занятым советскими бойцами окопам.

К утру из штаба части сообщили:

— Начинаем. Помогайте огнем...

Часть снова пошла в атаку. Терентьевский открыл огонь, чтобы отвлечь внимание немцев. Но противник, очевидно, тоже готовился к утру. Немцы подтянули свежие силы, установили на холме минометы и снова встретили наших бойцов огнем. Снова не вышла атака...

Перед вечером наши опять пошли в наступление, чтобы, наконец, преодолеть эту полосу в четыреста метров. И тогда-то младший лейтенант Терентьевский решился на смелый ход. Он поднял своих бойцов, чтобы атаковать немцев с фланга.

«Ура», раскатившееся по степи, было подхвачено и на холме. Гвардейцы бросились на фашистов, смяли и опрокинули засевших на фланге вражеских пулеметчиков...

Бросая оружие, немцы покатились с холма. Наша часть ворвалась в их окопы. Гранаты прикапчивали последних немцев, укрывшихся в блиндажах. Уже вслед отступающему противнику учащенно стреляли пулеметы, и «ура» — победное, ликующее — снова прокатилось над степью...

Четыреста метров непроходимой степи были пройдены. И отсюда, с холмов, в наступающих сумерках гвардейцам было видно зарево над Сталинградом...

Л. КУДРЕВАТЫХ

В ОГНЕ

После трехчасового полета машина идет на посадку.

Вот она, Волга, воспетая в песнях русская река! Враг рвется к ней, сквозь огневую завесу, созданную нашими войсками, рвется к важному волжскому центру — Сталинграду.

До места боев за Сталинград отсюда далеко, но война чувствуется во всем. Бегут к фронту до отказа нагруженные боеприпасами и продовольствием машины. Гудят сирены пароходов, тянутся караваны барж.

В прифронтовые города прибывают бойцы и командиры, участники боев под Сталинградом. Их рассказы передаются из уст в уста. В нашей полуторатонке оказались лейтенант Попов и старший политрук Печенин. Они были в Сталинграде и под Сталинградом. Попов ведет борьбу с воздушными пиратами, которые ежедневно обрушивают на город и его защитников множество бомб. Печенин приезжал в большой волжский город, чтобы приобрести для своих бойцов, обороняющих каждый лестничный проход в Сталинграде, патефон, гитару, скрипку, книги, бумагу, конверты, карандаши.

— Прибавьте еще и мою мандолину, — сказала орловская учительница Левушкина, живущая теперь в одной из

приволжских деревень и с широким гостеприимством устроившая для нас ночлег. — У меня единственный сын в армии. Мандолина это его любимая.

Путь к местам боев под Сталинградом лежит по степям, через балки, перерезающие эту спаленную солнцем с небольшими курганами и высотками равнину. Опустелые редкие селения жмутся к балкам. Здесь ближе к воде, а вода в степи — это хлеб и даже больше, чем хлеб. Хлеба можно запасти на год, а воду нужно заготовлять каждый день, а летом в степи зной, зимою же негде укрыться от мороза и вьюги.

Ефрейтор Анатолий Колпков, ивановский рабочий, возвращающийся после ранения, начинает разговор о недавнем бое в степи.

— Спрятаться негде, укрыться нельзя, — говорит он. — Земля тверда, как камень, окопами и ходами сообщения всю степь не изроешь.

Бои идут напряженные, кровопролитные. Враг создал северо-западнее Сталинграда сложную систему обороны. Он сосредоточил здесь огромное количество огневых средств и держится за каждый холмик, за каждый бугорок, стараясь замедлить приближение помощи, которую несут героическим защитникам Сталинграда бойцы Красной Армии, наступающей с северо-запада.

Ни днем, ни ночью не смолкают бои. Они идут широким фронтом от берега Волги до берегов Дона.

В последних горячих боях Н-ская часть, отбросив немцев на 200 метров, заняла переднюю линию окопов противника.

Сражение развертывалось на равнине, малейшее движение бойцов враг видел и немедленно открывал огонь из пушек, минометов, пулеметов, автоматов. Поэтому действовать нужно было дружно, одним броском, добиваясь полной согласованности всех родов оружия.

Пехота поднялась, когда еще не стих гул огневого вала. Уцелевшие немецкие огневые точки открыли шквальный огонь по наступающим. Командир минометного подразделения т. Какадзе, пошел вперед вместе с боевыми порядками пехоты и на ходу корректировал огонь минометов, направляя его главным образом на минометные и пулеметные точки врага. Шесть пулеметных и три минометных огневых точки противника были подавлены.

Теперь путь для пехоты стал свободнее. Пехотные подразделения, уже несколько раз залегавшие под заградитель-

ным огнем врага, нашли для себя проходы, ринулись к вражеским окопам. Над степью прозвучал голос младшего лейтенанта Князева:

— За Сталина, за родину, за наш Сталинград! Вперед!

Князев первым ворвался во вражеские окопы и в горячем бою сам приколол и пристрелил шестерых немцев. На другом фланге одними из первых достигли окопов бойцы отделения, которым командует коммунист Горохов. Они действовали гранатой, штыком, прикладом и, очистив окопы от врага, прочно в них закрепились.

Так на одном участке северо-западнее Сталинграда линия нашего фронта приблизилась на 200 метров к героическим защитникам города-воина.

Свыше тысячи убитых немцев, разрушенные дзоты и блиндажи, разбитые пушки, минометы, пулеметы, противотанковые орудия, автомашины — таков итог боевых действий этой нашей части за последние пять дней.

За эти же пять дней немцы в районе действий части потеряли 23 танка. Большинство немецких танков подбили и сожгли наши танкисты.

Кроме немецких машин, танкисты раздавили и уничтожили значительное количество пехоты, много пушек и минометов противника.

Экипаж младшего лейтенанта Махонина ввязался в поединок с 12 вражескими танками. Бой продолжался несколько часов. Немцы, надеясь захватить наш танк, завлекали его в глубь своей обороны. Махонин смело пошел на это. Но по пути он выводил из строя один немецкий танк за другим. Когда четыре немецких танка были подбиты и запылали в степи, остальные отказались от борьбы и ушли. Махонин развернул свою машину и направился к своим, раздавив при этом четыре немецких пушки и немало гитлеровцев.

Только на вторые сутки танк Махонина возвратился в расположение части. Весь экипаж оказался тяжело раненым. Но он мужественно дрался, зная, что выполняет великую миссию — защищает Сталинград.

Степь горит. Едким дымом окутаны земля и река. Это идут грандиозные бои за Сталинград, за Волгу.

ВАС. ГРОССМАН

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА

Месяц тому назад одна наша гвардейская дивизия своими тремя стрелковыми полками, с артиллерией, обозами, санитарной частью и тылами подошла к рыбачьей слободе на восточном берегу Волги, напротив Сталинграда. Марш был совершен необычайно стремительно — на автомашинах. День и ночь пылили грузовики по плоской заволжской степи. Коршуны, садившиеся на телеграфные столбы, становились серыми от пыли, поднятой движением сотен и тысяч колес и гусениц, верблюды тревожно озирались: им казалось, что степь горит, — могучее пространство все клубилось, двигалось, гудело, воздух стал мутным и тяжелым, небо заволокло красной ржавой пеленой, и солнце, словно темная секира, повисло над тонущей во мгле землей.

Дивизия почти не делала остановок в пути, вода вскипала в радиаторах, моторы грелись, люди на коротких остановках едва успевали глотнуть воды и стряхнуть с гимнастерок тяжелую, мягким пластом ложившуюся пыль, как раздавалась команда: «По машинам!», и снова моторизованные батальоны и полки, гудя, двигались на юг.

Стремительность движения захватила всех — и бойцов, и водителей, и артиллеристов. Только генералу Родимцеву, казалось, что его дивизия движется слишком медленно, он знал, что в эти дни немцы подошли вплотную к Сталинграду. И генерал торопил дивизию, сокращал и без того короткие остановки. Напряжение его воли передавалось тысячам людей — им казалось, что вся их жизнь состоит в стремительном, день и ночь длящемся походе.

Дорога повернула на юго-запад, и вскоре стали попадаться клены и вербы с красными стройными ветвями, с узкими серебристо-серыми листьями, вокруг раскинулись большие сады, засаженные приземистыми яблонями. И одновременно с приближением к Волге, дивизия увидела темное высокое облако — его нельзя было спутать с пылью, оно было зловещим, тяжелым и черным, как смерть: то поднимался над северной частью города дым горящих нефтехранилищ. Боль-

шие стрелы, прибитые к стволам деревьев, указывали в сторону Волги, на них было написано: «Переправа».

Дивизия подошла к Волге в грозные для Сталинграда часы. Нельзя было дожидаться ночной переправы — люди торопливо сгружали с машин ящики с оружием и патронами, вместе с хлебом получали гранаты, бутылки с горючей жидкостью, сахар, колбасу.

Нелегкая вещь быстро переправить через Волгу дивизию, когда в небе носятся желтые осы — «мессеры», когда немецкие пикировщики бомбят берег...

По дух стремительного движения, принятый дивизией на марше, воля к сближению с противником помогли справиться с этой задачей. Люди грузились на баржи, паромы, лодки. «Готово?» — спрашивали гребцы. «Полный, вперед», — кричали капитаны катеров, и серенькая, подвижная полоска зыбкой воды, между бортом и берегом вдруг начинала расти, шириться, волна тихо поплескивала у носа суденышка и сотни глаз напряженно, внимательно глядели, то на воду, то на поросший, начавший желтеть листвой низовой берег, то туда, где в беловатой дымке высился сожженный город, принявший жестокую и героическую судьбу.

Баржи колыхались на волне, и людям стрелковой, земной дивизии иногда становилось страшно от того, что враг всюду, а они встречаются с ним, не чувствуя успокаивающей прочности земли под ногами. Невыносимо прозрачен и чист был воздух, невыносимо ясно синее небо, безжалостно ярким казалось солнце, обманчиво неверной текучая, плоская вода. И никого не радовало, что воздух чист, что ноздри ощущают речную прохладу, что воспаленных от пыли глаз касается нежная влажность дыхания Волги. На баржах, паромах, катерах и лодках молчали. Головы тревожно поворачивались, все глядели на небо.

— Пикирует! — крикнул кто-то.

Метрах в пятидесяти от баржи вдруг выгнало из воды высокий и тонкий голубовато-белый столб с рассыпчатой вершиной. Столб обвалился, обдав людей обильными брызгами. И тотчас еще ближе вырос и обрушился второй столб, за ним третий. А в это время немецкие артиллеристы открыли беглый огонь по начавшей переправу дивизии. Снаряды рвались на поверхности воды, и Волга покрывалась рваными пенными ранами, осколки застучали по бортам баржи, тихо вскрикивали раненые, так тихо, словно старались скрыть ранение от друзей, врагов, самих себя.

Был страшный миг, когда тяжелый снаряд ударил в борт небольшого парома. Блеснуло пламя, темным дымом закрыло паром, послышался звук взрыва и протяжный, точно родившийся из этого грохота, людской вскрик. И тотчас тысячи людей увидели, как среди покачивающихся на воде древесных обломков зеленеют тяжелые стальные каски плывущих. Двадцать гвардейцев из сорока на пароме погибли.

Ночью переправа продолжалась, и никогда, пожалуй, сколько существует свет и тьма, люди так не радовались мраку сентябрьской ночи. Генерал Родимцев провел ее в напряженной деятельности.

За время войны Родимцеву пришлось пройти через много испытаний. Его дивизия дралась под Киевом, она выбивала из Сталинки прорвавшиеся эсэсовские полки, она не раз разбивала кольцо окружения, переходя от обороны к бешеным атакам. Темперамент, сильная воля, спокойствие, быстрота реакции, уменье наступать, когда всякому другому кажется, что о наступлении и мечтать нельзя, военная опытность и осторожность, сочетающиеся с личным бесстрашием, — черты военного характера молодого генерала. И характер генерала стал характером его дивизии.

Мне часто приходилось встречать в армии больших патриотов своего полка, батареи, танковой бригады. Но нигде, пожалуй, не видел я такой привязанности к своей части, такого патриотизма, как здесь. Он носит трогательный характер. В дивизии гордятся, конечно, в первую очередь своими боевыми делами, гордятся своим генералом, своей техникой. Но если послушать командиров, то нигде нет такого повара, умеющего мастерски печь пирожки, такого парикмахера, который не только замечательно бреет, но и артистически играет на скрипке. Когда кого-нибудь хотят пристыдить, говорят: «Что ты, ей богу, делаешь, ведь в нашей-то дивизии...» Часто также слышишь: «Вот скажу генералу... генерал будет доволен... генерал будет огорчен.» Ветераны, как они себя называют, рассказывая о больших военных делах, обязательно вставят в разговор: «Да уж так повелось, наша дивизия всегда дерется на самых ответственных участках». Раненые в госпиталях беспокоятся, как бы их не отправили в другую часть, пишут письма товарищам...

Может быть, в эту ночь, когда последние подразделения переправились в Сталинград, генерал подумал, что дружба, связывающая людей, поможет ему воевать в этой исключительно своеобразной и тяжелой обстановке.

Действительно, трудно было бы придумать более сложную и неблагоприятную картину начала боя. Дивизия, вступая в Сталинград, разделялась на три части: во-первых тылы ее и тяжелая артиллерия оставались на восточном берегу, отделенные от полков Волгой; во-вторых, полки, переправившиеся в город, тоже не могли держать сплошной линии фронта, так как немцы уже стояли между двумя полками — переправившимися в заводском районе и полком, переправившимся ниже по течению.

Я убежден, что именно это чувство своего «дивизионного» патриотизма, любовь, привычка, связывающая командиров, воинское единство военного стиля, единство характера дивизии и ее командира в большей степени помогли разъединенным подразделениям действовать не вразброд, а как стройному целому, установить связь, взаимодействие и, в конце концов, блестяще решив общую боевую задачу, создать непрерывную линию фронта всех трех полков и образцово наладить снабжение боеприпасами и продовольствием.

В самом городе положение было тяжелым: немцы считали, что занятие Сталинграда вопрос дня, может быть часов. Главной силой обороны являлась, как часто это бывает в тяжелые времена, наша артиллерия. Немцы боролись с ней с помощью автоматчиков — условия уличных боев позволяли незаметно подкрадываться к пушкам и внезапными очередями выбивать расчеты. Немцы вот-вот собирались вырваться к берегу и опрокинуть нас в Волгу. Но недаром день и ночь шли в клубах пыли машины, недаром шли вперед полки...

На утро генерал Родимцев переправился в Сталинград на моторной лодке. Что должна была предпринять дивизия, вступившая в строй обороняющих Сталинград войск? Дивизия, тыл который находился за Волгой, командный пункт в пяти метрах от воды, а один полк был «отжат» немцами от остальных полков. Занять оборону, начать срочно окапываться, укрепляться в домах? Нет, не это. Положение было настолько тяжелым, что Родимцев прибег к иному, грозному, уже испытанному им под Киевом средству—он начал наступать! Наступать всеми полками, всеми средствами своего могучего огня, всей силой своего умения, всей стремительностью. Он начал наступать всей силой горького гнева, охватившего тысячи людей, увидевших в красном свете восходящего солнца тяжко-израненный немцами город, с его белыми домами, чудесными заводами, широкими улицами и площадями. Солнце восхода, словно огромный налившийся кровью скорби и гнева

глаз, смотрело на бронзового Хользунова, на орла с одним простертым крылом над обвалившимся зданием детской больницы, на белые фигуры наших юношей, выделяющихся на бархатно-черном фоне покрывшегося копотью пожара здания дворца физкультуры, на сотни молчащих, ослепленных домов. И такими же налитыми кровью гнева и скорби глазами смотрели на изуродованный немцами город тысячи людей, переправившихся через Волгу.

Немцы не ожидали наступления, немцы настолько были уверены в том, что методически отжимая наши войска к берегу, сбросят их в Волгу, что не закрепляли капитально занятого пространства. Гвардейский полк Елина и два других штурмовали занятые немцами улицы города. Они не ставили себе первой целью соединиться. Первой их целью было бить противника, отнять у него то, что создавало выгодные условия немецких позиций. Полк Елина пошел на штурм, не видя двух своих товарищей-полков. Но полк чувствовал и верил, что он не один принял тяжкий жребий. Он чуял дыхание двух гвардейских полков, близко рядом, возле себя. Он слышал их тяжкую поступь, грохот их артиллерии звучал, как братские голоса, дым и пыль сражения, взметнувшиеся высоко в воздух, говорили о движении гвардии вперед.

Полк Елина штурмом взял огромные здания — опорные пункты немцев.

Никогда еще не приходилось вести таких боев. Здесь все общепринятые понятия сдвинулись, сместились, словно в город над Волгой шагнули леса, степные овраги, горные ручьи и ущелья, равнинные холмы. Здесь словно воедино собрались особенности всех театров войны—от Белого моря до Кавказских гор. Одно отделение в течение дня переходило из-за кустарников и деревьев, напоминавших рощи Белоруссии, в горную расщелину, где в полумраке нависающих над узким переулком стен приходилось пробираться по каменным глыбам обвалившегося брандмауэра, еще оно выходило на залитую асфальтом огромную площадь, во сто крат более ровную, чем донская степь, а к вечеру ему приходилось ползти по огородам среди вскопанной земли и полуобгоревших поваленных заборов, совсем как в дальней курской деревеньке. И эта резкая смена требовала постоянного напряжения командирской мысли, быстрой перестройки всех приемов боя. А иногда часами длились упорные штурмы домов, бои происходили в заваленных кирпичем полуразрушенных комнатах и коридорах, где сражающиеся путались ногами в сорванных проводах, среди измятых остовов железных кроватей, кухон-

ной и домашней утвари. И эти бои не были похожи ни на один театр войны от Белого моря до Кавказа.

В одном здании немцы засели так прочно, что их пришлось поднять на воздух вместе с тяжелыми стенами. Шесть человек сапер под лютым огнем, чующих смерть немцев, подносили на руках 10 пудов взрывчатки и произвели взрыв. И вот на миг представляешь себе эту картину: лейтенанта сапера Чермакова, двух сержантов Дубового и Бугаева, саперов Клименко, Шухова, Мессерашвили, ползущих под огнем вдоль развалённых стен, каждого с полуторапудовым запасом смерти, их потные, грязные лица, их потрепанные гимнастерочки. Сержант Дубовый крикнул:

— Не дрейфь, саперы! — и Шухов, кривя рот, отплевываясь пыль, отвечал:

— Где уж тут! Дрейфить раньше надо было.

А пока Елин победоносно занимал здание за зданием, другие два полка штурмовали курган—место, с которым многое связано в истории Сталинграда, — оно известно со времен гражданской войны. Здесь играли дети, гуляли влюбленные, катались зимой на санях и на лыжах. Место это на русских и немецких картах обведено жирным кружком. Когда его заняли немцы, то генерал Готт, вероятно, сообщил об этом, радостной радиограммой германской ставке! Там оно значится, как «господствующая высота, с которой просматриваются Волга, оба ее берега и весь город». А на войне то, что просматривается, то и простреливается. Страшное это слово — господствующая высота. Ее штурмовали гвардейские полки.

Много хороших людей погибло в этих боях. Многих не увидят матери и отцы, невесты и жены. О многих будут вспоминать товарищи и родные. Много тяжелых слез прольют по всей России о погибших в боях за курган. Недешево далась гвардейцам эта битва. Красным курганом назовут его. Железным курганом назовут его — весь покрылся он колючей чешуей минных и снарядных осколков, хвостами-стабилизаторами германских авиационных бомб, темными от пороховой копоти гильзами, рубчатыми, рваными кусками гранат, тяжелыми стальными тушами развороченных германских танков. Но пришел славный миг, когда боец Кептя сорвал немецкий флаг, бросил его оземь и наступил на него сапогом.

Полки дивизии соединились. Невиданно тяжелое наступление завершилось успехом. Этим как бы закончился первый период боевой работы дивизии в Сталинграде. Фронт, занятый ее полками, сплошной линией прошел по выгодным и устойчи-

вым рубежам. Люди обогатились в этих боях огромным, бесценным опытом, который нельзя было почерпнуть ни в одной академии мира.

Начался второй период тяжкой битвы — оборонительная война, с десятками внезапностей, мощными атаками немецких танков, жестокими налетами пикировщиков, контратаками наших подразделений, снайперская война, в которой участвуют все виды огня от винтовки до тяжелой пушки и пикирующего бомбардировщика, новый период со своим изумительным, странным, ни на что не похожим бытом. Ведь шли не только часы, шли дни и недели жизни в этом дымном аду, где ни на минуту не смолкали пушки и минометы, где гул танковых и самолетных моторов, цветные ракеты, разрывы мин, стали так привычны городу, как некогда были привычны дребезжание трамвая, автомобильные гудки, уличные фонари, многоголосый гул тракторного завода, деловитые голоса волжских пароходов. И здесь, ведущие битву, создали свой быт — здесь пьют чай, готовят в котлах обеды, играют на гитаре, шутят, следят за жизнью соседей, беседуют. Здесь живут люди, чей характер, привычки, склад души и мысли — плоть от плоти народа, пославшего на трудный подвиг своих сыновей.

Мы пошли на командный пункт дивизии в девять часов вечера. Темные воды Волги были освещены разноцветными ракетами, они на невидимых стеблях склонялись над истерзанной набережной, и вода, то казалась шелковисто-зеленой, то фиолетово-синей, то вдруг становилась розовой, словно вся кровь великой войны впадала в Волгу.

— Слышь, обед приносили? — спрашивает боец, сидящий у входа в блиндаж. Из темноты отвечает голос:

— Давно пошли, да вот нет их обратно. Либо залегли где, либо не дойдут уже вовсе. Сильно очень бьет около кухонь.

Командный пункт дивизии размещен в глубоком подвале, напоминающем горизонтальную штольню каменноугольной шахты: штольня выложена камнем, креплена бревнами, как в заправской шахте, по дну ее журчит вода. Здесь, где все понятия сместились, где продвижение на метры равносильно многокилометровым боевым движениям в полевых условиях, где иногда расстояние к засевшему в соседнем доме противнику измеряется двумя десятками шагов, естественно, сместилось и взаиморасположение командных пунктов дивизии. Штаб дивизии находится недалеко от противника, соответственно расположены командные пункты полков и батальонов. «Связь с полками в случае прорыва, — шутя говорит работ-

ник штаба, — легко подержи́вать голосом, крикнешь — услышат. А оттуда голосом в батальон передадут». Но обстановка командного пункта такая же, как обычно, — она не меняется, где бы ни стоял штаб: в лесу, во дворце, в избе. И здесь, в подземелье, где все ходит ходуном от взрывов мин и снарядов, сидят склонившись над картой, штабные командиры, и здесь, ставший традиционным во всех очерках с фронтов войны связист кричит: «Я—луна, я—луна», и здесь, скромно держа в руке махорочную папиросу, и стараясь не дышать в сторону начальства, сидят в углу связные. И сразу же здесь, в штольне, освещенной бензиновыми лампочками, чувствуется, что к одному человеку тянутся все нити проводов из разрушенных домов, заводиков, мельниц, занятых гвардейской дивизией, что к одному человеку обращены вопросы командиров.

В штольне, словно у основания плотины, сдерживающей страшный напор рвущихся к Волге вражеских сил, пол, стены, потолок — все дрожит от напряжения, от тяжести взрывов бомб и удара снарядов: дребезжат телефоны, пляшет пламя в лампах, и огромные неясные тени судорожно движутся на мокрых каменных стенах. А люди спокойны — они здесь, в этом горниле, были вчера, были месяц назад, будут завтра. Сюда несколько ночей назад прорвались немцы и бросали под откос ручные гранаты — пыль, дым, осколки летели в штольню, из тьмы доносились выкрики команды на чуждом, лишь звучащем здесь, на волжском берегу, языке. И командир дивизии Родимцев оставался в этот роковой час таким же, как всегда: спокойным, с немного насмешливой речью, каждым размеренным своим словом, закладывающий увесистый камень в пробитую вражеской силой плотину. И вражеская сила отхлынула.

Мы беседуем с генера́лом Родимцевым. Он говорит:

— Дивизия вошла в ритм битвы.

За время нашего разговора телефоны звонили раз десять, и генера́л чуть-чуть поворачивал голову, говорил два-три слова дежурному по штабу. И в этих коротких словах, произносимых легко, будничпо, словах боевых приказов, была торжественная сила человека, овладевшего ритмом боевой бури, человека, диктовавшего этот ритм дивизии, которой он командует.

Заместитель генера́ла отдавал последние распоряжения перед штурмом одного из домов, занятых немцами. Этот большой пятиэтажный дом имел большое значение, из его окон немцы просматривали Волгу и часть берега.

План штурма меня поразил множеством деталей, сложностью разработки. На аккуратно сделанном чертеже, был нанесен дом и все соседние постройки. Условные значки показывали, что во втором этаже, в третьем окне находится ручной пулемет, на третьем этаже в двух окнах сидят снайперы, а в одном расположен станковый пулемет—словом, весь дом был разведан по этажам, по окнам, по черным и парадным подъездам. В штурме этого дома участвовали минометчики, гранатометчики, снайперы, автоматчики. В этом штурме участвовала полковая артиллерия и мощные пушки, находившиеся на том берегу, в Заволжье. У каждого рода оружия была своя задача, строго сопряженная с общей целью, взаимная связь, управление осуществлялось системой световых сигналов, по радио, телефонами.

...Глубокой ночью мы ехали вдоль Сталинграда на моторной лодке. Шесть километров дороги, несколько десятков минут по широкой волжской воде.

Волга кипела, синий пламень разрывов германских снарядов вспыхивал на волнах, выли несущие смерть осколки, угрюмо гудели в темном небе наши тяжелые бомбардировщики. Сотни светящихся, вьющихся трасс. окрашенных в синий, красный, белый цвета тянулись к ним от германских зенитных батарей, бомбардировщики изрыгали по немецким прожекторам белые трассы пулеметных очередей. Заволжье. казалось, потрясало всю вселенную могучим ревотаньем тяжелых пушек, всей силы великой нашей артиллерии. На правом берегу земля дрожала от взрывов, широкие зарницы бомбовых ударов вспыхивали над заводами, земля, небо, Волга — все было охвачено пламенем. И сердце чуяло — здесь идет битва за судьбы родины, здесь ровно, торжественно, среди пламени сражается наш народ.

ЕВГЕНИЙ КРИГЕР

СТАЛИНГРАД В БОЮ

По мере приближения к берегу Волги в том месте, где работает переправа на Сталинград, вы начинаете все яснее и яснее понимать, что здесь не обычный участок фронта, что никогда до сих пор вам не приходилось не только видеть такое, что предстоит увидеть здесь, но даже читать о чем-нибудь подобном в военных трудах и описаниях. Сама дорога ежеминутно напоминает вам об этом. На ветхих дощатых избах громадными, во всю стену, буквами написано: «Отстоять Сталинград!» В селах от стены к стене, от дерева к дереву, от забора к забору повторяется: «Наша Волга! Наш Сталинград!» И все окрестности, песчаные дороги в клубах дыма и желтой пыли, оголенные первыми холодами сады, рыбацкие поселки с сохнувшими на берегу лодками, вся степная приволжская ширь, озаренная зловещими огнями, притихшая на краю великой битвы, взывает — отстоять, отстоять, отстоять, отстоять!

Военная дорога не оставляет вас в покое ни на минуту. То она обращается к идущим к Волге войскам: «Смелость — душа победы!» То бросает в моторный гул и рев, в скрежет переключаемых скоростей, в походную страду колонн и обозов: «Водитель! Ты доставляешь боеприпасы защитникам Сталинграда. Не медли. В твоих руках — их жизнь и бой!» И снаряды, мины, патроны идут безостановочно, днем и ночью, битва поглощает их жадно, десятками грузовиков, баркасами, баржами, и город в степи становится крепостью.

Чем ближе к берегу, тем строже и лаконичнее лозунги длиннее дистанции между колоннами и автомобилями, и все чаще попадается на поворотах и перекрестках короткое слово «переправа» со стрелкой в сторону Волги. До переправы еще далеко, однако новый человек так много наслышан о ней, что невольно охватывает его смутное чувство тревоги и нетерпеливого ожидания. Еще в степи одни говорили, что нужно переправляться только ночью и лучше на лодках, по которым немцу бить труднее, особенно в дымзавесе. Другие, напротив, советовали дождаться баржи, она идет дольше, но зато мины не причинят ей большого вреда, как бы ни расковыряли ее, а

все будет держаться на воде. Третьи рекомендовали во всем положиться на русскую реку, ее смелых паромщиков, капитанов и лодочников. Но из всего, что говорили о переправе более решительные, или более осторожные люди, из народной молвы, идущей по длинным степным дорогам Заволжья, складывалось одно общее, поглощающее все мысли и чувства впечатление — не сама по себе переправа, как бы опасна она ни была, волнует воображение сотен и тысяч людей, а то, что река в этом месте отделяет все виденное и пережитое до сих пор на войне от того нового, великого и героического, имя чему — Сталинград в обороне.

Все, что движется навстречу, оттуда, со стороны Волги, привлекает к себе ваше пристальное внимание. На мохнатой лошаденке, отчаянно понукая ее, неловко вскидывая локтями, проскачет краснофлотец, и вы вспомните, как на днях бронекатера Волжской флотилии подошли к берегу, где скопилась большая группа наших раненых бойцов, огнем своих пушек прикрыли посадку раненых на катера и полным ходом, взрыв винтами воду, продолжая бить из орудий, вынесли раненых из прибрежного ада к спасению, к жизни, к хирургам. Проедет на бричке пехотный командир в зеленом маскировочном костюме с бурыми пятнами, он дремлет, и лицо у него тоже бурое от пыли и дыма, и, видно, вырвался он из такого места, что теперь все ему нипочем, он спит, как бы ни тряслась его бричка. И у раненых то же выражение успокоенности, их не испугает и не остановит одиночный взрыв бомбы в стороне от дороги. Они видели кое-что посерьезней, а здесь-то все для них мир и покой, они тихо бредут по степи и на вопросы встречных о положении в городе отвечают:

— Страсть как жмет! Да, ничего, держимся. Небось, морда у него в крови. А ты туда?

— Туда.

Простое слово «туда» звучит у обоих серьезно и строго, и, помолчав, раненый говорит:

— Ну, давай. Там сам увидишь. Смотри, не дрейфь. Трусов там не любят.

* * *

Вперед проходит целый караван рыбацких лодок на подводах, и вы снова вспоминаете о переправе. Но теперь вы уже стыдитесь своего тревожного чувства. После захода солнца быстро темнеет, и тогда со стороны Волги встает над степью воспаленное, багровое, страшное небо Сталингра-

да, и уже никто из идущих не может оторвать от него взгляда.

— Это он?

— Он.

Зарево вздрагивает и трепещет, небо здесь как будто дышит огнем. С наступлением темноты дорога оживает, колонны войск выходят на нее из укрытий, движутся пушки, грузовики со снарядами и с хлебом, с медикаментами и с газетами, — город в огне, город в крови, но он живет, потребности его велики, и к ним относятся свято.

Но вот и река. Еще издали она ворочала в воздухе тяжелые глыбы звуков, то грузных, как обвал в горах, то внезапных и быстрых, как шипение нападающей змеи. Теперь стал виден источник гарева и гула, вот уже второй месяц висящих над степью. Это Сталинград. Это бой в Сталинграде. 23 августа немцы обрушили на город первый невероятный и подлый своей преднамеренной жестокостью бомбовый удар. Три четверти города были в огне и в развалинах. Свыше тысячи самолетов бомбили город, разрушая прекрасные площади и светлые дома. И когда немцы решили, что города больше нет, — измученный, израненный город встал, поднялся и вышел на бой. Более высокого примера стойкости история не знает. Второй месяц пылает над Волгой, над Россией, над миром, жертвенный огонь Сталинграда. Немцы сбрасывают над городом листовки: «Сдавайтесь!» Листки грязной немецкой бумаги превращаются в пепел еще на высоте в тысячу метров — город сжигает их своим гордым огнем. У Сталинграда есть старший брат — Севастополь. Но в Сталинграде нет крепостей, нет скал и пещер, он вытянулся узкой полосой на голой, открытой со всех сторон земле, и за спиной у него — Волга. И все же растерзанный бомбами город вышел на бой, и десятки гитлеровских дивизий уперлись в него, как в скалу, скребут танками, долбят самолетами, подтачивают минами, тысячами солдатских трупов падают к его ногам, но город стоит, город сражается.

Вот он перед нами. Города не видно. Виден огонь. Дома, улицы, как будто плавятся в медленном пламени. На фоне багрового неба видны скелеты зданий, бесформенные массивы разрушенных стен, желтые огненные дыры окон и дверей. Кажется, что там нет и не может быть ничего живого. Но из клокочущего пламени поминутно выпархивают зеленые, красные, белые ракеты, с остервенением ввинчиваются в небо трассирующие пули, мечутся голубые лучи прожекторов, немецких и наших, шарахаются и вдруг обрываются

светящиеся жгуты пулеметных очередей, — там люди, там войска, там бой.

На этой стороне Волги идут приготовления к переправе очередной группы войск. Никакой дымзавесы не нужно, река и так в дыму. Слышны сигнальные рожки, как на станционных путях, скрипят во мгле канаты, стучат конские копыта по деревянному трапу, фыркают заводимые моторы автомобилей, расторопный буксирный пароходик «Абхазец» развернул громадную баржу под погрузку. Все это делается в кромешной темноте, почти наощупь, приказания отдаются приглушенным голосом, и все мы выполняем их поспешно и молча и не можем оторвать взгляда от пылающего, гремящего залпами города. На лицах у нас бродят багровые огненные блики. Вдруг вся масса людей на несколько минут замирает. Пронзительный вой и треск. Над берегом рвется немецкий снаряд.

— По всему берегу щупает. Ничего. Скоро заткнется.

Это говорится спокойно, пренебрежительным тоном бывалого человека, но человек этот очень еще молод. Комлев был начинающим журналистом в провинции, а теперь война направила его сюда, под Сталинград, на борт волжского буксира. Погрузка продолжается под огнем. Волга поддерживает Сталинград своими людьми, матросами, капитанами. Мария Ягупова пришла на буксир работать матросом. Ее ранили в голову. Она отлежалась в деревне, где остался у нее ребенок, и вернулась назад на буксир. Капитан «Абхазца» Хлынин 26 лет на воде. Теперь он дерется за Волгу — пятьсот рейсов с берега на берег, десятки тысяч бойцов, доставленных в бой. Семья капитана осталась в огне, в квартале, захваченном немцами. Но капитан здесь, рядом, он еще отобьет свой квартал. Молодой комендант буксира Домарев говорит печально и гордо:

— Я тоже сталинградец.

Комлев добавляет:

— Все мы теперь сталинградцы. Вчера убит мой друг Кузнецов, с баркаса «Пожарский». Мы похоронили его на берегу под двумя тополями. Никуда не уйдем мы от этого города.

Буксир отдает концы, нагруженная баржа тяжело отваливает от берега. Через полчаса мы будем там, в огне. Разговоры затихают. Сосредоточенное и торжественное молчание воцаряется среди бойцов. Гул Сталинграда колеблет воздух над великой рекой. Город принимает в свой раскаленный мир новый отряд Красной Армии.

* * *

Черный, обуглепный, изглоданный бомбами берег. Обожженные пловучие пристани и плоты. Чудом сохранившаяся вышка водной станции. Это был веселый, молодой, трудолюбивый город. Немцы решили его убить. Тогда город стал бойцом и героем. В день первой бомбардировки среди стонов раненых, обгоревших, полузадушенных обломками людей женщина кричала:

— Не смогут, проклятые, сжечь нашу землю, не бойтесь! Нас сожгут, а землю не смогут.

Земля Сталинграда жива, люди его в бою. Такого боя никто еще не видел. Война вошла в тесные кварталы городской окраины со всем своим чудовищным багажом — с авиацией, с танками, с пушками, с минометами. То, что Гитлер готовил для целого фронта, обрушилось на один город. Кто знал до сих пор, что воздушная армия может драться с одним кварталом, с одной улицей? На это пошли немцы в Сталинграде, но Сталинграда они не получили. Здесь бой идет вплотную, как рукопашная схватка, где люди хватают друг друга за горло и душат. Но рукопашная схватка в окопе длится минутами. Здесь это продолжается второй месяц. Мы повстречались с бойцами. Они шли за патронами. Один сказал:

— Ворвались в первый этаж одного дома. А на втором сидят немцы, стучат сапогами, трещат пулеметами. Мы их выбьем.

Тонкий потолок отделяет здесь наших от немцев. Этот потолок и есть линия фронта в этом доме. Как дерутся здесь за дом? Приходят к голым стенам с вырванными окнами, вцепляются в камень, стреляют из чердаков и подвалов. Снаряды и мины вышибают из стен камень за камнем, на месте дома остается груда обломков, но люди держатся в ней, в этой груде, или умирают. Дома нет, но бой за дом продолжается, ибо раскаленные камни развалин — это тоже рубеж, и его надо держать. Этим прославились здесь гвардейцы Родимцева. Обстановка еще не позволяет сказать, где и как они дерутся, но такого боя еще не было в истории войн. Больше десяти дней они держали узкий и неудобный для обороны участок против двух штурмующих немецких дивизий и 100 вражеских танков и отбились, прикрыли подвоз боеприпасов и пополнения, дали возможность вывезти раненых и потом сами ринулись в наступление.

В Сталинграде можно быть или героем, или трусом, другого выбора нет. Но трусов здесь не щадят. Я слышал, как над трупом одного из них командир сказал:

— Пусть его могила зарастет горькой полынью, пусть каркает над ним воронье, пусть воют над ним злые ветры!

Но как же мучился этот командир, когда не смог узнать имени моряка, с автоматом в руках и с гранатами, занявшего дом после того, как этот дом безуспешно атаковал целый взвод. Таковы законы уличного боя. Иногда одному, но отважному, легче ворваться в дом, чем целому взводу слабых духом и нерешительных. Здесь, действительно, дерутся не числом, а умением.

В истории войн не было задачи более трудной, чем оборона Сталинграда. Узкой полосой вытянулся город по берегу Волги. Он вплотную прижат к воде. Его во многих местах прорезают глубокие овраги и балки — лазейки для немецких автоматчиков. Защитники города не имеют ни одного метра пространства для свободного маневра. Но бойцы Сталинграда срослись с многострадальными камнями города и отходят только после того, как камни рассыпаются в прах.

Я видел один из командных пунктов. Землянки врыты в склоны оврага, а земля вокруг них в черной накипи мазута, в наплывах горевшей нефти. Волжский ветер гнал сюда потоки огня, пламя ревело кругом, ручьями стекало в блиндажи, катилось к воде, завивалось там смерчами, столбами, перекидывалось на плоты, на дебаркадеры, плыло по реке багровыми островами, и вода закипала, а на командном пункте люди сидели над картами и за телефонами.

С восходом солнца над городом появляются бомбардировщики. По тысяче самолетовылетов в день. «От ударов взрывных волн барабанные перепонки у нас дышат, как жабры»,— сказал один из командиров. На открытом месте стоит боец. Ударом в колокол он предупреждает о приближении бомбардировщиков. Бьет колокол, как на вокзале, но уж слишком часто, каждые две-три минуты. Все скрываются в землянках, а боец стоит во весь рост, следит за идущими в пике самолетами.

— Хожде-ение! — кричит боец. — Эй там, на галерке!

И снова звонит его колокол. С истерическим визгом и треском рвется поблизости мина. Песком запорошило глаза. Через мгновение мы поднимаем головы. Боец лежит на земле. К нему бросаются помогать, но он уже на коленях. Вот люди подбегают к нему, но он опять стоит во весь рост.

— Хожде-ение! — кричит он сердито, и тихо звонит его колокол. Но теперь боец звонит левой рукой. Правую он затянул бинтом.

Это — рядовой сталинградец. Такие здесь на всех рубе-

жах, ими держится город. И стень вокруг города, его улицы становятся каменными гробами для немецких дивизий.

Образ Сталинграда в бою отчеканен в моей памяти поступком старого паромщика. Это было ночью. Его лица, его имени, никто не запомнил. Паром разбило авиабомбами, люди бросились в темную волжскую воду. У молодого лейтенанта шинель набухла водой, лейтенанта тянуло ко дну. Старый паромщик схватил его за ворот шинели и быстро перекинул с себя спасательный круг.

— Бери! Держись! — крикнул он. Лейтенант молча отпихивался.

— Дурак! — закричал старик. — Мне оторвало руку. Я — старый, отвоевался, а тебе воевать! Держись! Держи Сталинград!

Он оттолкнулся и, загребая одной рукой, ушел в темноту.

Это человек великого города, человек сталинградской обороны, безымянный герой, которыми и держится Волга против бешеного натиска гитлеровцев.

Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

НА ОКРАИНЕ СТАЛИНГРАДА

Двенадцать деревянных и два-три каменных домика, чудом уцелевшие, стояли на краю оврага. С южной стороны путь немецким танкам преграждал глубокий обрыв. С запада поселок окаймлялся противотанковым рвом. Отсюда начинались две улицы, ведущие к центру Сталинграда. С крыш и даже из окон домиков до самого дна просматривались и овраг, и ров. Все это сделало группу строений, скученных на окраине города, важным тактическим пунктом, ключом, овладев которым можно было открыть ворота сразу в несколько кварталов.

Первые попытки противника овладеть поселком с хода потерпели неудачу. Немцы потеряли несколько танков у рва и откатились в исходное положение. Однако ночью отдельные группы автоматчиков сумели просочиться сюда. Они заняли одно каменное здание, четыре деревянных и сарай. Создалось острое положение. Фашисты спешно расширяли захваченный плацдарм и укрепляли его. В подвалах, на чердаках, в окнах и просто возле домов, они устанавливали легкие пушки, минометы, пулеметы и всюду рассаживали солдат с автоматами. Враг готовился к последующему прыжку вперед, чтобы целиком овладеть поселком и открыть танкам дорогу в город.

Мотострелковый батальон под командованием майора Родионова, получил приказ выбить фашистов из захваченных ими домов и затем удерживать за собой всю эту группу строений. На рассвете начался упорный и ожесточенный бой.

Дом, который составлял основное звено в огневой системе противника, было приказано взять штурмовой группе, под командой старшего сержанта Халбаева. Эта группа состояла из пяти бойцов, вооруженных автоматами и гранатами. Ей был придан один танк. Красноармейцы поползли вперед по огороду, чтобы приблизиться к стенам здания незаметно для немцев. Танк, стрелявший из пушки и пулеметов, отгонял фашистов от окон. Когда наши люди были уже почти рядом с домом, экипаж перенес огонь на другие постройки, в которых сидели немцы. Специально назначенные стрелки, обеспечивали действия штурмовой группы огнем из-за укрытий. Все это на короткий промежуток времени понизило сопротивляемость фашистов. Группа Халбаева успешно подползла к зданию и забросала окна гранатами. Немцы выскочили наружу, и здесь их уничтожили из автоматов. Были захвачены четыре винтовки и пулемет противника.

Теперь облегчалось решение всех остальных задач, связанных с контратакой. Образовался слабо обстреливаемый участок. Этим воспользовались минометчики. Они выдвинули вперед наблюдателей, а следом подтянулись расчеты. Огневым налетом на деревянный сарай, в котором укрывалось до 50 фашистов, минометчики выгнали солдат противника на улицу. Немцы бросились к оврагу и рву, намереваясь укрыться там. Заблаговременно, выдвинутый на фланг станковый пулемет, дал длинную очередь вдоль заборов. Многие фашисты были перебиты. Только отдельным солдатам удалось спастись. Из этого пулемета стрелял старшина Топников. Он так примостился в окопе, что был незаметен для немцев, но хорошо видел их сам, когда они высовывались на улицу и перебегали задворками. Держа под обстрелом эти два направления, он уложил 44 фашиста и еще расстрелял автомашину, подошедшую к оврагу. При поддержке огня минометчиков, возглавляемых старшим лейтенантом Фарафоновым, немцы были выбиты и из некоторых других зданий.

Уличная контратака показала исключительную эффективность стрельбы по закрытым целям из минометов. Бывало так. Враг был обнаружен, но поразить его настильным огнем не представлялось возможным. Для этого стрелкам требовалось высовываться из укрытия, и немцы могли упредить в

выстреле. Зато минометчики, не меняя позиции, стреляли в самых различных направлениях. Перемещался только один наблюдатель. Корректируя стрельбу из-за угла дома, с крыши, возле слухового окна чердака, он давал навесный огонь в самые отдаленные и укрытые со всех сторон уголки. Выбив немцев из ряда построек, минометчики дали плотный огонь по дну оврага и противотанкового рва. Здесь они рассеяли большую группу вражеских солдат, заставив их отойти.

К середине дня почти все дома поселка были очищены от противника. Батальон наскоро укреплялся, ожидая атак со стороны немцев. Каждый дом наши бойцы превращали в укрепленный очаг, устанавливая пулеметы, занимая удобные позиции с автоматами. Кое-кто расположился в окопах против углов зданий, чтобы обстреливать фланговым огнем подступы к ним. Часть бойцов окопалась напротив рва и контролировала его с помощью ручных гранат. На небольшую высотку выдвинулись станковые пулеметчики, чтобы иметь возможность дать огонь вдоль оврага. Бойцами, занявшими позиции вне построек, командовал лейтенант Калюжнов. Помимо прочих огневых средств, он имел в своем распоряжении несколько противотанковых ружей. Общее руководство обороной на всем участке осуществлял старший лейтенант Рекунов.

Противник вскоре подтянул танки и стал зажигать постройки снарядами. Когда пламя начинало распространяться по всему зданию, красноармейцы покидали его и переходили в другое. В эти моменты выявилась весьма поучительная деталь уличного боя. Нельзя перебегать от дома к дому группами, а надо делать это в одиночку, поддерживая друг друга огнем. Когда требуется покинуть здание, старший намечает, куда перемещаться. Каждого перебегающего прикрывают огнем все оставшиеся в доме. Заняв позицию в новой постройке, боец сразу же изготавливается к стрельбе и защищает других перебегающих. Практика показала также, что следует избегать перебежек поперек улиц, ибо они почти всегда сильно простреливаются.

Немцы произвели в этот день семь атак и не добились существенного успеха. Лишь небольшие группы фашистов проскочили через овраг и закрепились в крайних разрушенных домиках. Но ни один танк не преодолел ни оврага, ни рва. Два из них пытались взойти на мостик, но были подбиты сержантом Зарянским из противотанкового ружья. Остальные отошли и вели огонь с дальних дистанций. Мотострелковый батальон на протяжении всего дня упорно оборонял группу строений и прилегающую к ней местность.

Ночью враг сумел протолкнуть вперед еще несколько мелких отрядов автоматчиков. Одни из них окопались, другие овладели частью домиков. Захватили немцы также и противотанковый ров, установив около него два ручных пулемета. Один ручной пулемет фашисты втащили в поселок и поставили у забора между двумя домиками. Обстановка значительно осложнилась, но батальон не отступил ни на шаг. Он начал драться еще ожесточеннее. Обе стороны сблизились вплотную. Граната, автомат, винтовка, пулемет, применяемые почти в упор, — вот что стало основными видами оружия.

Старший сержант Колесник стоял за углом постройки. Иногда он выходил во двор и наблюдал из-за забора за соседним домом, в котором сидели фашисты. Подкарауливая их, он уложил пятерых. Старший сержант Воронин пристроился с ручным пулеметом между двух горящих зданий и уничтожил шестерых немцев, пытавшихся проползти вперед. Укрываясь за дымом пожарища, красноармеец Каретин стрелял из самозарядной винтовки через окно. Лейтенант Бесембин оборонял силами своего взвода пять домов. Его люди сидели в комнатах, на крышах, на чердаках, под завалинками и не подпускали немцев ни на шаг. Сам лейтенант часто перебирался из дома в дом и переставлял людей, в зависимости от меняющейся обстановки.

Жаркий бой продолжался четверо суток. Несколько раз немцы врывались в поселок, но их опять выбивали. Рубежи и постройки десятки раз переходили из рук в руки. Обе стороны несли потери, но урон немцев был значительно больше. К концу третьего дня здесь насчитывалось до 280 трупов вражеских солдат и офицеров. Сгорели и разрушились все домики до одного. Схватки продолжались на развалинах, и в конце концов обескровленный враг был остановлен.

Упорная оборона группы строений показала, что в ближнем бою даже деревянный дом — это крепость. Главное здесь — быть бдительным, не зевать, во-время обнаруживать крадущегося врага и уничтожать его. Не следует бояться вылезать на крышу. Оттуда все хорошо видно и удобно стрелять из-за трубы, из-за гребня крыши.

Таковы основные законы ближнего боя на улицах.

В. КОРОТЕЕВ

БОИ ЗА СТАЛИНГРАД

Этот сад стал теперь ареной кровопролитного боя. Его деревья почти начисто скошены снарядами и минами и превратились в обгорелые обрубки стволов с двумя-тремя ветками. Лужайки и цветники разворочены бомбами, дорожки завалены разбитыми деревьями, кирпичом, щебнем. На площадке четырнадцать больших воронок — столько бомб сбросили немцы только на один этот уголок территории сада.

Немцы подступили к полотну железной дороги, прикрывавшему сад, тремя группами. В правофланговой было 200 автоматчиков и 10 танков, в левофланговой — до полка пехоты и 25 танков, в центральной — до батальона пехоты с тремя танками. Эта третья группа в первое время активных действий не вела, выполняя сковывающую роль. Таким образом, перед фронтом Н-ской части был противник, вдвое превосходящий численностью и еще более силой огня.

Основными путями проникновения немцев в город были два железнодорожных виадука, находящихся неподалеку от сада, на километр один от другого. Сюда немцы и направили свои усилия после того, как они безуспешно пытались пробраться к саду напрямик, через линию железной дороги.

Полотно, заставленное вагонами, было непроходимо для танков. Поэтому командир Н-ской части, сосредоточил свои противотанковые средства у виадуков. Фланги были защищены станковыми пулеметами, которые слева держали под обстрелом овраг — место накапливания и выхода противника, а справа линию железной дороги, откуда немецкие автоматчики все еще пытались просочиться к парку. Позади, за площадью, среди развалин обгоревших домов, занимали огневые позиции минометчики под командой младшего лейтенанта Попова.

Первую атаку немцы начали на правом фланге. Три танка с двумя ротами пехоты подошли к виадуку. Два танка осторожно, один за другим, вышли за виадук и остановились, не решаясь итти дальше. Этот момент использовали наши артиллеристы. Меткими выстрелами они подбили оба танка. Третий танк, стреляя с хода, на большой скорости дошел

до угла улицы, за ним высыпали из-под моста автоматчики. Грянул разрыв противотанковой гранаты: ее бросил уже раненый боец Дзадзамия из щели, с расстояния десяти метров. Подорванный танк остановился. Ружейным и пулеметным огнем, защитники сада косили вражескую пехоту. Немцы бросились назад, под виадук. Первая атака была отбита.

Тогда противник начал яростно обстреливать сад минометным и артиллерийским огнем. Это длилось полтора часа, а затем снова началась атака, на этот раз с левого фланга. Немецкие танки приблизились к железнодорожному полотну и с пригорка открыли огонь. Под прикрытием их, автоматчики спустились в овраг, угрожая выйти в тыл нашей части. Но когда немцы подошли ближе к устью оврага, они попали под огонь наших левофланговых пулеметов. Оставив здесь до 60 трупов своих солдат, немцы поспешно отошли.

Поняв, что фланги нашей части достаточно укреплены, противник усилил воздействие на центральный участок обороны. Кроме того, утром следующего дня немцы перед атакой подвергли боевые порядки части и весь сад в целом яростной бомбежке с воздуха.

Новая атака началась с того, что пять танков подошли к виадуку, на левом фланге, и открыли огонь с места. Одновременно до батальона солдат противника, рассыпавшись вдоль линии железной дороги, стало наступать в лоб. Еще несколько танков подошло справа, открыв огонь из пушек и пулеметов. Ефрейтор Шиндин выдвинулся вперед и подбил из противотанкового ружья два танка один за другим. Он отполз назад, разделавшись с танками, но в этот момент десяток пуль пронизал храбреца — немецкие автоматчики уже подобрались вплотную к саду.

Через трупы своих солдат немцы остервенело лезли к командному пункту части. На центральном участке их отбили. Наши бойцы уничтожили здесь до роты противника, а затем, перейдя в контратаку, продвинулись вперед. Достигнув полотна железной дороги, они бросали оттуда гранаты в убегающих немцев, расстреливали их из винтовок и автоматов. Но на флангах положение оставалось тяжелым. Вот дрогнул левый фланг, не выдержав сильного напора врага. Капитан Яковлев остановил бойцов и повел их в контратаку. Немцы подтянули еще 15—20 танков и открыли массированный огонь по правому флангу полка. Под прикрытием этого огня, до батальона вражеской пехоты пробралось в сад. Однако, наши роты держались стойко.

В течение трех часов три раза переходили немцы в атаку, но безуспешно. Их ярость разбивалась о стальную стой-

кость защитников сада. Однако, противник занял все же часть сада и несколько домов. Отсюда от фланкирующим огнем пулеметов обстреливал наши позиции. Надо было подавить вражеские пулеметы. Командир части выделил несколько мелких групп, поручив им ночью подавить пулеметы гранатами и очистить от немцев ряд домов. В результате два пулемета были подавлены, один немцы оттянули назад. Но зато они установили на полотне еще три станковых пулемета.

С утра враг вновь начал обстрел сада из всех видов оружия. Вслед за тем немцы в течение четырех часов бомбили парк с воздуха. Обстановка значительно усложнилась. Выведены из строя противотанковые орудия, связь с соседями прервана. Вражеские танки подходят к обоим виадукам и бьют по нашим окопам. Автоматчики обтекают сад справа и слева.

Ряды защитников сада поредели, но неравная борьба продолжалась. Минометчики неустанно били по входящим в парк немцам, а когда кончились мины, исправили трофейный пулемет и снова открыли огонь.

Противник, потерпевший огромный урон, замедлил наступление. Наступила короткая передышка. Наши роты занимают новые рубежи, окапываются, приводят себя в порядок. Начинается новый день яростного боя.

Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

МИНОМЕТЧИКИ В БОЯХ ЗА СТАЛИНГРАД

Несколько суток подряд бой шел среди развалин. Улицы давно потеряли свой прежний вид. Не то чтобы проехать, но даже пройти по ним нельзя было. Изрытая бомбами и снарядами мостовая, повалепные и обгорелые телеграфные столбы и деревья, груды кирпича — все это препятствовало движению. Вместе с тем развалины зданий оказались пригодными для огневых позиций, скрытого накапливания живой силы сторон.

Враг сосредотачивал свои силы на одной из улиц. Перекрестки улиц справа и слева он удерживал в своих руках и огнем пулеметов охранял свои фланги. Через квартал, на другой улице, находились наши войска. Шла редкая ружей-

ная перестрелка. Атак не предпринимали ни наши подразделения, ни вражеские.

Командир минометного взвода младший лейтенант Круглов получил приказ — выбить немцев из-за укрытий, заставить их выйти на незащищенные участки улиц и облегчить этим работу автоматчиков и пулеметчиков. Круглов расположил свои три миномета на огневых позициях, позади разрушенных зданий. Вместе с командиром первого расчета сержантом Кореевым и связным красноармейцем Великородным он стал пробираться в сторону противника, чтобы найти наблюдательный пункт. Таким пунктом оказалась крыша сарая. Она держалась лишь на одной стене и двух-трех столбах. Один край ее лежал на земле. Младший лейтенант взобрался по ней вверх и начал подавать команды, которые передавали на огневые позиции сержант Корсев и боец Великородный.

Открыл огонь один миномет. Фашисты пренебрегли его редкой стрельбой. Они оставались попрежнему на своих местах — среди обломков зданий. Командир взвода приказал повести огонь одновременно из трех минометов. Эффект получился другой. Мины ложились рядом одна от другой и стали поражать вражеских солдат. Немцы начали выскакивать из-за укрытий. Тогда были пущены в ход пулеметы и автоматы. Наши стрелки, автоматчики, пулеметчики и минометчики уложили здесь до сотни гитлеровцев и овладели улицей.

Этот случай группового огня минометов, не является типичным для уличных боев. В поле минометчики массируют огонь, нередко накрывают одновременно группу целей. В городе они бьют преимущественно одиночными минометами, прицельным огнем. Даже усиленная стрельба по площади в населенном пункте не дает нужного результата. Слишком много тут различных укрытий, которые защищают не только от осколков, но и от прямых попаданий.

Минометчики в уличных боях чаще всего стреляют по определенной цели, труднодоступной для других видов оружия. Массированный огонь по площади, как правило, ведется лишь во время вражеских атак на открытых местах, а также по скоплениям противника.

Командир расчета младший сержант Бодин расположил свой миномет у лесопильного завода. Вблизи имелась щель, служившая укрытием во время вражеских атак с воздуха и артиллерийских налетов. Этот миномет оказал большую помощь нашей пехоте. От минометчиков потребовалось поддержать контратаку. Младший сержант Бодин знал, что наиболее

крочно немцы засели в небольшом деревянном домике. Именно этот домик он и решил разбить. До цели было 300—400 метров, но она совершенно не наблюдалась с огневой позиции. Выдвинуться же вперед Бодин не мог, так как не имел телефонной связи для передачи команд расчету. Командир расчета решил найти наблюдательный пункт в непосредственной близости от огневой позиции.

В нескольких десятках метров впереди находились разбитые каменные дома. Стена одного из них уцелела до четвертого этажа. Бодин влез на третий этаж и разместился возле окна на железных балках. Видимость отсюда была отличная. Бодин подавал отсюда команды. Расчет разбил деревянный домик, в котором находились немцы, и таким образом расстроил систему их огня. Этим воспользовалась наша пехота, которая атаковала и овладела группой строений.

Повыше располагать наблюдательные пункты и получше маскировать их — вот что особенно важно для минометчиков в уличных боях. Кто побоится подняться на крышу или чердак, примоститься где-либо на балке, на полуразрушенной стене каменного корпуса, тот не увидит противника и не сможет эффективно корректировать стрельбу. Пример правильного выбора наблюдательного пункта, показал командир дивизиона тяжелых минометов капитан Саркисьян. В самый напряженный и критический момент боя, он смело влез на крышу одного дома, встал за трубу и отсюда корректировал огонь. Этот дом хорошо просматривался со стороны противника, настолько хорошо, что тот не предполагал наличия здесь наблюдательного пункта. Саркисьян рискнул, но этот риск оправдывался обстановкой.

Для правильного использования минометов необходимо наладить снабжение расчетов минами различного действия. Приходилось наблюдать случаи, когда наши минометчики вели огонь по обычным деревянным домам осколочными минами, имевшими взрыватели мгновенного действия. Взрыв происходил, как только мина касалась крыши. Осколки обсыпали дом, но почти не проникали вовнутрь. В итоге тратилось большое количество боеприпасов, чтобы разрушить сначала крышу, потолок и лишь затем добраться до живой силы противника. Имей эти минометчики пять-десять зажигательных или осколочно-фугасных мин, результат был бы иной. После первого же попадания зажигательного снаряда враг не усидел бы в доме. Тогда его можно было бы бить осколочной миной с взрывателем мгновенного действия. Осколочно-фугасная мина с замедленным взрывателем обеспечивает взрыв не на крыше

и чердаке, а в самом центре здания. Поражения в этом случае весьма эффективны.

Бои на улицах, где каждый дом используется как оборонительное укрепление, требуют прежде всего осколочно-фугасную мину и зажигательную. Нельзя пренебрегать, конечно, и обыкновенной осколочной. Она тоже может потребоваться в любую минуту, особенно, когда враг атакует, или же бой ведется на площади, пустыре и малозастроенной окраине.

Б. ПОЛЕВОЙ

ОГОНЬ С ВОЛГИ

Волгари! Это старинное слово здешних мест. Так называли себя бурлаки, баржегоны, матросы, рыбаки Нижней Волги — все, чья жизнь была неразрывно связана с великой русской рекой. Последние десятилетия это слово почти исчезло из лексикона. И вот оно снова звучит уже в новом качестве: так сухопутные и воздушные защитники Сталинграда, зовут сейчас краснофлотцев Волжской военной флотилии. Волгари! Это слово произносят здесь сейчас очень сердечно, с хорошей улыбкой, с большим дружеским уважением.

В трудные минуты боя пушки с Волги всегда поддерживали наших пехотинцев. Это били орудия канонерских лодок, шныряющих в волжских плавнях, умело нащупывающих свои отдаленные цели, чтобы потом внезапно, с точностью настоящих моряков, несколькими выстрелами смести эту цель раз и навсегда.

Немцы очень боятся этих внезапных, коротких и всегда губительных огневых налетов с Волги. После первых же залпов канонерок, над рекой появляется звено «Юнкерсов», которые начинают шарить по речной пойме, выискивая странные суда. Но они давно уже ушли, сменили позицию и где-нибудь в другом месте, хорошо замаскировавшись, ждут, когда зазевавшийся «Юнкерс» подойдет к ним поближе, чтобы полоснуть ему очередью крупнокалиберного пулемета. Так, между делом, между огневыми налетами, они уже сбили 5 «Юнкерсов». Хвост одного из них со свастикой до сих пор торчит из воды недалеко от переправы.

* * *

На борту бронекатера — маленького, верткого, стремительного, прекрасно вооруженного, стального суденышка,

одного из тех, какие называют здесь речными танками, довелось нам познакомиться с одним из замечательных волгарей старшим лейтенантом Борисом Житомирским. Коренастый, круглоликий, с большими черными глазами южанина, с раненой рукой, тяжело висевшей на бинте, он стоял, широко расставив ноги, на палубе стремительно несущегося, дрожащего от напряжения и скорости судна, ведя группу катеров на боевое задание. Поминутно прикладывая к глазам бинокль и зорко осматривая холмистый горизонт, изредка отдавая короткие распоряжения, он с увлечением рассказывал о боевых товарищах из своей группы.

— Наша тактика такая: налетел, раздолбал и ушел в дымовую завесу. Только и видали. Вот и вчерашняя операция. Получили приказ зайти в рукав, вывезти с берега 19 раненых. Предупредили нас — река тут под артобстрелом, бьют две батареи. И вот лейтенант Горбов ночью ведет катер, а, как на грех, чистая луна, на воде каждую щепку видно. Нас сразу засекли. Такая каша на реке поднялась, беда. Снаряды рвутся у самой кормы. Судно так и прыгает от взрывов, а Горбов, я за ним смотрел, стоит в рубке спокойный, точно вечером в кают-кампании, и ловко маневрирует.

— А вы?

— Не обо мне речь. Притерли катер к берегу. Команда соскочила, стала раненых носить, а комендор башни, старшина 2-й статьи Лопатин (вон он стоит, дюжий такой, как дуб) и наводчик комендор Брызгалов (вон рядом с ним, красавец-парень) тем временем вражеские огневые точки на холме засекли, да как чесанут по ним беглым огнем. Пропала гитлеровская батарея! Прямо, можно сказать, втыкает снаряды в цель. Я сам комендором был. Прямо скажу: у Брызгалова глаз, как у коршуна.

Вдруг лейтенант выпрямился, подобрался, поправил фуражку. Доброе и общительное лицо отвердело и стало замкнутым. Катера подошли к зоне действия. Командир группы Житомирский отдал несколько коротких распоряжений. Дула орудий стали повертываться к левому борту и подниматься, пащупывая цель где-то на холме у горизонта, откуда била вражеская батарея.

Уже потом, стороной, от других краснофлотцев, удалось узнать, как действовал сам командир группы старший лейтенант Житомирский во вчерашней операции, как он руководил огнем пушек, как на руках носил раненых, сколько хладнокровия проявил, выводя катера из дымовой завесы, из зоны обстрела. Узнали его биографию, простую и героическую биографию слесаря, который начал войну канонпром

в Днепровской флотилии и в памятном бою под Тарнополем огнем своих пушек разгромил на берегу две вражеских батареи и подбил больше 10 танков. Узнали, как потом он и группа его товарищей, сняли с раненых кораблей крупнокалиберные пулемсты, достали грузовики и организовали своеобразную батарею на колесах, которая наводила на немцев панику, внезапно появляяясь у них на флангах.

— Настоящий волгарь — сказал о нем комапдир части, и это звучало большой похвалой.

* * *

Не менее энергично действуют на Волге и тральщики — маленькие деревянные суденышки, еще недавно в гражданской своей жизни, бывшие речными трамваями и возившие по воскресеньям сталинградцев по домам отдыха, расположенным в волжской пойме. Сейчас эти суденышки приобрели настоящий военный вид и причиняют немцам не меньше неприятностей, чем стальные острогрудые, рожденные для битв бронекатера.

С помощью тралов вылавливают они из Волги мины, расчищая путь военным и мирным судам. Опасная работа! Мы видели, как из пулемета расстреливали одну такую выуженную мину, и, хотя судно наше стояло очень далеко, силой взрыва его подбросило, как пробку. Про минеров говорят, что они ошибаются только раз в жизни. Минеры Волжской флотилии не ошиблись еще ни разу. Немецкие мины выужены и расстреляны.

Мы побывали в гостях на тральщиках, когда их экипажи занимались не своим прямым, но очень важным делом. За день до этого немцы, бросив огонь своих батарей на Волгу, разбили переправу. Пока ее восстанавливали, связь города с Заволжьем поддерживали тральщики. Они доставляли в город боеприпасы, пополнение, а оттуда вывозили раненых. Они делали свое дело под артобстрелом с земли и с воздуха. Маленькие корабли бесстрашно и ловко маневрировали между разрывами. В сутки они совершали по 6 —8 рейсов. Подведя тральщик к берегу, сами краснофлотцы, не считаясь со званиями, быстро нагружали его трюмы и перебрасывали груз. Под непрерывным обстрелом бережно выносили раненых и вновь отправлялись в рейс, заделывая на ходу пробоины, всеми средствами выкачивая воду.

Капитан одного из этих героических суденышек, показал нам старый вымпел своего тральщика. Он был прострелен в

восемнадцати местах. Потом он показал массу дырочек, больших и малых, испещрявших борты и аккуратно заделанных замазкой.

— 533 пробоины! — усмехнулся он. — И ничего, ходим. Волгари к этому привыкли.

День и ночь, не прекращаясь ни на минуту, без перерыва, без передышки, кипит гигантское сражение за город. День и ночь на Волге, в ее многочисленных протоках и рукавах, живет боевой героической жизнью Волжская военная флотилия, поддерживая с воды героическую борьбу сталинградцев.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

В ОДНОМ КВАРТАЛЕ

Эта группа домов стояла в стороне, между двумя глубокими оврагами. Впереди — асфальтовая дорога, отделенная густыми купами деревьев и кустарников. Внутри квартала — сад, много зелени. Тихий уголок Сталинграда. Но вот и сюда придвинулся грохот боя.

Рано утром стало известно, что большая группа немецких автоматчиков при поддержке танков, начала наступление на эту часть города. Старший лейтенант Калмыков, которому была поручена оборона квартала, умело распределил свои силы.

Лейтенант Лузянин со взводом автоматчиков занял оборону в первом ряду домов. Несколько бойцов замаскировались в кустах и деревьях придорожной аллеи. Остальные разместились на чердаках и по верхним этажам.

Автоматчики — у нас молодая специальность. Но они уже успели приобрести свои характерные черты. У них много удальства, боевого задора, дерзости. Они знают силу своего оружия, знают себе цену и потому горды, упорны. Стоит засесть одному — двум автоматчикам в какую-нибудь щель, — ничем их не возьмешь, не выковыряешь. В таких случаях каждый сам себе хозяин, сам себе командир, находчивый, инициативный. А в наступлении наш автоматчик берет изворотливостью и дерзостью, смело идет один на многих, любит скрытно подобраться и неожиданно ударить, особенно во фланг или с тыла. Народ веселый, ни в какой обстановке не унывающий.

И на этот раз командир Калмыков увидел в одной из

угловых комнат троих бойцов с патефоном. Один смотрел в окно, а двое ставили пластинку.

— А вы опять патефон прихватили с собой?

— С музыкой воевать способней, товарищ командир! Под нашу музыку немцы здорово танцуют.

С чердака прибежал, весь в пыльной паутине, боец Дудкин:

— Показались из-за бугра танки. За ними, как сосунки, бегут автоматчики, роты две...

Мгновенно стали по местам. Из окон третьего этажа было видно, как за темнозелеными грузными машинами во весь рост, бежали серые фигурки. Они быстро приближались. Наши молчали. Но как только наступающие приблизились метров на 300, захлестали очереди наших автоматчиков, с деревьев и из кустов. Ряды немцев как-то задергались, смешались. Многие со всего размаху падали в высохшую траву.

Немцы залегли; танки остановились. С вражеской стороны заговорили крупнокалиберные пулеметы и автоматы. С деревьев посыпались сухие листья и ветви. Бойцы, сидевшие там, затихли. Немцы начали проскакивать между танками, устремляясь к домам. Тогда из всех верхних этажей ударили сухие очереди автоматов. Им вторили пулеметы с подоконников и из слуховых окон. Сверху хорошо видна цель. Наши автоматчики били по передним рядам немцев, а пулеметы брали в глубину. Среди вражеской пехоты началось замешательство. Тогда двинулись вперед танки. Они начали бить из пушек по верхним этажам, где замечали в окнах наших бойцов. Но автоматчики быстро меняли места, перебегали с этажа на этаж.

Как только немецкие танки подошли поближе к дороге, из кустов в них полетели гранаты. Танки начали осторожно пятиться назад, продолжая обстрел домов. Несколько раз немецкие автоматчики поднимались в атаку. Они яростно срывались с места и бежали, стреляя из автоматов прямо «с живота». Наши бойцы вели только прицельный огонь и стреляли на выбор по немцам, вырвавшимся вперед.

Сбив этих, они заставляли откатываться обратно и залегать остальных. Немцы пытались зайти с флангов, от оврагов, но там их встречал огонь ручных пулеметов. Особенно настойчиво атакующие порывались обойти дома справа, где было много зелени. Безуспешно! Здесь держал оборону взвод разведчиков под командованием лейтенанта Шепеля. А разведчики дерутся лихо.

Бой принимал затяжной характер. Тогда над танками взви-

лись белые ракеты: немцы вызвали на помощь авиацию. Пронзительно загудели сирены пикировщиков, послышался вой падающих бомб. Густое облако дыма и пыли застлало все кругом. Были прямые попадания в дома. Немецкие автоматчики устремились вперед.

Но бомбежка не поколебала стойкость наших бойцов. По-прежнему нет хода врагу. Из полуразрушенных домов продолжают бить автоматчики. Враг откатывается. Опять налет. Теперь немецкие самолеты сбрасывают не только фугаски, но и зажигательные бомбы. Загораются почти все дома. А самолеты продолжают пикировать, и атакующая пехота смелее лезет вперед. Губительный огонь снова встречает врага, — наши автоматчики продолжают стрелять из нижних этажей. Вверху ревет и разрастается пламя; автоматчики стреляют.

Синий дым ест глаза, трудно дышать, в трещинах стен появляются огненные змейки. Старший лейтенант Калмыков, отдает приказ занять оборону между домами и позади них. Немецкие танки не решаются пройти между горящими зданиями: вся линия домов слилась в одно общее пожарище, и сильные порывы ветра перебрасывают языки пламени от одного строения к другому.

Был уже вечер, когда немцы прорвались справа. Танки с автоматчиками углубились во двор. Здесь, в уцелевшем от пожара доме, засел лейтенант Лузянин со своими бойцами. Пуля пробила левое плечо отважного командира, но он продолжает руководить боем.

— Дудкин, гранаты!

— Товарищ командир, противотанковых больше нет.

— Давай, что есть!

Лузянин выскочил на улицу. Красное зарево осветило сильную фигуру лейтенанта, бежавшего навстречу танкам. Он кидает гранату за гранатой то под танки, то в немецких автоматчиков и, словно заговоренный, остается неуязвимым в вихре убийственного встречного огня.

Немцы не выдержали, дрогнули. За своим командиром бросились вперед лихие автоматчики — Дудкин, Цыганчук, Чадов, Кисин. Враг отброшен.

Пожар охватывает последние дома квартала. Рушатся перекрытия, сгибаются раскаленные железные балки. Автоматчики вынуждены временно отойти в глубь большого двора. Мало их осталось: 18 героев обороняют целый квартал. Теперь они засели за старым валом. Здесь каждый выкопал себе окопчик на расстоянии 25—30 метров друг от друга.

Немцы накапливались во дворе и пробовали прорваться дальше, но старинный вал брызнул им навстречу таким огнем, что они отхлынули обратно. Тогда немецкие автоматчики двинулись в обход — слева, по оврагу. Однако, и здесь путь был закрыт. За перекинутой через овраг толстой трубой, примостился боец Степанов. Он прочищал весь этот участок автоматным огнем, а тех, кому удавалось подобраться ближе, рвал на куски гранатами.

Всю ночь не успокаивались немцы. Атаку за атакой отбивали восемнадцать храбрецов. Немецких солдат хорошо было видно, при свете огромного пожара. Их метко косили с флангов ручные пулеметы, короткими, но точными очередями встречали автоматы.

Держаться было тяжело. Немцы и ночью продолжали бомбить горящий квартал. Во время одного из этих налетов отважные автоматчики лишились своего командира, — осколок бомбы сразил лейтенанта Лузянина. Две раны получил автоматчик Дудкин, и, как ни уговаривали его друзья, он не вышел из боя.

— Пока руки и глаза целы, никуда не уйду. Разве я могу вас теперь оставить?

Горсточка храбрецов держала квартал до утра. Здесь врагу не удалось пройти. На рассвете автоматчиков сменило новое подразделение.

В. КУПРИН, Д. АКУЛЬШИН

НА ОКРАИНАХ ГОРОДА

Уже второй месяц наши части ведут активную оборону города. Они обескровливают фашистов и в ряде мест переходят в контратаки. Бои идут на улицах, ожесточенные схватки развертываются за каждый дом.

На одном участке немцы бросили в атаку группу танков, намереваясь дезорганизовать нашу оборону. Укрывшись в подвале дома, бронебойщики смело вступили в бой с вражескими машинами. Фашисты, потеряв 5 танков, были вынуждены повернуть обратно. Пытаясь обойти бронебойщиков, они зашли на соседнюю улицу, но там их встретили орудийные расчеты под командой сержантов Астафьева и Носкова. Метким огнем они преградили путь немцам. Фашисты, потеряв еще 6 танков, отказались от наступления по этой улице.

Взаимная выручка укрепляет стойкость бойцов. Поддерживая друг друга, они дерутся с большим упорством и мужеством, отстаивая каждый угол дома и каждое окно. Одному пулеметному расчету фашисты зашли в тыл, намереваясь захватить его живым. Гвардеец заместитель политрука Мясников бросился из соседнего дома на выручку товарищей. Несколькими гранатами он уничтожил группу автоматчиков и дал возможность нашему пулемету продолжать огонь.

Гвардейский минометный расчет под командой Кизлякова помогал пехоте продвигаться вперед. Вдруг из боковой улицы появился немецкий танк с 15 автоматчиками. Рискуя жизнью, минометный расчет развернулся и с близкой дистанции открыл стрельбу. Меткий огонь слизнул фашистов с брони, точным прямым попаданием был выведен из строя и танк. Дальнейшему продвижению пехотинцев мешала заминированная противником мостовая. Гвардии сержант Хачатуров с помощью местных жителей пробрался через двор к минированному участку и обезвредил его.

В большом угловом доме немцы создали опорный пункт. Подходы к нему охранялись автоматчиками, засевшими в развалинах соседних зданий. Наши артиллеристы и снайперы подавили охранение. Но огонь фашистов из подвалов дома не давал продвинуться вперед. На помощь стрелкам и артиллеристам пришла группа саперов под командой гвардии старшего лейтенанта Чумакова. При содействии жителей саперы незаметно подобрались к опорному пункту немцев и взорвали дом. Фашисты были погребены под развалинами.

На другом участке наши пехотинцы при поддержке артиллерии перешли в контратаку. Фашисты оказывали сильное сопротивление. На помощь вызвали самолеты-штурмовики. Комбинированным ударом враг был отброшен. Противник понес большой урон. Было уничтожено: 6 танков, 5 орудий, 11 пулеметов, 6 минометов и до 450 солдат и офицеров. Захвачены трофеи: 4 пулемета, 130 винтовок, 15 тысяч патронов и другое имущество.

Крепко помогают нашим стрелковым частям, моряки Волжской военной флотилии. Огнем своих орудий они поддерживают действия пехотинцев. Продвижению частей мешала тяжелая немецкая батарея, стоящая на фланге. Лейтенант Телепаев с наблюдательного пункта дал точные координаты вражеской огневой позиции. Несколькими залпами с кораблей фашистская батарея была поднята в воздух. После этого моряки перенесли огонь на окопы и блиндажи противника. Поддерживаемая огнем с кораблей, наша пехота на южном участке заня-

ла населенный пункт и господствующую высоту. За отличную стрельбу моряки-артиллеристы получили благодарность от общевойскового командования.

Наша разведка установила накапливание противника в одной из балок. Ночные бомбардировщики под командой тов. Кузнецова. подвергли бомбежке скопление сил противника. 30 взрывов большой силы потрясли окрестности. Это рвались склады боеприпасов противника. Вспыхнуло 60 очагов пожара: горели автомашины, бензоцистерны.

Несмотря на огромные потери, враг продолжает бросать на штурм города все новые и новые части. Он подтянул сюда две свежих пехотных дивизии и одну танковую. На одном из участков группе немецких танков удалось прорваться в рабочий поселок. Напряженным продолжает оставаться положение и на центральном участке, куда противник продолжает бросать новые силы.

П. ДМИТРИЕВ, С. ШУХМИН

В ЗАВОДСКОМ ПОСЕЛКЕ СТАЛИНГРАДА

В последние дни центр боев переместился в заводские районы Сталинграда. Враг неистовствует, подтягивает к городу новые части. На-днях из Керчи переброшено на самолетах под Сталинград свыше тысячи немецких солдат и офицеров. В боях участвуют тыловые части, в частности, на передовых позициях дерутся четыре немецких саперных и один строительный батальон.

Вчера и сегодня немцы, подтянув резервы, обрушились на заводской поселок. До трех пехотных дивизий и сто танков, бросил враг на небольшом участке фронта. Одна атака сменяла другую. Но каждый раз фашисты с большими потерями отбрасывались назад. Тогда они вызвали на помощь самолеты. Десятки вражеских бомбардировщиков забросали бомбами боевые порядки наших частей. Групповым огнем пехотинцев был сбит и рухнул на землю «Юнкерс-88». Вражеские самолеты поднялись выше и подожгли домики поселка зажигательными бомбами. Но борьба продолжалась с прежним упорством. Уносили раненых, их место занимали новые бойцы. Кровопролитный бой не стихал.

Сегодня на участок обороны, занимаемый одним нашим

взводом, фашисты бросили роту. Наши бойцы встретили ее шквалом огня и, перейдя в контратаку, отбросили с большими потерями. Немцы направили в атаку батальон. Не помогло. Солдатам пытался проложить дорогу тяжелый танк. Навстречу ему вышла группа бойцов во главе с политруком тов. Хруленко. Политрук подполз к танку на расстояние в 10 метров и четырьмя зажигательными бутылками поджег машину. Заметив, что к нашим окопам ползут враги, тов. Хруленко меткими выстрелами уничтожил пять гитлеровцев, а затем метнул в них гранату, уничтожив еще семь фашистов.

С разных сторон на этот участок направились три новых фашистских танка. Меткими выстрелами из противотанкового ружья красноармеец тов. Титов зажег одну за другой все вражеские машины. Тов. Титов — один из тридцати трех героев, отбивших на подступах к Сталинграду атаку 70 танков.

Бои в направлении поселка идут, не утихая. Вот фашистская мина прямым попаданием уничтожила наш пулемет и вывела из строя расчет. 12 немецких автоматчиков окружают красноармейца Куликова. Он оглядывается, вокруг него только раненые товарищи. Куликов вступает в единоборство с фашистскими автоматчиками. Метки выстрелы Андрея Владимировича Куликова. Когда он убивает шестого фашиста, остальные убегают. Куликов перевязывает раненых товарищей из своего расчета и ползком, по очереди, перетаскивает их в санпункт.

Неподалеку дерется группа гвардейцев-минометчиков во главе с тов. Вожиевым. Увидев, что до двух рот немецких автоматчиков прорвалось на улицы, тов. Вожиев собрал связистов, разведчиков и бросился в контратаку на немцев. Умело сражаясь, группа гвардейцев выбила немцев с трех улиц. Эта горстка смельчаков в течение трех суток отстаивает важный участок окраины, успешно отбивает все атаки фашистов. На боевом счету гвардейцев за эти три дня записано свыше 200 убитых фашистов, три сожженных танка и пять вражеских автомашин.

Во время уличных боев возникают самые сложные положения. Командир минометной батареи гвардии лейтенант Н. П. Андреев, находясь на наблюдательном пункте, внезапно был окружен немецкими танками и автоматчиками. Но тов. Андреев хладнокровно продолжал давать минометам ориентиры. Мощные залпы минометчиков следовали после каждого его приказания. За несколько часов батарея уничтожила много гитлеровцев.

На другом углу шесть немецких танков и взвод автомат-

чиков окружили здание, где находился старший лейтенант А. А. Солодков. Командир приказал батарее открыть огонь по его наблюдательному пункту. Его переспросили. Твердый голос Солодкова повторил приказание. Меткими выстрелами были поражены два танка и свыше 30 автоматчиков. Воспользовавшись поднявшейся паникой, тов. Солодков вырвался из кольца.

Жаркие бои идут вдоль всего поселка. Пользуясь численным превосходством, врагу удалось ворваться на окраину поселка и занять несколько кварталов. Немцы уже начали ломать заборы, укрепляться в домах. Но тут заговорили советская артиллерия, минометы. Наши части предприняли контратаку. Снова закипел бой...

В воздухе появляются эскадрильи наших самолетов. Немецкие зенитчики начинают яростную пальбу. Наша артиллерия открывает огонь, и вскоре две батареи противника умолкают.

Бой длился всю ночь. Улицы поселка, сады и дороги покрылись сотнями трупов убитых немецких солдат. К рассвету большинство кварталов заводского поселка было полностью очищено от фашистов. Хорошо закрепившись, наши бойцы вели меткий огонь по врагу.

Наступил новый боевой день.

Б. ПОЛЕВОЙ

БОЙЦЫ ЦЕХОВ

Вот он, чудесный завод, такой знакомый по снимкам и кино. Вся страна строила тебя! Миллионы советских людей с напряженным вниманием следили за твоим рождением, завидуя тем, кто участвовал в героической стройке в низовьях Волги.

Сталинградский тракторный завод — это могучая, полнокровная, буйная юность нашей индустриализации. Каждый из нас живо помнит дни и месяцы его рождения.

Его проект за границей встретили недоверчиво. Юмористические журналы упражнялись, изображая современные машины, приводимые в движение верблюжьей тягой. Солидные газеты удивлялись: большевики взялись не за свое дело. Разве по плечу им строить современные индустриальные гиганты? Большевики упорно строили, с любовью укладывая каждый куб бетона. Строили и построили. Тогда

в газетах за границей поднялся спор: пустят или не пустят, освоят или не освоят. Немецкие технические журналы пренебрежительно фыркали: разве детям волжских бурлаков, таскавших бечевой баржи с солью, подстать современная техника? Переломают машины, пойдут на поклон за границу. Американцы смотрели на вещи иначе: ведь недаром Россия всегда слыла страной чудес. Американцы помогали нам строить этот завод. Скоро тракторы с буквами «СТЗ» бороздили все бескрайние поля нашей родины. Скоро весь мир узнал эти три магические буквы и научился их уважать.

Вот он стоит, завод-гигант. Немецкие снаряды проносятся над головами. Линия фронта недалеко. Но завод живет. Больше того — завод работает, и старый человек с седыми усами, с немецкой трофейной винтовкой за плечами и парой немецких гранат, деревянные ручки которых торчат у него из кармана ватного пиджака, преграждает путь и сурово требует:

— Пропуск!

Этот человек—старый кадровик завода и участник знаменитой царицынской обороны Иван Захарович Баликов — вот уже одиннадцать дней на посту, не сменяясь, охраняет проходную завода. Хотели поставить военную охрану, освободить старика, переправить его за Волгу. Он пригрозился дойти «до самого главного военного» и отстоял свое право охранять родной завод. И вот в смену с красноармейцами он несет дежурство, а в свободное время спит тут же, в проходной, свернувшись калачиком на старой шубе. Впрочем, ходить ему некуда. Дом его в поселке семь дней назад спалили немцы. Из будки он видел, как горел его дом, но в этот момент он нес дежурство и не покинул поста.

Заводской двор, перечеркнутый вкривь и вкось линиями путей, пуст. Он весь испахан, изрыт снарядами. Танкисты, только что принявшие четыре вышедших из ремонта машины, советуют тоном специалистов:

— К стенкам северным жмитесь. Он с юга лупит.

Впрочем, сами они возятся у своих машин совершенно хладнокровно, хотя именно эта площадка, служившая раньше, очевидно, для опробования сошедших с конвейера машин, особенно густо исклевана рябинами разрывов. И вообще я наблюдал одну характерную черту защитников Сталинграда— большую заботу о других. Человеку, вновь попавшему в город, они дают десятки советов, как ему следует себя вести. Сами же остаются совершенно равнодушны к чириканью

пуль. «Мы, сталинградцы,—народ, от пуль заговоренный»,— пошутил краснофлотец на переправе.

В одном из цехов идет горячая работа. Ночью тягачи подтянули с поля боя подбитые машины. Сейчас их спешно ремонтируют. Рядом с военными ремонтниками работают рабочие заводов — сборщики, токари, слесари. Работают молча, сосредоточенно, сурово сдвинув брови, стараясь всю силу своей воли, всю быстроту своих умных, опытных рук вложить в эту работу. Военинженер 2-го ранга Герасимов удивляется. Он воюет с начала войны и никогда еще не видел таких темпов. Ремонт, на который полагаются сутки, делают за часы, с мелкими повреждениями управляются буквально в несколько минут.

— Вот эти товарищи, — военинженер показывает на слесарей Строганова, Зотова и старого мастера Филиппова,— не ложились спать уже трое суток. Вчера я приказал им прилечь. Легли. Но в это время прибыли еще танки. Подхожу, вижу—опять с ключами. Я даже рассердился. Упрямый народ. Золотой народ.

У молодых слесарей и у старого мастера лица были черны от ржавого масла, белки воспаленных от бессонницы глаз сверкали. Когда в дальний угол цеха ударил снаряд и осколки стекла, брызнув, упали им под руки, они даже не оглянулись, продолжая возиться в моторе танка.

Филиппов сопровождал меня по цехам. Цехи были пусты. Гром выстрелов троекратно повторялся в пустоте стен. Старый мастер был немногословен. Он только называл цехи.

Только в одном месте, у остова сожженного цеха, его прорвало. Он поднял свои большие, масляные кулаки и неистово потряс ими, грозясь туда, откуда били по заводу немецкие минометные батареи.

— Сволочи, сволочи! — прохрипел старик. — Нет, вы скажите мне, чем они, скоты, нам за все это заплатят, какой мерой они будут с нами квитаться за все эти их бесчинства?

Потом мы сели за массивной стеной, защищавшей от пуль и мин, и Яков Филиппович рассказал, как рабочие тракторного вместе с бригадой, принимавшей танки, отбили первые атаки немцев у стен города, как отличился в боях за город рабочий батальон завода, в котором начальником штаба был член Сталинградского совета, преподаватель механического института Панченко, как геройски дрались слесари, токари, фрезеровщики, как, сражаясь за Сталинград,

героически погибла девушка-сталевар, любимица сталинградских металлистов Ольга Ковалева. Старый мастер называл их всех — и тех, кто сражается, и тех, кто работает,— бойцами цехов. Бойцы цехов! Здорово сказано.

Уже темнело, когда я уходил с завода. В проходной—молодой красноармеец. Я спросил его: где же Иван Захарович?

Красноармеец сразу погрустнел и по расстроенному лицу его, сразу ясно стало, что он еще совсем молодой паренек.

— Умер дядько Иван... час назад убило осколком... Видите ту воронку—вот от нее осколком. В грудь. Так с винтовкой и рухнул.

И мы сняли пилотки над местом гибели Ивана Захаровича Валикова, «бойца цеха», одного из тысяч героических защитников Сталинграда.

Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

УПОРНЫЕ БОИ ЗА КАЖДЫЙ ДОМ СТАЛИНГРАДА

Четырехэтажный кирпичный дом, возвышавшийся над другими постройками, был еще достаточно прочен, в силу чего мог служить укрытием от артиллерийского и пулеметного огня. С этого дома имелась возможность просматривать центральные улицы города. Справа и слева от этого полуразрушенного здания находились небольшие деревянные постройки. Вперед в гору шла улица, за которой располагалась площадь. В одном из углов площади стояли два здания, а за ними еще один большой недостроенный каменный дом. Вот на всем этом пространстве и разыгрался упорный и кровопролитный бой.

Командир стрелковой роты старший лейтенант Петраков получил приказ — занять оборону западнее всей этой группы строений, чтобы не допустить немцев вперед. Уже темнело. Сосредоточив роту в укрытии, старший лейтенант выслал разведку и под ее прикрытием стал выдвигаться к площади на рекогносцировку. Немцы заметили разведчиков. Они открыли огонь из верхних этажей недостроенного дома. Из этого старший лейтенант понял, что противник уже занял несколько зданий и выдвигался к площади, т. е. упредил роту. Старший лейтенант заметил группу вражеских авто-

матчиков, когда они пробирались вдоль улицы к упомянутому четырехэтажному дому. Вскоре после этого, когда уже стемнело, немцы заняли четырехэтажный дом.

Ночью старший лейтенант организовал дополнительную разведку. Она донесла, что немцы захватили основные постройки и, видимо, опасаются в темноте двигаться дальше. Командир роты решил предпринять на рассвете контратаку, не дав врагу закрепиться в занятых им зданиях.

Старший лейтенант разделил роту на две группы. Одну из них возглавил лейтенант Ромашков. Его задачей было обойти четырехэтажное здание и ударить по врагу слева. На правом фланге командир роты выставил пулемет, чтобы контролировать улицу, поднимавшуюся в гору. Вторую группу возглавил сам Петраков. Ночью она выдвинулась на площадь и укрепилась в бомбовых воронках, среди различных обломков в готовности перейти в атаку, как только станет светать.

Утром завязался бой. Группа Ромашкова успешно продвинулась вперед и овладела постройками вокруг четырехэтажного здания. Правда, часть немцев осталась в тылу, откуда вела огонь. Одновременно мелкие партии немецкой пехоты стали нажимать на группу Петракова. Но тут немцев встретили огнем пулемета и отбросили их в исходное положение. Не растерялся и лейтенант Ромашков. Он продолжал продвигаться вперед, прикрываясь с тыла нашими автоматчиками. Группа его бойцов под командой младшего лейтенанта Алексеева пересекла один двор и переулком достигла улицы, позади высокого дома. Этим самым противник, в свою очередь, оказался под угрозой окружения. Наши бойцы перебили тут 20 гитлеровцев и очистили от врага небольшой участок. Этот боевой эпизод поучителен настойчивостью атакующих. Они упорно просачивались дворами и переулками на фланги и в тыл врага, чем и ставили его в невыгодные условия.

На другой день старший лейтенант Петраков продолжал выполнять задачу. Разведка донесла, что враг сосредоточил в четырехэтажном доме несколько десятков автоматчиков, установил тут 3 станковых пулемета, легкий миномет и скорострельную пушку. Как только рассвело, развернулся бой. Наши бойцы подавили ряд пулеметных точек противника, рассеяли несколько групп автоматчиков и захватили две немецких пушки со снарядами, которые были немедленно обращены против врага. Затем начался бой за самое здание.

Отдельные группы бойцов с гранатами и бутылками с горючей жидкостью пытались ворваться в здание, но неудачно. Противник отбил атаку огнем из-за укрытий. Воспользовавшись некоторым замешательством, наступившим в наших рядах, враг сделал вылазку и чуть было не прорвался. Старший лейтенант Петраков восстановил порядок в роте и отбил вражескую вылазку, затем снова предпринял атаку. Она началась так. Два орудия сделали по двадцать пять выстрелов по окнам, дверям и амбразурам дома. Под прикрытием этого огня бойцы подползли к зданию, а затем ворвались в него. Началась рукопашная схватка. Лишь отдельные солдаты и офицеры врага сумели спастись бегством. Рота вышла в назначенный ей район и закрепила его за собой.

Б. ПОЛЕВОЙ

ДОМ 21/А

Просторная улица с большими домами, с газонами, с молодыми, еще не закурчавившимися тополями, такая спокойная и мирная, если бы не разрытые снарядами мостовые и тротуары, если бы не баррикады и не два сожженных немецких танка, прижавшихся к разбитому каменному забору. Это — передовая линия.

Красивый четырехэтажный дом с лепными украшениями на фронтоне, с широким разбегом лестницы, с простором чистых и светлых квартир, такой благоустроенный, если бы не угол, снесенный авиабомбой, не зияющие просветы пустых окон, не двери, выбитые силой разрывов, — за этот дом девятый день идет борьба. Его и сейчас удерживает горсточка храбрецов под командованием младшего лейтенанта Цветкова.

А дом наискось — это позиция немцев. Оттуда время от времени строчат автоматчики. Пули их, взвизгнув у подоконника, скалывают штукатурку стен, и она сыплется на пол.

Эта комната еще совсем недавно служила, очевидно, кабинетом инженера: письменный стол, книжные полки, классики рядом с технической энциклопедией и словарем Хютте, большой снимок тракторного завода в рамке с куском выбитого стекла, клеенчатый диван.

Эту комнату с двумя массивными стенами и одним ма-

леньким окном, выходящим во двор, и избрал младший лейтенант Цветков под свое, как он шутя говорит, «К. П.». Он хрипловатым, сорванным голосом не без увлечения рассказывает историю обороны этого дома № 21/А на одной из окраинных улиц Сталинграда.

В середине сентября немцы, собрав на окраине города мощный кулак, после долгой бомбежки с воздуха, с помощью танков овладели этой улицей. Они сразу же начали на ней закрепляться. Лейтенант подводит меня к окну и, приказав смотреть осторожно из-за косяка, показывает жилки глубоких извилистых окопов, пересекающих двор, дзот, сооруженный посередине двора и замаскированный поленницей дров. Солидное укрепление. Но продержались тут немцы недолго. Сильным и внезапным ударом с фланга их выбила отсюда одна наша гвардейская часть, за ночь очистившая и эту, и примыкавшие к ней улицы. После боя во дворе дома 21/А, в окопах, и особенно в подвале-котельной, гвардейцы нашли много немецких трупов.

Страшное зрелище увидели гвардейцы на пороге квартиры № 3 на 2-м этаже. В открытой двери, наполовину высунувшись на лестничную площадку, лежала старая, седая женщина, прикрыв собой труп полуторагодовалого ребенка. Женщина была ранена в грудь навылет тремя пулями. Перед смертью она успела назвать себя: Анна Капустина, пенсионерка, мать цехового плановика с тракторного завода.

Она рассказала бойцам страшную повесть. Вместе с внучком Игорем и младшей дочкой, 15-летней Верой, они были одни в пустом доме, когда его захватили немцы. Прошло немного времени, наши части начали теснить немцев. Немецкий офицер ворвался в комнату Капустиной разъяренный, пьяный. Он что-то кричал, потом выхватил револьвер, выстрелил в постельку, где спал мальчик. Бабушка бросилась на помощь к внуку и повисла на руке у палача, и тот одну за другой пустил ей в грудь три пули. Веру солдаты утащили с собой.

Рассказывая об этой истории, младший лейтенант вскочил с дивана, взволнованно прошелся по комнате. Потом порылся в кармане, достал пестрого целлулоидного попугайчика с горошиной внутри.

— Вот нашли в ручонке у малыша, когда хоронили. Храню, храню и никогда я этого мальчика им не забуду.

Но история борьбы за дом 21/А этим только началась. Захватив его, гвардейцы сейчас же организовали круговую

оборону, взяв под контроль своих пулеметов перекресток. Утром немцы начали контратаку. На улицу обрушились залпы снарядов, бомбардировщики волна за волной пикировали на нее. Гвардейцы стойко держались в окопчиках, за баррикадами в угловых окнах домов, ожидая атаку. И вот в бой ринулись немецкие танки. 12 тяжелых машин шли вдоль улицы, неся на броне автоматчиков.

В узком русле улицы закипел бой огромного напряжения. Бронебойщики, хладнокровно дождавшись, когда танки поровняются, стали стрелять им в борты. Пять танков запылало. Но остальные, осторожно обойдя эти жаркие костры, пошли вперед. У бронебойщиков кончились боеприпасы. Меняя позиции, перебегая от одного окна к другому, они уклонялись от никального огня, который вели танки, и, выбрав момент, метали сверху гранаты. Еще три машины остановились с развороченными гусеницами, но четыре продолжали двигаться. Из окон нижних этажей гвардейцы из автоматов скашивали танковый десант. Но противотанковые средства были исчерпаны. Тогда один высокий боец, герой, о котором тут говорят с огромным уважением, но имени которого никто не знает, с криком:

— Не пройдете, гады! Не пущу!—схватил противотанковую мину, прижал ее к груди и вместе с ней бросился под гусеницы головного танка. Раздался взрыв. Покачнувшись, стальная махина остановилась с развороченным корпусом. Остались три танка. Они проломили баррикаду и подошли вплотную к дому 21/А. И тут защитники дома пустили в ход старое, испытанное средство: из подворотни полетели зажигательные бутылки.

Но немецкие автоматчики уже успели соскочить с танков и, смяв двух бойцов, пытавшихся их задержать, ворвались в первый подъезд дома. Яростная схватка завязалась на лестнице. Немцев было втрое больше, чем наших гвардейцев, но гвардейцы стойко отражали удары. Боец Чепурной залег с автоматом на лестничной площадке, ведущей ко второму этажу, и пока за его спиной товарищи воздвигали баррикаду из домашнего скарба, он сдерживал немцев короткими очередями. Немцам удалось захватить только 9-ю и 10-ю угловые квартиры. Чепурной дал по ним последнюю очередь и, шатаясь, — он был ранен в плечо и бедро — стал подниматься наверх. Товарищи перетащили его через баррикаду.

В это время к немцам пришли подкрепления. Дав несколько выстрелов из мелкокалиберного миномета по окнам

лестничной клетки, немцы пошли на штурм баррикады. У пятерых бойцов, защищавших ее, гранат уже не осталось, патроны кончались. Поэтому они били только наверняка, когда кто-нибудь из немцев пытался перелезать баррикаду. Они держали ее, пока, не поднявшись по пожарной лестнице во второй этаж, вторая группа немцев не ударила им в спину. И все же они успели отойти и снова закрепиться на третьем этаже. Раненого Чепурного они посадили на кухне у двери на балкон, отбивать попытки немцев проникнуть по пожарной лестнице. Бой возобновился неравный и еще больше ожесточенный. Немцы попытались бросать за баррикаду гранаты, но, прежде, чем те успевали разорваться, бойцы хватали их налету и бросали обратно на головы фашистов.

— Вот вам за Сталинград. А эту за мать-Украину. А эту за родной колхоз «Червоный шлях», — приговаривал боец Климук, ловко метая немецкие гранаты.

И немцы не выдержали. Они прекратили осаду, ушли в нижние квартиры. Но с рассветом они возобновили попытку очистить дом. На этот раз их миномет минут 10 бросал мины в окно лестничной клетки. Бурый дым взрывов, известковая пыль заполнили все непроницаемой пеленой. Но когда немцы пытались пролезть наверх, их снова встретили редкие, но меткие выстрелы из-за баррикады.

Гвардейцы, переждавшие бомбежку в квартирах, снова были на своих местах. Они постреливали по последней обойме, готовясь к рукопашной схватке. Но в это время наверху раздалось «ура». Оно грянуло неожиданно и продолжало нарастать. Это бойцы из соседнего блока, перебравшись по крыше, шли на помощь. На головы немцев одна за другой полетели гранаты. Это было так неожиданно, что немцы побежали, бросая убитых и раненых. С хода были взяты обратно квартиры 9 и 10. Дом № 21/А снова был полностью в наших руках. Неудачный штурм его обошелся немцам в 52 солдатских и 2 офицерских жизни.

Каждый день по ночам бойцы укрепляют дом, заделывают кирпичом оконные амбразуры, проделывают бойницы, окружают дом траншеями.

— Наш дом — это один из домов Сталинграда,—говорит младший лейтенант и ведет меня осматривать хозяйство этого своеобразного дота, где месяц тому назад мирно жили люди. Их вещи все еще стоят на своих местах, посыпанные известковой пылью, битым стеклом. В одной из комнат, должно быть чьей-то столовой, у замурованного окна, в которое

просунут ствол противотанкового ружья, в глубоких креслах сидят два бойца—расчет противотанкового ружья — и при свете коптилки мастерят мундштуки из обломков немецкого «Мессершмитта». В другой, угловой комнате пулеметчики Жуков и Евтифеев у станкового пулемета. В этой комнате сохранился детский уголок — крохотная смешная мебелишка и какие-то коврики со зверушками на стенах. Младший лейтенант смотрит на них, потом достает из кармана пестрого попугая — память об убитом мальчике и задумчиво говорит:

— А у меня тоже вот есть дочка Света, четырех лет, и сын Георгий, Егорко—двух.

Потом он вдруг резко подходит к пулемету, дает две длинных очереди по окнам дома наискось, где сидят немцы. Оттуда отвечают. Несколько мин сотрясают пол своими разрывами. Лейтенант говорит:

— Вот как вспомню о немцах — не могу. Всего затрясет, руки так и зудят стрельнуть, метнуть гранату, поработать штыком.

Мне опять вспоминается его фраза о том, что дом, который они обороняют, один из домов Сталинграда. И в самом деле, как в капле дождевой воды отражается солнце, так и в борьбе за этот дом отражено великое, эпическое упорство защитников города Сталина, сражающихся за каждую улицу, за каждый дом, за каждое окно в квартире, за каждую ступеньку на лестнице. И во всем этом борющемся, воюющем героическом городе, немцев ненавидят так же непримиримо и жгуче, как в доме 21/А.

Б. ПОЛЕВОЙ

РЕДУТ ТАРАКУЛЯ

Мы долго шли по северной окраине Сталинграда, пробираясь какими-то задворками и садами, карабкаясь через баррикады, пролезая сквозь закоптелые развалины домов, стремглав пробегая улицы и открытые места. Наконец, лейтенант Шохин остановился, перекинул автомат с плеча на плечо и сказал хриплым, сорванным голосом:

— Дошли. Тут! Вот это у нас и зовут редут Таракуля.

Он показал на груду битого кирпича и балок, возвышавшуюся на месте, где когда-то, очевидно, стоял небольшой, приземистый, старинный, прочной постройки дом. Это происходило в глухой час гулкой, беспокойной фронтовой ночи.

Холодная круглая луна серебрила седую от инея землю, пустые коробки когда-то больших и красивых домов, походивших теперь на истрепанные театральные декорации, подбитые снарядами телеграфные столбы, с бессильно болтавшимися кудрями оборванных проводов, чудом уцелевшую на углу красивую нарзанную будку, вкривь и вкось прошитую пулями.

Все тут — и мостовая, сплошь исковерканная и вспаханная разрывами снарядов и мин, и целые россыпи стрелянных гильз, и четыре просторных воронки от авиабомб, зацепевшие по краям и поэтому напоминавшие лунные кратеры из какого-то детского учебника, и, наконец, клочья темносерой немецкой шинели, заброшенной силой взрыва на ветки молодого каштана, все говорило о том, что это место совсем недавно являлось ареной долгой и яростной схватки, центром которой был этот совершенно разрушенный дом на углу.

— Редут Таракуля, — повторил лейтенант Шохин, которому, видимо, очень нравилось это название, и, показав на прямоугольные отдушины в массивном, хорошо сохранившемся каменном фундаменте, добавил: — а это амбразуры. Видите, какой широкий сектор обстрела на обе улицы. Вот через них они и держали наступление целого немецкого батальона. Вдвоем — батальон. Вдвоем, понимаете!

В хрипловатом голосе лейтенанта, человека бывалого, воюющего третью войну и отнюдь не склонного к восторженности, командира взвода разведчиков, слышалось настоящее, неподдельное восхищение, восхищение воина, восхищение мастера и знатока. И мне живо вспомнилась во всех подробностях история этого дома-редута, слышанная в Сталинграде уже от нескольких человек, необычайная, почти невероятная и в то же время правдивая история, являющаяся одной из характерных страничек тяжелой героической эпопеи сталинградской обороны.

Бойцы-пулеметчики, старые друзья, спавшие в одной землянке, евшие из одного котелка и курившие из одного кисета, Таракуль и Начирнер получили задание командира батальона, устроить пулеметные точки в этом доме на перекрестке двух окраинных улиц. Бой в этот день шел на другом участке, немцев здесь не ждали, и сооружение пулеметных точек было только одной из мер хорошей военной предосторожности. Получив приказ, спокойный, медлительный, неразговорчивый Начирнер и маленький, подвижной, вечно что-ни-

будь насвистывающий или напевавший Таракуль, быстро обошли пустой дом, облюбовали угловую комнату первого этажа, из окон которой можно было следить за всем, что происходит на скрещивающихся здесь улицах, и начали разбирать печь и заставлять кирпичами окна, чтобы оставить в них только узкие амбразуры. Силач Начирпер, стараясь не очень следить на паркетных полах и аккуратно обходя мебель, огромными охапками подносил кирпич, а его друг, насвистывая какую-то песенку, ловко укладывал кирпичи крест-накрест, чтобы они прочнее держались. Бой гремел далеко. Улицы были совершенно пустынны, но друзья, привыкшие на войне к неожиданностям, работая, не покладая рук, все время посматривали кругом.

Первая амбразура была уже готова, в ней установили пулемет и принялись было уже за вторую, когда Начирпер, принеся очередную охапку кирпича, увидел, что Таракуль не работает, а прильнул к пулеметному прицелу и, весь напружинившись, смотрит на улицу. «Немцы!» — догадался Начирпер. Он осторожно положил кирпич на пол и выглянул из-за косяка. Пятеро немцев с автоматами, болтавшимися у них на шее, как саксофоны, озираясь, крались по стенке вдоль улицы. Начирпер схватил винтовку, но Таракуль вырвал ее у него из рук.

— Разведка! Не спугивай. За ними еще припрут. Подпустим, а потом сразу по всем, — зашептал Таракуль, снова берясь за ручки пулемета.

В самом деле, дойдя до угла, немцы посовещались, осмотрели перекресток, один из них сделал какой-то знак. На улице показалась большая группа автоматчиков. Человек тридцать. Они тоже подошли к перекрестку и встали, прижавшись к стене, представляя собой удобную мишень. Они снова выслали вперед разведчиков. Но в это время две резких очереди потрясли воздух. Потом еще две. Несколько немцев упало, остальные побежали. Потом остановились. Часть начала стрелять из автоматов, а другая двинулась к своим убитым, чтобы их утащить. Две новых очереди подкосили еще нескольких, а остальные бежали, уже не оглядываясь.

— Есть!—победно гаркнул Таракуль, радостно сверкнув желтыми белками своих горячих цыганских глаз. Но Начирпер такой же спокойный, медлительный, молча показал ему на остов большого каменного дома напротив. В пустых окнах его было видно много серых, деловито суетившихся

фигур, быстро занимавших оборону. В это время сразу с двух улиц к перекрестку густо, мелкими перебежками, прижимаясь к подворотням, к воронкам, к телеграфным столбам, хлынули немцы, охватывая дом с двух сторон.

Таракуль оторопел. Немцев было много, и, что особенно ему показалось тогда страшным, они были не только впереди, как он привык с ними встречаться в бою, но и с боков, заходили сзади. Первое, что захотелось сделать бойцу, — это бежать, бежать скорее, бежать к своим, пока еще не поздно вырваться из этого полукольца, спастись и спасти свой пулемет. Но он увидел, как товарищ его деловито перекатывал свой пулемет в соседнюю комнату, чтобы отразить нападение немцев сбоку, и сразу же пришел в себя. Преодолев инстинктивный страх, он припал к пулеметному прицелу и стал короткими очередями выбивать, выкашивать перебегавших по улице немцев.

Те, что сидели в здании напротив, открыли по дому бешеную стрельбу. Но Таракуль уже не боялся. За кирпичной стенкой он чувствовал себя неуязвимым. Страх прошел. Он перерос в чувство волнующей грудь радости, когда немцы, десятки немцев там, на улице, вдруг побежали назад, перепрыгивая через трупы своих убитых и не обращая внимания на крики раненых. Теперь Таракуль тоже хладнокровно бил им в спину, и всякий раз, когда серая фигурка, точно спотнувшись, падала на землю и застывала, он приговаривал:

— Есть, есть, есть.

В соседней комнате работал (именно работал) пулемет Начпрпера. Верный себе, хладнокровный, спокойный даже в самую жаркую минуту боя, Начпрпер расчетливо, экономно бил короткими очередями. Он первым отбил атаку на своей улице, с винтовкой пришел на помощь товарищу и начал, тщательно прицеливаясь, бить по тем, что сидели напротив в доме. Те отвечали залпами из автоматов. Комната наполнилась известковой пылью. Пулеметчики легли на пол.

Когда атака была отбита и настала тишина, Таракуль добрался до приятеля. Его распирало чувство огромной радости, гордости собой. Он впервые осознал свои силы и от избытка этих сил, желая чем-то выразить свою радость, звонко хлопнул приятеля по спине. Тот молча отстранился, свертывая цыгарку, и тут Таракуль заметил, что приятель, который пять минут назад привел его в себя своим хладнокровием, был бледен, что пальцы у него дрожали и табак сыпался на колени.

— Чего радуешься, это ведь только начало,—сказал он своим ровным голосом и вдруг спросил: — А ты женатый? А дети есть?

И снова они расползлись по комнатам, каждый к своему пулемету. Слова Начирнера сбылись. Через час немцы предприняли еще одну атаку, а потом две, короткие и напористые, одну за другой. Пулеметчики отбивали атаки и с каждой новой схваткой действовали хладнокровней, уверенней, и каждый раз все больше и больше серых фигур в неестественных, изломанных, кукольных позах навсегда застывали на мостовой.

Тогда немцы подтянули минометы. Они стали бить из сада напротив и били по дому двадцать минут. С десяток мин разорвалось в верхних этажах. Казалось, все в доме было разрушено, разбито, разнесено в клочья и перемешано с обломками штукатурки. Но когда немцы снова бросились в атаку вдоль улиц, снова четко заработали два пулемета, и две смертоносных свинцовых струи преградили им путь. Пулеметчики пережидали обстрел в маленьком коридорчике и, как только минометы смолкли, опять выползли к своим боевым машинам.

Трудно сказать, что думали немцы. Считали ли они, что имеют дело с целым гарнизоном, что они наткнулись на замаскированный дот, или мужество двух пулеметчиков подорвало наступательный дух целого батальона, но они больше уже не пытались прорваться прямой атакой. Они подтянули три орудия и стали бить по дому. После каждого выстрела Таракуль кричал приятелю:

— Жив?

И тот спокойно, словно речь шла о чем-то обыденном, деловито отвечал:

— Жив.

Но вот снаряд угодил прямо в комнату, где сидел Начирнер. Когда смолк грохот разрыва, он не ответил товарищу. Таракуль бросился туда. Среди развороченных камней, разбросив раненые ноги, лежал грузный пулеметчик. Сдерживая боль, он кусал губу и сквозь зубы процедил:

— Ранен...

Что делать? — пронеслось в уме Таракуля. Теперь он остался один против целого батальона немцев. Но он обдумывал свое положение спокойно, без тени страха. В следующее мгновение он уже нес друга вниз, в подвал. Потом он перетащил туда пулеметы и боеприпасы. Он установил их в

том же порядке, как и наверху, высунув стволы в прямоугольники отдушин. В это время раздались взрывы, от которых все здание подпрыгнуло и затряслось. Это разорвалась серия авиабомб. Немцы вызвали на помощь авиацию. Одной из бомб дом был разрушен. Груды кирпича и битого щебня завалили подвал, но массивные своды выдержали. Пулеметчик Таракуль и его раненый товарищ остались живы, погребенные под обломками и отрезанные обвалом от мира. Придя в себя, Таракуль даже обрадовался этому обстоятельству. Он мог теперь не опасаться нападения с тыла. Груда развалин довольно надежно закрывала его от снарядов. Когда немцы опять пошли в атаку, они снова были отброшены огнем двух пулеметов. Заваленные обломками дома, Таракуль и его тяжело раненый друг, продолжали стрелять, а когда раненый лишался сознания, Таракуль (тоже раненый, но легко) бегал от одного пулемета к другому, простреливая обе улицы.

Вспоминая потом об этом, он никак не мог сказать, долго ли шла эта неравная и беспримерная борьба; он вообще не мог что-нибудь вспомнить, кроме того, что он стрелял из двух пулеметов, не видя перед собой ничего, кроме двух перекрещивающихся улиц, и не думая ни о чем, кроме того, что эти улицы, улицы Сталинграда, нужно во что бы то ни стало удержать. Он стрелял до тех пор, пока где-то вдали не услышал «ура», которое приближалось, нарастало, пока по обломкам асфальтового тротуара не затопали тяжелые шаги наступающей пехоты и перед амбразурами отдушин не замелькали родные, песочного цвета шинели. Тут он бросил пулемет, стал трясти раненого друга, крича ему в ухо только одно слово:

— Наши! Наши! Наши!

Когда подразделение командира Мохова очистило всю улицу, пришлось долго разрывать и даже подрывать камни, чтобы извлечь героев из-под развалин. Их освободили вовремя, за несколько минут до начала немецкой контратаки. Начирнера отнесли в госпиталь, а Таракуль вырвался из рук медсестры, перевязывавшей ему рану, схватил винтовку и бросился в новый бой.

Улица эта осталась у нас, а развалины дома, возвышающиеся сейчас на перекрестке, кто-то шутливо назвал «редутом Таракуля». Название это так к ним и приросло...

— Вы знаете, вот потом, когда очистим город и разобьем немцев, надо бы это место оградить забором, повесить

здесь доску и на доске написать о том, на что способны два советских бойца - сталинградца. И пусть все ходят и смотрят, смотрят и удивляются, — говорит лейтенант Шохин и, улыбнувшись, сам себя опровергает: — Чепуховый проект! Слишком много таких памятников пришлось бы оставлять в Сталинграде, на каждой улице, в каждом переулке. Нет, лучше мы построим тут новые, замечательные, красивые дома, чтоб хорошо, удобно, уютно жилось в них людям и чтоб люди, живя в них, добрым словом вспоминали о нас, защитниках Сталинграда.

В. ЛИДОВ

НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ

Немцы ведут сейчас наступательные бои на узком участке Сталинграда. Ареной боев являются заводы и рабочие поселки.

Концентрация всех своих усилий и средств на одном узком участке фронта, характерна для тактики немцев в наступлении. Противник употребляет все свои немалые силы на то, чтобы овладеть хоть одной его важной частью и получить, таким образом, возможность сделать долгожданное заявление об успехах на берегах Волги.

Секрет упорной обороны Сталинграда не в выдуманных немцами фортификациях, а в стойкости защитников города, а также в размерах Сталинграда и его планировке. Сталинград, вероятно, — самый длинный город в России. Он тянется по Волге на десятки километров, то сужаясь, то расширяясь вновь. Ручьи и речки текут в Волгу, размывая гористый берег, образуя глубокие балки. Они перехватывают город в нескольких местах, как бечевка вязку сосисок. Постройки мельчают, и кажется, что город переходит уже в пригород и вскоре кончится совсем. Но вот — мост через балку, и за ним опять большие дома, улицы, фабрики. Сталинград начинается снова.

Мы отправляемся в один из южных районов города. Этот район обороняет эпская гвардейская часть. На первый взгляд, здесь все спокойно. Ходим по тихим улицам. Часть домов разрушена. Во многих домах ставни закрыты и наглухо заколочены досками: их жители выехали на время за Волгу. Но в некоторых домах живут. Дети играют на улицах, ма-

тери в огородах роют картошку. Сталькрэс, пробитая со всех сторон снарядами и осколками, отключила часть пригорода, занятую немцами, и продолжает частично работать, снабжая энергией районы, остающиеся в наших руках. Здешние жители спят в своих постелях, топят печи, готовят обед, развешивают во дворах белье, получают «Сталинградскую правду».

И все же жизнь здесь какая-то приглушенная, в ожидании бомбы или снаряда. Время от времени хоронят убитых при артиллерийском обстреле и бомбежке. Но все относительно на войне. Живущие в этих кварталах люди, считают себя счастливцами в сравнении с теми, которые оказались по ту сторону города. Они не спрашивают, как это кончится. Они спрашивают: скоро ли? Скоро ли немцев прогонят, скоро ли откроются предприятия, магазины и жизнь опять зазвучит громко?

На одной из улиц оградки палисадников сняты со столбов и положены плашмя в виде навесов, а под ними стоят орудия. Знакомимся с командиром орудия, старшим сержантом Николаем Филоненко. Он роется в карманах и отыскивает бумажки, где для памяти записал, когда и что он уничтожил своими снарядами: 13 танков, 57 автомобилей, 49 повозок, шестиствольный миномет, 7 пулеметных точек, около 600 немцев.

Стоит немного отойти от поселка, подняться в гору и втиснуться в ход сообщения, как попадешь на наблюдательный пункт. Отсюда видны цели, по которым бьет Филоненко. Это блиндажи и траншеи немцев и дорога, по которой они подводят свои резервы к Сталинграду.

Как чувствуют себя немцы, сидящие против нас в обороне? На-днях наш снайпер ухлопал, наконец, обер-ефрейтора Германа Вигребе. Они много дней сидели в земле один против другого, знали один другого в лицо. Сидя в окопе, Вигребе писал письмо своему брату Густаву. Теперь это письмо передо мной. «О себе хорошего писать нечего. Четыре месяца нет подвоза мяса и жиров. И единственная мысль, беспокоящая меня, — это о моем желудке. Вообще, вы не можете себе представить, что здесь происходит. На-днях пробегали собаки. Я стрелял. Но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей».

Наши бойцы на передовой получают два раза в день горячую пищу: мясо, кашу или суп, чай и, сверх нормы, свежую рыбу. Волжские рыбаки сами пришли к гвардейцам

со своими снастями. Их жены тут же, в расположении части, чистят судаков. Ночью на передовые привозят уху, и ее аромат наверняка доносится до обоняния какого-нибудь гитлеровского собаколова.

С берега Волги видно поле боя. Идет артиллерийская дуэль. Там, где упал снаряд, поднимается облако пыли. Снаряды ложатся двумя рядами, недалеко один от другого. Один ряд—это наши попадания, а другой—немецкие. Наши снаряды ложатся возле отдельно стоящих домиков, а германские — у самого берега Волги. В артиллерийский концерт вступает еще одна неприятельская батарея. Она начинает класть снаряды вокруг нас. Один попадает в берег, вздымая каскад черной земли и черного дыма, другой — в воду.

Ту часть Сталинграда, где мы побывали сейчас, мы назовем все-таки мирным городом, ибо все относительно на войне. Посмотрим теперь туда, куда немец устремил всю свою ярость. Белые и темные дымки тут и там вьются над городом, и кажется, будто город живет и дышат заводы. Но это не дыхание жизни, это — дыхание смерти. Дым этот —от мелких пожаров, которые ни на один день не прекращались с 24 августа, когда немцы подвергли город первой страшной бомбардировке.

Я вижу отсюда каждый дом и каждое окно. Кто в доме: наш пулеметчик или немецкий мародер с мешком? Что за окном: жизнь или смерть? И чья это пушка нижет над крышей кудрявые барашки шрапнельных разрывов? Но вот возникает новый пожар. Черный густой дым валит широким столбом. Это горит нефть или мазут на одном из заводов. Дым разливается по небу, гигантской жирной лужей. Вот он достигает солнца, солнце сразу меркнет, и преждевременные сумерки окутывают Сталинград и Заволжье.

Ночь. Теперь не видно дыма, но видно пламя. Во многих местах горит Сталинград. Пусть горит, — мы отстоим его и возродим из пепла! По нескольку осветительных ракет сразу взвивается в кварталах, занятых немцами.

В осенний звездопад не отличишь падающую звезду от трассирующего снаряда. Сюда бы художника — написать для потомков эту феерическую сталинградскую ночь в сверкании пороха, магния и фосфора, это небо, исчерченное полетом разноцветных пуль.

Ночью явственнее слышна канонада. Она мерно гремит над Волгой, как исправно работающая машина, без остановки месяц и двадцать дней. Светят прожекторы, пролетают

невидимые бомбовозы, наши — туда, их — сюда. И вот неприятное: «Юнкерсы» идут к переправе. Они втыкают над ней свои «свечи». Три светящиеся бомбы недвижимо повисают в небе. «Им» все видно: баржу и буксир посреди реки и автомобили, скопившиеся в ожидании переправы. «Они» пикируют раз, другой, третий; свечи горят, барже некуда деться. Кто в ней: свежие бойцы, готовые вступить на священный берег Сталинграда, или эвакуированные из своих пещерных убежищ дети? Долго гудят зловещие раскаты бомб.

Неужели попала? Ночь еще велика, будет еще много паромов и много «Юнкерсов».

Утром опять ярко светило солнце. Мы долго ходили по улицам Сталинграда, прежде чем спуститься к переправе. Это наш, советский, незапятнанный фашистами Сталинград. Потом перебрались на левый берег и проезжали деревни Заволжья, где нет ни зелени, ни воды, где серой пылью покрыты дома и заборы, где нет ни травинки на темных широких улицах. По этому пути идут в Сталинград наши резервы.

А тех, кто едет оттуда, останавливают и спрашивают, подойдя поближе, почти на ухо:

— Ну, как Сталинград?

— Сталинград? Да, знаете, ничего. Держится.

И держаться будет!

В. ГРОССМАН, В. КОРОТЕЕВ

В ГОРОДЕ СТАЛИНА

В Сталинграде на одном из заводов состоялось торжественное заседание Сталинградского Городского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных, общественных и хозяйственных организаций и воинских частей, защищающих город.

Люди сходились поодиночке и небольшими группами, шли осторожно, во мраке ноябрьской ночи, ступая через рельсы, исковерканную арматуру, мимо глубоких черных ям, вырытых фугасными бомбами.

Тяжелую темень раскалывали взрывы снарядов и мин, красные нити трассирующих пуль неслись в нёбо, словно искры от невидимого костра. Судорожно ощупывали облака немецкие прожектора, чуя гул наших тяжелых бомбардировщиков. Широкие, в полнеба, зарницы бомбовых разрывов на миг

освещали черную волжскую воду, бесконечно длинные стены цехов с выбитыми стеклами, паровозы, недвижимо висящие в пролетах краны. Люди шли медленно, освещая себе путь электрическими фонариками, часовые окликали идущих, указывали дорогу у входа на затемненную лестницу. Вооруженный рабочий освещал фонарем пригласительные билеты.

И после долгого мрака все невольно щурились, входя в ярко освещенный зал, улыбаясь, глядели на электрические лампы. Все понимали великое мужество рабочих и инженеров, сумевших во время уличных боев под огнем артиллерии и минометов ярко и праздично осветить зал торжественного заседания.

Все — и мужчины и женщины были одеты в сапоги и ватные телогрейки, у всех были револьверы, многие держали в руках автоматы. Рядом садились красноармейцы, командиры Красной Армии, рабочие, директора заводов.

Тревожно позванивал при разрывах стакан, надетый на горлышко графина, стоявшего на столе. Над столом президиума висели большие портреты Ленина и Сталина, красный транспарант: «Да здравствуют героические защитники Сталинграда!».

Заседание открывает председатель исполкома Сталинградского горсовета Пигалев.

— Два поколения советских людей, — говорит он, — с одинаковым героизмом и преданностью отстаивают сейчас октябрьские завоевания. Старшее поколение, ветераны Царицына, те, кто завоевал советскую власть, и молодое поколение — сыны Сталинграда. Празднуя 25-ю годовщину Октября, мы вспоминаем тех, кто отдал свою жизнь за нашу отчизну, мы вспоминаем славных героев Царицына и Сталинграда. Народ никогда не забудет павших в боях за свободу. Перед их святыми могилами мы склоняем свои головы.

Пигалев предлагает почтить память погибших героев. Все встают.

Под бурные аплодисменты и возгласы «ура» в почетный президиум избираются члены Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

В президиум избираются председатель городского комитета обороны, секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов, секретарь горкома партии Пиксин, командующий и члены Военных Советов армий, защищающих Сталинград, боец Кондрашев, директора заводов Суворов, Земляпский и др.

Собрание посылает братский привет бойцам и командирам, героям Сталинграда.

— Защищая Сталинград, — говорит тов. Чуянов, — мы защищаем плоды октябрьских завоеваний, свободное будущее всего человечества. Планы врага, хотевшего с ходу захватить Сталинград, рухнули. Мы с вами празднуем 25-летие Октября в Сталинграде. Три месяца стоит наш город, как богатырь, отбивая яростные удары врага.

Докладчик говорит о великолепном мужестве и стойкости защитников города Сталина. Он называет имена храбрецов, изумивших весь мир своими подвигами, —гвардейцев дивизии, которой командует Родимцев, о воинах подразделений Горохова. Он говорит о самоотверженности рабочих Сталинграда.

— Разве не настоящий воин машинист турбины Скотников? — восклицает докладчик. — Бомба попала в крышу, ударила в перекрытие, осколки раздробили штурвал. Скотникова осыпало сотнями мелких осколков стекла. Кровь лилась из рук машиниста, но он не ушел с поста до тех пор, пока не пришла смена. Сдав смену, Скотников упал без сознания. Или кочегар Харитонов? снаряд попал в котельную, разбил паропровод. В клубах горячего пара, окутавшего котельную, кочегар остановил один котел, пустил другой и спас положение.

Заканчивая доклад, Чуянов говорит:

— Сталинград остановил наступление немцев. Поклянемся же, товарищи, всему нашему народу, товарищу Сталину, что мы не пожалеем сил и жизни, чтобы отстоять наш родной и любимый город.

Участники торжественного заседания поднимаются с мест и единодушно аплодируют этим словам. После этого зачитывается письмо товарищу Сталину.

Не в пышном зале городского театра собрались участники торжественного заседания, не по праздично освещенным улицам приехали делегации сталинградских заводов. Они пришли из темных, наполовину разрушенных цехов, из подвалов, блиндажей, окопов, землянок. Но слава сражающегося Сталинграда придавала собранию этих вооруженных рабочих и красноармейцев величественную торжественность и красоту. В этой военной суровости лиц и одежд, в этом поблескивавшем

оружии, в этом тесном боевом единении рабочих, красноармейцев, краснофлотцев, сидевших рядом плечо к плечу, проявилась вечная бессмертная мощь советского народа, сила великой Октябрьской Социалистической Революции.

К населению города Сталинграда

Дорогие товарищи!

Вот уже месяц идут ожесточенные бои за Сталинград. Немецко-фашистская армия вместе с румыно-итальянской сворой любой ценой стремится овладеть Сталинградом. Они бросили в бой отборные свои дивизии фашистских головорезов, сотни танков и самолетов для того, чтобы сломить сопротивление героических защитников Сталинграда — наших отцов, сыновей, братьев и сестер, бойцов Красной Армии и рабочих города. Нет, этому не бывать!

Неоднократно намечаемые германским командованием сроки взятия города Сталинграда — провалились. Германская пропаганда через шпионов, диверсантов, через листовки, всеми средствами пытается запугать население и посеять сомнения в боеспособность наших защитников. В действительности сегодня положение защитников Сталинграда еще более укрепилось, страна на помощь защитникам города направляет все больше лучших боевых частей, которые истребляют немецкие войска в районе Сталинграда.

В этой героической борьбе за Сталинград каждый гражданин нашего города, сознавая всю свою ответственность перед Родиной, всеми средствами и силами должен активно помогать воинам Красной Армии в истреблении фашистских головорезов, вторгнувшихся на нашу священную землю.

Пусть каждый помнит, что день освобождения нашей Родины от заклятого врага недалек.

Дорогие товарищи Сталинградцы!

Смелее истребляйте фашистскую мразь, пробравшуюся в наш солнечный город.

Каждый из вас убедился во лжи фашистской пропа-

ганды и в том, что немецкая армия принесла разрушение нашему городу, истребление наших отцов, матерей, братьев, сестер и детей, разрушение родного очага многих семей.

Отомстим за поругание нашего города и нашей Родины! Смерть немецким оккупантам! Все на строительство баррикад! Все на разгром и изгнание извергов человечества — фашистской нечисти из нашего города!

Сталинградский городской комитет обороны:
ЧУЯНОВ, ЗИМЕНКОВ,
ВОРОНИН, ДЕМЧЕНКО.

К защитникам Сталинграда, к рабочим, колхозникам, ко всем трудящимся Сталинградской области

Обращение X пленума Сталинградского Областного Комитета ВКП(б)

Дорогие товарищи!

В дни напряженной борьбы за славную волжскую твердыню, за наш родной, любимый Сталинград мы обращаемся к вам, мужественные защитники города Сталина.

Два месяца вы героически отстаиваете город, два месяца стойко отражаете бешеный натиск гитлеровских орд, остервенело рвущихся в Сталинград, к Волге. Любой ценой гитлеровцы хотят овладеть городом, выйти к волжским просторам. Сюда, на этот участок фронта, они бросили крупные силы немецких войск и войск своих вассалов — Румынии. Венгрии, Италии, Словакии, что бы достигнуть решающей победы в военной кампании 1942 года.

Сталинград — это Волга. Сталинград — это ворота на Юг, на Каспий. Сталинград — это ключ к богатейшим хлебным и промышленным районам юго-востока Советской Страны.

Вот почему взоры всего Советского народа прикованы сейчас к Сталинграду, к вам, мужественные его за-

щитники. Священной тревогой наполнены сердца советских людей за город Сталина, за город, под стенами которого 24 года тому назад Красная Армия отстояла молодую Республику Советов, за город, с именем которого связана история становления и развития Советского государства, социалистической индустрии. С мыслью о Сталинграде живут и работают советские патриоты. Все свои силы, всю энергию, все пламя любви к отчизне, они отдают защите города Сталина. Со всех концов Советского Союза нескончаемым потоком идут к вам, защитники Сталинграда, эшелоны с оружием, с боеприпасами, снаряжением, с продовольствием. Вся страна вместе с вами отстаивает Сталинград. Город Сталина стал знаменем всей нашей жизни, работы, борьбы.

Гитлеровцы рассчитывали ударом неслыханной силы смять ряды защитников Сталинграда, с хода занять город. Варварской бомбежкой с воздуха, чудовищными разрушениями, враг пытался поколебать стойкость сталинградцев, вызвать растерянность и панику среди населения, дезорганизовать оборону города.

Но гитлеровское командование жестоко просчиталось. В час тяжелых испытаний не дрогнули ряды сталинградцев. Мужественно и стойко встретили они смертельную опасность, нависшую над городом. Верные славным традициям героической обороны Красного Царицына, сталинградцы все, как один, поднялись на защиту своего любимого города. Рабочие, оставив заводские корпуса, станки и мартены, с оружием в руках вышли навстречу прорвавшемуся врагу. Грудью своей они преградили ему путь. Женщины, подростки, старики по призыву Городского Комитета Обороны, взялись за сооружение баррикад, превращая в крепость каждую улицу, каждый квартал.

В славных подвигах защитников Сталинграда вновь воскресены бессмертные традиции обороны Красного Царицына. Мужеством и стойкостью защитников Сталинграда восхищается вся наша страна, все свободолюбивые народы мира. Из края в край Советской земли прогремела слава о подвиге 33 воинов Красной Армии, уничтоживших в одном бою 27 немецких танков и 150 гитлеровцев. Обессмертили себя в веках шестнадцать героев-гвардейцев, которые, защищая Сталинград, пали

смертью храбрых, но не пропустили врага. В боях за любимый город, за родной завод отдали свою жизнь тракторозаводцы: товарищи Кондратьев, Иванов, Володин, Симонов, Момотов, Фомин, краснооктябрьцы сталевары Орлов, Кузьмин, Ольга Ковалева.

Их подвиги служат примером беззаветного служения родине, образцом воинской доблести, русской стойкости и отваги.

ТОВАРИЩИ ЛЕТЧИКИ, АРТИЛЛЕРИСТЫ, ТАНКИСТЫ, МИНОМЕТЧИКИ, ПЕХОТИНЦЫ, СВЯЗИСТЫ, КРАСНОФЛОТЦЫ!

От имени трудящихся города Сталина, от имени всех трудящихся Сталинградской области пленум Областного Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков обращается к Вам, родные наши сыновья и братья, славные защитники Сталинграда.

Родина вверила вам судьбу Сталинграда. Родина требует отстоять Сталинград, отстоять, не взирая ни на что. Пусть станет нерушимым законом, велением сердца для каждого из вас — город Сталина, город славы и гордости советского народа — нельзя отдавать врагу.

НИ ШАГУ НАЗАД!

В эти трудные дни проникнемся одной мыслью — отступать некуда. Пути отступления закрыты приказом родины, приказом народа.

Вспомним, как наши отцы и братья 24 года назад защищали Красный Царицын. Как ни тяжело им было тогда, как ни рвался враг к городу, они не помышляли об отступлении. Девизом героев обороны Царицына было одно: — вперед и только вперед на врага! Так пусть же образы героев Красного Царицына вдохновляют вас теперь на новые, великие подвиги во славу родины, зовут вас на беспощадную борьбу с немецкими захватчиками.

Бейтесь стойко и яростно за каждый вершок сталинградской земли, за каждую улицу, за каждый дом. Пусть всюду немцев настигает смерть.

Отомстите немецким варварам за все совершенные ими чудовищные злодеяния, за наш город, за разрушенные очаги, за кровь и слезы женщин и детей.

ТРУДЯЩИЕСЯ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ!

Защита Сталинграда требует героических усилий не только фронта, но и тыла. От того, как будут работать наши заводы и фабрики, наши колхозы и совхозы — от четкой и слаженной работы всего прифронтового тыла, во многом зависит судьба Сталинграда. Будем работать в тылу также самоотверженно, как бойцы сражаются на фронте! Дадим защитникам Сталинграда все необходимое для победы над врагом. Обеспечим в своих рядах такую железную дисциплину, такую организованность, стойкость и бдительность, чтобы враг нигде не нашел прохода вперед.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ, ИНЖЕНЕРЫ И ТЕХНИКИ! Больше оружия, боеприпасов, снаряжения фронту. В предоктябрьском социалистическом соревновании добивайтесь всемерного повышения производительности труда, увеличения выпуска продукции для фронта.

ТОВАРИЩИ КОЛХОЗНИКИ И КОЛХОЗНИЦЫ, СПЕЦИАЛИСТЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА! Ускорим выполнение планов государственных поставок сельскохозяйственной продукции, увеличим площади озимых посевов и зяблевой вспашки, подготовим теплую и сытую зимовку скоту. Завершим к XXV годовщине Великой Октябрьской Социалистической Революции все сельскохозяйственные работы 1942 года, дадим Красной Армии, защитникам Сталинграда больше продовольствия, и больше сырья — промышленности.

МОЛОДЫЕ ПАТРИОТЫ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ! Овладевайте военными специальностями. Готовьте себя к битвам за родину!

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ, НАХОДЯЩИЕСЯ В РАЙОНАХ, ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ НЕМЦАМИ! Красная Армия перемалывает под Сталинградом отборные гитлеровские дивизии. День ото дня растут и крепнут наши удары по врагу. Чтобы приблизился час вашего освобождения от немецкого ига, создавайте невыносимые условия для немецких захватчиков. Ярче разжигайте пламя партизанской борьбы, смелее производите диверсии, разрушайте связь, транспорт врага, всеми доступными средствами истребляйте немец-

ких захватчиков, помогайте Красной Армии очистить нашу священную землю от немецкой погани!

С каждым днем все ожесточеннее и яростнее становится гигантская битва за Сталинград. За ее исходом напряженно следит вся страна, весь советский народ. Родина требует от нас выдержать все испытания, как бы тяжелы они ни были и отстоять Сталинград любой ценой.

ТАК ПОКЛЯНЕМСЯ ЖЕ РОДИНЕ, ЧТО МЫ ВЫСТОИМ, НЕ ОТДАДИМ ВРАГУ ГОРОД СТАЛИНА.

БЕЗ СТАЛИНГРАДА ДЛЯ НАС НЕТ ЖИЗНИ, НЕТ СЧАСТЬЯ.

ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА, ЗА СТАЛИНГРАД!

СТАЛИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

Трудящимся города Ленина, славным защитникам Ленинграда

Дорогие товарищи!

В дни суровой, тяжелой борьбы за наш родной, любимый Сталинград, мы приветствуем вас, мужественные ленинградцы!

Более двух месяцев идет кровопролитная битва у стен нашего города. Натолкнувшись на стойкое сопротивление защитников Сталинграда, гитлеровцы с неслыханным варварством обрушились на город. Они сожгли целые кварталы, разрушили наши жилища, дворцы, школы. Но им не удалось запугать нас, сломить нашу стойкость. На защиту родного города поднялись все сталинградцы. Мы покрыли все улицы города баррикадами. Взявшись за оружие, мы сказали себе: «Выстоим, как ленинградцы!».

Мы потомки тех, кто под руководством великого Сталина отстояли Красный Царицын в тяжелые годы борьбы за молодую Советскую Республику, — мы сталинградцы, и нам не к лицу пятиться перед врагом.

И мы вышли на боевые рубежи родного города и

поклялись биться с врагом до последней капли крови, до последнего вздоха.

Мужеству, стойкости, выдержке в борьбе с немецкими захватчиками, мы учились у вас, герои-ленинградцы. Ваш великий пример защиты Ленинграда — колыбели пролетарской революции, вдохновляет нас на борьбу за город Сталина, за матушку Волгу—колыбель русской вольницы.

Товарищи ленинградцы! Приближается XXV годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. В горячих схватках с лютым врагом, в огне боев за Родину встречаем мы эту знаменательную дату. Доблестные защитники Сталинграда — гвардейцы части Героя Советского Союза тов. Родимцева объявили в честь XXV годовщины Великого Октября грозное соревнование на истребление немецких захватчиков. Вызов гвардейцев подхвачен всеми защитниками города. Дорого обходится немцам каждый вершок сталинградской земли. Трудящиеся нашей области, вступив в предоктябрьское социалистическое соревнование, живут одной мыслью, одним стремлением — отстоять Сталинград, сделать все для того, чтобы дать фронту больше вооружения, боеприпасов, продовольствия.

Вся страна пришла на помощь Сталинграду, городу-бойцу. Эту помощь, особенно близкую и дорогую нам, мы чувствуем и со стороны защитников Ленинграда. Чем крепче стоит Ленинград на Неве, тем тверже защита Сталинграда на Волге.

Боевые друзья, славные защитники города Ленина! Больше истребляйте немцев на ленинградских рубежах! Больше давайте оружия фронту! От всего сердца желаем вам успеха в предоктябрьском социалистическом соревновании, в вашей беспримерной борьбе с врагом. Заверяем вас, что в борьбе за родной Сталинград мы не пожалеем ни сил, ни жизни своей. Город Сталина врагу не отдадим.

Да здравствует боевая дружба наших городов-героев!

Да здравствует наша родина, наш Сталин!

Принято на собраниях трудящихся Сталинграда и Сталинградской области.

Бойцам, командирам, политработникам и всем трудящимся Сталинграда

Дорогие друзья, братья!

С волнением читали мы ваше приветствие, наполненное бодростью, мужеством и верой в нашу победу над лютым и коварным врагом — германским фашизмом.

Вы своей доблестью, мужеством, массовым героизмом при защите от фашистского зверья родного города прославили себя в веках. С мыслью о Сталинграде встают к станкам ленинградцы, с именем вашего города, как с боевым кличем, идут в бой воины Ленинградского фронта. Сталинград — это теперь клятва на верность Родине, пример стойкости, образец мужества.

Боевая дружба давно и прочно связывает наши города. Не в первый раз под стенами наших городов решаются судьбы Родины. В первые годы революции банды Юденича пытались захватить Петроград. Они дошли до Пулковских высот. Смертельная опасность нависла над колыбелью революции. Но питерские рабочие под руководством товарища Сталина разгромили врага, отстояли родной город. Под Царицыном в тяжелые годы гражданской войны решалась судьба молодой республики Советов. Под руководством товарища Сталина царицынские рабочие отстояли свой город. Боевые традиции тех лет, боевой дух той поры жив, он стократ умножен за месяцы Отечественной войны. Именем Ленина назван Петроград, именем Сталина — Царицын.

Сейчас, как и в годы гражданской войны, Ленинграду и Сталинграду выпали суровые испытания, фашистские орды яростно рвутся к Волге, в Сталинград.

Мы знаем — борьба тяжела. Немцы с неистовством отчаяния, как потерявшие голову азартные игроки, делают свою последнюю ставку. Они движутся по горам трупов собственных солдат и офицеров. Фашистские мерзавцы уничтожают все то, что создавалось ва-

шим упорным и вдохновенным трудом, чем мы по праву гордились. Боль сжимает сердце, но ненависть сильнее боли! Врагу не сломить воли защитников Сталинграда, не поколебать их мужества. Товарищи сталинградцы! За вами честь и слава страны. Миллионы глаз смотрят на вас с надеждой и восхищением. Миллионы рук напрягаются в труде, чтобы помочь вам.

Дорогие товарищи! Заверяем вас, что не жалея сил и жизни, не зная страха и устали в борьбе, преодолевая трудности и лишения осады, мы вместе с вами куем и будем ковать победу над ненавистным врагом.

Боевой славой озарена дружба наших городов в прошлом. Боевыми делами скреплена сейчас. Будем же, товарищи сталинградцы, еще отважнее и упорнее, еще искуснее разить фашистскую армию, будем беспощадно истреблять гитлеровскую нечисть.

Да здравствуют герои-сталинградцы!

Да здравствует наша Родина!

Да здравствует товарищ Сталин, под водительством которого мы побеждали, под водительством которого победим и сейчас!

П. ПОПКОВ.
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА.

А. КУЗНЕЦОВ.
СЕКРЕТАРЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б).

Прочитать и обсудить на собраниях молодежи

Письмо к комсомольцам и молодежи Сталинградской области

Дорогие товарищи!

В районе Сталинграда идет ожесточенная, кровопролитная битва. Больше двух месяцев наши войска стойко обороняют наш славный Сталинград, не щадя жизни, сражаются с гитлеровской ордой, которая бешено рвет.

ся, чтобы овладеть Волгой и направить свои войска на Москву, на Баку.

Тяжело защитникам Сталинграда. Немцы бросили на город десятки отборных дивизий, тысячи танков и самолетов. Фашисты безжалостно бомбардируют город, они сожгли и разрушили рабочие кварталы, заводы, школы, ВУЗы и больницы, оставили без крова тысячи мирных жителей — женщин, стариков, детей. Беспрерывными атаками с воздуха и земли враг пытается сломить стойкость защитников города. Но герои Сталинграда неустрашимы. В дыму пожаров, в пороховом дыму, подвергаясь яростной бомбежке немецких самолетов, под огнем артиллерии и танков они твердо стоят, отбивая одну за другой атаки гитлеровцев. С каждым днем все более ожесточеннее становятся бои за Сталинград. Наши бойцы наносят немцам тяжелые потери. Подступы к городу, окраины Сталинграда устланы сотнями сгоревших танков, трупами тысяч немецких солдат и офицеров.

Среди защитников города — тысячи комсомольцев, молодых бойцов, юношей и девушек, наших земляков-сталинградцев. Не жалея крови и жизни своей они грудью защищают родной и любимый Сталинград. Они знают, что их отцы и старшие братья отстояли в свое время Царицын от немецко-красновских разбойников. Молодые бойцы стали наследниками славы своих отцов-героев Царицына.

Комсомольцы, вся молодежь Сталинграда и области могут гордиться подвигами лейтенанта Николая Цилибина, бывшего секретаря Молотовского райкома ВЛКСМ, батарея которого разбила под Сталинградом 15 немецких танков. Мы гордимся славным подвигом наших земляков-бойцов — Николая Сарафанова и Михаила Чембурова. Обороняя улицу, они не устрашились десяти немецких танков, идущих на них. Храбрецы подбили один танк из противотанкового ружья, а три танка подожгли бутылками с горючим, а когда осталось несколько гранат, они обвязались ими и бросились под вражеские танки, не желая отступать. Слава им, нашим молодым товарищам, героям, отдавшим свою жизнь за Сталинград! Пусть каждый из нас запомнит имена Коли Сарафанова и Миши Чембурова!

Аня Бесчастнова — 19-летняя комсомолка из Солодчинского района была санитаркой. В тяжелый момент, когда враг окружил наше подразделение и был убит пулеметчик, Аня стала на его место и продолжала поливать немцев свинцовой струей. Юная героиня была ранена, но продолжала вести огонь и уничтожила более тридцати гитлеровцев.

Молодые сталинградцы страстно и горячо любили свой город, землю Сталинграда, овеянную сталинской славой, свои заводы, сады и парки, школы и ВУЗы, широкие просторы Волги. Здесь мы росли, учились, здесь мы мечтали, дружили, любили. Молодежь Сталинграда с гордостью пела песню, которая начиналась так:

Мне большего счастья не надо,
В нем сила и радость моя,
Чем жить на земле Сталинграда,
Чем быть сталинградцем, друзья!

И когда враг прорвался к городу и подошел к стенам Тракторного завода, молодые заводские парни с «Красного Октября», «Баррикад», СТЗ, с железной дороги вместе со старыми рабочими взяли в руки винтовки, пулеметы, гранаты и пошли в бой. Они пошли в бой с песней, которую распевали мы раньше на комсомольских собраниях и конференциях:

Мы — комсомольцы, мы — сталинградцы,
Раз — сталинградцы — смелее в бой!

Как львы дрались с врагом на окраине города комсомольцы-активисты 18-летний слесарь Алеша Талдыкин, Ермоленко, мастер Петя Скороходов, секретари комсомольских организаций — Володин, Коля Красноглазов, Куренков, сталевар Саша Соколков, Коля Тимошенко, Родин, Савченко и много других.

У стен родного завода сложили свои головы юные герои Володин, Дегтярев, Дмитриева. С глубокой печалью склоняем мы свои головы перед свежей могилой наших сверстников, проливших свою кровь в бою с врагом, отдавших свою жизнь за Родину, за Сталинград. Мы не забудем вас молодые герои Сталинграда, до последнего дыхания сражавшиеся с врагом! Рука об руку вместе с юношами сражаются за Сталинград молодые девушки. В огне сражений под градом пуль и снарядов они спасают раненых, ухаживают за ними.

Артиллерийский дивизион, целиком сформированный из комсомолок Сталинграда, героически оборонял мост на подступах к городу и также самоотверженно отстаивал окраину города. Десятки вражеских самолетов пикировали на батарею, обстреливали артиллеристок, часть их были ранены и убиты, остальные стояли на посту, продолжали вести огонь по танкам и пехоте врага. Командование наградило несколько героинь орденами и медалями.

Так сражаются молодые Сталинградцы.

Вся страна с волнением и тревогой следит за битвой в районе Сталинграда. День и ночь советские патриоты думают о Сталинграде, понимая, что от исхода борьбы за этот город зависит судьба всей нашей Родины, каждого из нас. Все советские люди — рабочие, колхозники—молодые и старые, горят желанием помочь героям Сталинграда в их тяжелой борьбе. В эти дни мы, сталинградцы — бойцы решающего фронта, и каждый из нас на своем посту должен втрое, вдесятеро больше трудиться, чтобы помочь армии, защитникам города.

Пусть каждый комсомолец и комсомолка, юноша и девушка задумаются и спросят себя сейчас. А чем я помог героям Сталинграда — своим отцам, братьям, друзьям, которые не на жизнь, а насмерть бьются с врагом?

Пусть каждая комсомольская организация вместе со всей молодежью обсудит, какими подарками они встретят 25-ю годовщину Великого Октября.

Помни молодой товарищ: если ты не жалея сил производишь боеприпасы, оружие и снаряжение — ты тоже боец, ты помогаешь защитникам Сталинграда.

Помни, молодой товарищ: если ты, не жалея сил работаешь в колхозе, в поле — ты тоже помогаешь защитникам Сталинграда.

Пусть в эти тяжелые дни борьбы за Сталинград каждый юноша и девушка поймет, что его место в рядах ленинско-сталинского комсомола. Пусть лучшая передовая молодежь придет в наши ряды и станет на смену погибшим героям-комсомольцам.

Отдадим все силы фронту, товарищи! Сталинградский Областной Комитет ВЛКСМ призывает всех комсомольцев и молодежь области, еще теснее сплотиться во-

круг большевистской партии и нашего вождя великого СТАЛИНА.

Сталинградский Областной Комитет ВЛКСМ.

Письмо девушек Сталинграда к защитникам города

Два месяца мы, девушки Сталинграда, с тревогой и гордостью следим за вашей самоотверженной, упорной и тяжелой борьбой с немецкими разбойниками. Мы сами видим, родные отцы и братья, мужья, любимые юноши, как вы отстаиваете каждый квартал, каждую пядь земли нашего города. Обращение героев-царицынцев увеличило вашу волю к сопротивлению, повысило и нашу готовность сделать все для вас, чтобы вы могли одержать победу. Но враг все еще наступает. Опасность для Сталинграда, для всей Родины попрежнему велика. Напрягайте все силы, наши славные воины, разбейте и изгоните гитлеровских насильников, спасите нас от проклятых немцев.

В эти тяжелые для города дни все девушки Сталинграда — с вами, любимые воины! Посмотрите назад и вы увидите, что они в нескольких десятках, сотнях метров от передовой линии работают медицинскими сестрами, помогают строить баррикады, в заводских цехах, полуразрушенных мастерских, в огне и в дыму бомбардировок, делают патроны, мины, снаряды, ремонтируют пушки и танки, а в решительный час выходят с оружием на линию огня отстаивать свой завод. Когда враг подошел вплотную к стенам Тракторного завода, сталевар Ольга Ковалева вместе с рабочими и красноармейцами бросилась в бой, отважно сражалась, пока пули фашистов не сразили ее. Но враг был здесь отброшен. Расскажите об этом всем защитникам Сталинграда! Пусть знает тот, кто слаб духом и не решителен в этой священной борьбе, что если он струсит и убежит за Волгу, то мы, русские девушки, с отвращением и гневом проклянем его имя и лучше сами погибнем в бою, чем оставим беззащитным любимый город.

Сталинград — это город нашей молодости. В расцвете сил и надежд его строила и украшала молодежь

всей страны. Его могучими заводами гордился народ. В степи вдохновенным трудом энтузиастов - строителей, комсомольцев, поднялись цехи, дворцы, где мы начинали жизнь, институты, где мы учились, сады и парки, где мы мечтали, надеялись и любили. С этим городом молодости у нас связано все милое, родное и светлое. Он был славой и гордостью Родины.

И в эти тяжелые дни он останется ее славой и гордостью. Правда, город разрушен фашистами, но тем сильнее наша ненависть к ним, тем беспощаднее мы должны бить немецких фашистов.

Дорогие воины! На вашей ответственности тысяча жизней стариков, женщин и детей города. Они ютятся в развалинах домов, подвалах, в пещерах. Они готовы разделить вместе с вами невиданные трудности обороны, они верят вам, они вручили вам свою судьбу. На днях мы беседовали с молодой матерью. Вместе с двухлетней дочерью она живет в землянке рядом с заводом, воспитавшем ее. Она сказала: — Мой муж дерется здесь, на улицах нашего города. Я не уйду отсюда. Я знаю, что он и тысячи таких, как он, не оставят нас без защиты и лучше умрет, чем уйдет с того места, куда поставила его Родина и наша вера в него, наша любовь к нему.

Защитники Сталинграда! Наше счастье и будущее, наша молодость — в ваших руках. Для вас мы готовы на все. Исполните и вы свой долг перед Родиной, перед всем народом. И тогда об обожженные камни нашего города враг разобьет голову, ляжет костьми у ворот славного Сталинграда.

Мы с вами. Слава героям — защитникам Сталинграда! Обнимаем вас, дорогие воины, и ждем победы над ненавистным врагом!

Письмо подписали: ДМИТРИЕВА Тося — конструктор завода СТЗ, ИВАНОВА — работница хлебозавода, РЯБЧИКОВА Дарья — мотористка Сталгрэса, ПЛАСТИКОВА Лида — секретарь Тракторозаводского райкома ВЛКСМ, ГРИЦЕНКО — санитарка, ТАРАНОВА Нина — начальник сандружины Баррикадного района, СМИРНОВА — сварщица, СЕРГИЕНКО Мария и др.

КЛЯТВА

комсомольцев и комсомолок Сталинградской области, добровольно вступивших в ряды воинов Красной Армии—защитников Сталинграда

Немецкие варвары разрушили Сталинград, город нашей юности, нашего счастья. Они превратили в груды развалин и пепла школы и институты, где мы учились, заводы и лаборатории, где мы трудились, дворцы, театры и парки, где мы отдыхали и развлекались.

Они уничтожили то, что было создано трудом наших отцов, дедов и прадедов, все, чем мы гордились, что оберегали и хранили.

Руины родного Сталинграда, кровь погибших сталинградцев зовут нас к мщению...

Немецкие людоеды, вам не уйти от нашей мести!

Родной Сталинград, мы идем в боевые ряды Красной Армии, чтобы отстоять тебя, чтобы под твоими стенами разгромить и отбросить немецких захватчиков, идем в бой, поднятые священным чувством жгучей ненависти к врагу.

Месть, беспощадная месть немецким людоедам, — вот в чем смысл нашей жизни теперь, вот во имя чего мы сменили руль трактора, станок, учебную книгу на автомат и винтовку.

Вступая добровольцами в ряды защитников родного Сталинграда, мы приносим нашей матери-родине, нашей великой большевистской партии, нашему отцу Сталину торжественную комсомольскую клятву:

Клянемся драться за каждый вершок сталинградской земли, не щадя жизни и крови своей. Стоять перед врагом, насмерть. Бить врага всюду. Мстить ему за Сталинград. за разрушенные заводы, рабочие кварталы, школы, за каждый сожженный дом.

Клянемся беспощадно отомстить немецко-фашистским захватчикам за нашу поруганную землю, за осквернённые воды тихого Дона, за каждый уничтоженный колос на колхозном поле, за каждый разграбленный крестьянский двор.

Клянемся мстить немцам за кровь и страдания наших людей, за слезы наших матерей, за стоны детей. Мстить врагу лютой и неумолимой смертью, мстить до полного истребления немецко-фашистских мерзавцев.

Клянемся быть верными до конца жизни своей боевым традициям наших отцов, героических защитников Красного Царицына.

Клянемся — мужественно и стойко, пока в груди есть дыхание, пока в жилах течет кровь, драться с врагом за святую землю, за родной Сталинград.

И если кто из нас по злому умыслу или малодушию дрогнет в бою, оставит товарища без помощи, отступит перед поганым немцем, — пусть наша общая ненависть и презрение станут его уделом. Пусть наша рука смертно покарает клятвопреступника.

(Клятва комсомольцев принята на митинге 17-го ноября 1942 года в городе Камышине, Сталинградской области.

Клятву подписали свыше 2 тысяч комсомольцев и комсомолок-добровольцев Красной Армии).

ОБРАЩЕНИЕ

участников царицынской обороны к защитникам Сталинграда

Дорогие товарищи!

Сейчас, когда звучит артиллерийская канонада в окрестностях СТАЛИНГРАДА, когда слышатся разрывы тысяч снарядов и бомб на улицах нашего родного города, у нас, бывших защитников ЦАРИЦЫНА, особенно сжимается сердце от боли, в глазах невольно встают картины прошлого.

Мы тогда, как и вы сейчас, храбро, героически сражались под руководством товарища СТАЛИНА за любимый город на Волге. Давно прошли те дни, а слава о них звучит и поныне. В книгах, картинах, песнях и сказаниях народных живут имена героев тех дней.

Любит русский народ свое прошлое и в этом прошлом с каждым годом все ярче и ярче, как звезды, горят имена людей, храбро сражавшихся за свой народ, за свою страну. Много их пало тогда, но слава о них, имена их живут и поныне в памяти миллионов людей нашей родины.

Закончив разгром белогвардейщины, мы приступили к мирному строительству. На наших глазах за эти годы небольшой ЦАРИЦЫН вырос в гигантский город СТАЛИНГРАД. Десятки новых фабрик и заводов, школы, больницы, театры, клубы появились в городе. Все это нам давало возможность радостно жить и работать. Каждый из нас гордился тем, что он жил, работал в городе СТАЛИНА и мы, бывшие защитники ЦАРИЦЫНА, больше всех радовались тому, что кровь, обильно пролитая нашими товарищами не пропала даром.

Вот почему сейчас, когда сотни вражеских стервятников рыщут над нашим родным городом, когда тысячи снарядов и бомб рвутся в стенах построенных нами фабрик и заводов, когда под обломками жилых домов гибнут наши жены и дети, мы, защитники ЦАРИЦЫНА, решили обратиться к вам, защитникам СТАЛИНГРАДА.

НЕ СДАВАЙТЕ ВРАГУ НАШ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД! ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ ЗАЩИТИТЕ ГОРОД СТАЛИНА! БЕЙТЕСЬ ТАК, ЧТОБЫ СЛАВА О ВАС, КАК И О ЗАЩИТНИКАХ ЦАРИЦЫНА, ГРЕМЕЛА В ВЕКАХ!

Помните, дорогие друзья, помните, наши сыновья и дочери, страна, народ не забудут ваших имен, не забудут имен тех, кто героически сражался за счастье народное, не щадя своих сил и жизни защищал город СТАЛИНА.

Мы глубоко уверены, что стоит вам напрячь все силы, как враг будет разбит. РУССКИЙ БОГАТЫРЬ МОЖЕТ И ДОЛЖЕН РАЗБИТЬ ВШИВОГО НЕМЕЦКОГО ФРИЦА. Помните, что сердца всего советского народа сейчас бьются вместе с вашими героическими сердцами. Мысли всех советских людей вместе с вами.

Весь советский народ беззаветно верит в то, что вы отстоите город СТАЛИНА. Ваша победа будет победой всех советских людей.

Народ требует от вас, чтобы вы не щадили ни единой фашистской сволочи. Нет такой цены, которой бы

могли искупить фашистские гады свои издевательства над русскими людьми. Обороняясь, одновременно наступайте, не ждите, когда фашисты придут к вам, разыскивайте их в каждом доме, в каждом окне, в каждом подвале и уничтожайте, как бешеных собак. Помните, что каждый убитый фриц, каждый подбитый танк, орудие приближают день нашей победы.

Тверже боевой шаг, боевые товарищи, крепче сжимайте оружие в руках, больше ненависти к фашистским мерзавцам в ваших сердцах, и вы победите.

ЗАЩИТНИКИ ЦАРИЦЫНА ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ПОБЕДИЛИ, ПОД РУКОВОДСТВОМ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ПОБЕДЯТ И ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНГРАДА.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ГЕРОИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНГРАДА!

По поручению участников героической обороны ЦАРИЦЫНА:

ЧЕРТИХИН М. Е., бывший командир взвода 4-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии.

НАЗАРОВ А. С., бывший командир 2-й конной батареи 18 кавалерийской дивизии.

ТРАВЬЯНОВ А. Б., бывший артиллерист-наводчик, награжденный орденом Красного Знамени.

СМОЛИН В. Н., бывший боец.

ПЕТРОВ В. Н., бывший боец и другие.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Город на осадном положении 3
Обращение к населению Городского Комитета Обороны . 5
Приказ № 4 Военного Совета Юго-Восточного фронта . 7
Передовая «Правды» — «Героический Сталинград» . . 9
А. Чуянов. Город-герой 13
Г. Александров. Бои за Сталинград 18
П. Доронин. Сражаются большевики-сталинградцы . . 26
Б. Полевой. За Волгу-матушку 31
М. Водолагин. Героическая оборона Сталинграда . . 33
«Красная звезда». Герои Сталинграда 40
Е. Кокеев. Армейские большевики в боях за Сталинград 50
К. Симонов. Дни и ночи 52
В. Приходько. Завод-воин 59
С. Бабкин. Мы—сталинградцы, мы выстоим! 62
В. Коротеев, В. Левкин. Мы строили Сталинград — мы его отстоим 65
Н. Тихонов. Города - бойцы 71
Л. Кудреватых. Утро под Сталинградом . . . . .
В. Куприн, Д. Акульшин. День в Сталинграде . . . 80
Евг. Кригер. Гнев добрых 83
В. Куприн, Д. Акульшин. Сражаются мотострелки . . 89
К. Симонов. Солдатская слава 92
П. Ульев. Идя на собрание 99
Б. Полевой. Небо Сталинграда 101
Вас. Гроссман. Сталинградская переправа 103
В. Иванов, В. Белов. У подножия высоты 108
Ив. Ольховик. Тридцать три богатыря 111
М. Розовский. Люди одной воли 113
В. Полторацкий. Четыреста метров 115
Л. Кудреватых. В огне 118
Вас. Гроссман. Сталинградская битва 121
Евг. Кригер. Сталинград в бою 130
Л. Высокоостровский. На окраине Сталинграда . . . 136
В. Коротеев. Бои за Сталинград 140
Л. Высокоостровский. Минометчики в боях за Сталинград 142
Б. Полевой. Огонь с Волги 145
В. Куприн, Д. Акульшин. В одном квартале 148
В. Куприн, Д. Акульшин. На окраине города 151
П. Дмитриев, С. Шухмин. В заводском поселке Сталинграда 153
Б. Полевой. Бойцы цехов 155
Л. Высокоостровский. Упорные бои за каждый дом Сталинграда 158
Б. Полевой. Дом 21/А 160
Б. Полевой. Редут Тараккуля 164
В. Лидов. На южной окраине 170
В. Гроссман, В. Коротеев. В городе Сталина 173

Документы

Обращение Сталинградского Городского Комитета Обороны к населению города Сталинграда . . . 177
Обращение X пленума Сталинградского областного комитета ВКП(б) к защитникам Сталинграда, к рабочим, колхозникам, ко всем трудящимся Сталинградской области 178
Обращение трудящихся Сталинградской области к трудящимся города Ленина 182
Ответное письмо ленинградцев бойцам, командирам, политработникам и всем трудящимся Сталинграда . 184
Письмо Сталинградского Областного Комитета ВЛКСМ к комсомольцам и молодежи Сталинградской области 185
Письмо девушек Сталинграда к защитникам города . 189
Клятва комсомольцев и комсомолок Сталинградской области, добровольно вступивших в ряды воинов Красной Армии—защитников Сталинграда . . .
Обращение участников Царицынской обороны к защитникам Сталинграда. 192

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ... ОТДЕЛ

Цена книги 6 руб.

Переплет 2 руб.

Редактор **Лобачев.**

Ответств. за выпуск **К. П. Полупанов.**

Корректор **Ю. Н. Рюмшин.**

Сталинградское книгоиздательство. Сдано в набор 9/XII—1942 г. Формат бумаги 84 х 108. Печатных листов 12½. Учетно-авторских листов 20. Знаков в печатном листе 66.000. Тираж—5100.

Астрахань, типо-литогр. издательства «Коммунист». Заказ № 7114.
НМ—00209.

H-2020